

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

КОНОРЕЗОВ Николай Андреевич

**ПОНУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА:
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ**

Специальность 5.1.4 – «Уголовно-правовые науки»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации
Коняхин Владимир Павлович

Краснодар – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Введение	3
Глава 1. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера: историко-правовой и сравнительно-правовой анализ.....	16
1.1. Формирование и развитие уголовно-правовой нормы об ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в законодательстве России.....	16
1.2. Зарубежный опыт уголовно-правового противодействия понуждению к действиям сексуального характера	33
Глава 2. Уголовно-правовая характеристика понуждения к действиям сексуального характера.....	53
2.1. Признаки основного состава понуждения к действиям сексуального характера: проблемы интерпретации и перспективы законодательного совершенствования.....	53
2.2. Дифференциация уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера.....	81
Глава 3. Уголовно-правовая оценка понуждения к действиям сексуального характера.....	102
3.1. Проблемы квалификации понуждения к действиям сексуального характера.....	102
3.2. Пределы уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера.....	127
Заключение	152
Список использованных источников.....	162
Приложение	182

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современных политико-правовых условиях трепетного отношения к вопросам охраны неприкосновенности личности наблюдается особая обеспокоенность проблемой сексуальных домогательств и гендерного насилия (sexual harassment and gender violence) во всём мире. В зарубежной юридической и криминологической литературе рассматривается широкий спектр аспектов, связанных с сексуальными домогательствами и понуждением к действиям сексуального характера: сексуальное насилия в школах, университетах, на рабочих местах, среди различных корпоративных групп (например, среди юристов)¹.

Отечественные правоведы уделяют этой проблематике гораздо меньше внимания, делая акцент преимущественно на изучении «традиционных» сексуальных преступлений – изнасилований, насильственных действий сексуального характера, ненасильственных посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Как правило, исследования насильственных сексуальных посягательств ограничиваются рассмотрением преступлений, предусмотренных ст. 131 и ст. 132 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а ненасильственных – ст. 134 и ст. 135 УК РФ. При этом вопросы уголовно-правовой оценки понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) рассматриваются по остаточному принципу, что закономерно сказывается на уровне её научной разработанности.

Между тем к настоящему времени накопилось немало теоретических и прикладных трудностей, связанных с нормативной регламентацией ответственности за понуждение к действиям сексуального характера и его уголовно-правовой оценкой, которые требуют научно обоснованного решения. До настоящего времени сохраняются существенные противоречия в

¹ Seal L. Sexual Violence // Gender, Crime and Justice. Springer Nature, Switzerland AG. 2022. P. 61.

интерпретации признаков состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, которые негативно сказываются на правоприменительной практике; не разработаны на должном уровне частные правила квалификации этого преступления; нуждаются в теоретическом осмыслении недавние законодательные изменения, нацеленные на дифференциацию уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера, которые, к сожалению, не отвечают требованиям системности²; давно назрел вопрос о целесообразности и пределах использования уголовной репрессии для противодействия сексуальным домогательствам (харассменту).

Отмеченные обстоятельства формируют социальный спрос на проведение специального диссертационного исследования, посвященного проблемам установления, дифференциации и реализации уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера.

Степень разработанности проблемы. Половые преступления всегда привлекали интерес специалистов наук криминального цикла. Ощутимый вклад в разработку данной темы был привнесен такими известными учеными, как Л. А. Андреева, Ю. М. Антонян, А. Н. Игнатов, Н. А. Исаев, А. Г. Кибальник, Т. В. Кондрашова, В. П. Коняхин, П. И. Люблинский, К. Я. Маркс, А. В. Наумов, Н. Н. Паше-Озерский, А. А. Пионтковский, А. Н. Попов, Ю. Е. Пудовочкин, М. Д. Шаргородский, Я. М. Яковлев и другие. Однако при этом состав понуждения к действиям сексуального характера в советском уголовном праве и в постсоветский период находился на периферии научных исследований. Специалисты в основном уделяют внимание составам изнасилования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) (исследования Л. А. Андреевой, А. Б. Утямишева, С. Д. Цэнгэл, А. В. Дыдо, Е. В. Поддубной и др.) либо аспектов ненасильственных половых преступлений против несовершеннолетних (ст. 134, 135 УК РФ) (диссертации Н. Н. Сяткина,

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 06 марта 2022 г. № 38-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 10. Ст. 1395.

А. А. Игнатова, А. А. Бимбинова, Ю. А. Островецкой, статьи Стешич Е. С., Оберемченко А. Д. и т.д.), тогда как понуждение к действиям сексуального характера остается за рамками научных изысканий.

В отечественной юридической библиографии имеется лишь одна работа, специально посвященная этой проблематике – диссертация Д. А. Гнилицкой «Уголовно-правовые и социокриминологические аспекты ответственности за понуждение женщины к действиям сексуального характера (статья 133 УК РФ)» (2011 г.). Однако в этой диссертации предмет исследования ограничен понуждением к действиям сексуального характера исключительно лиц женского пола, в связи с чем в ней не получили отражения многие сложные вопросы понимания и квалификации преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ.

Таким образом, в плане изучения установления и дифференциации уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в отечественной доктрине уголовного права имеется пробел, на восполнение которого нацелено настоящее исследование.

Цель исследования заключается в разрешении теоретических и прикладных проблем, связанных с установлением уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера, а также в разработке теоретической основы для совершенствования ст. 133 УК РФ и практики ее применения.

Для достижения указанной цели поставлены следующие основные **задачи** исследования:

- проследить тенденции развития правовой регламентации и доктринальных представлений об уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в отечественном уголовном праве;
- сравнить опыт зарубежных государств в сфере уголовно-правовой борьбы с понуждением к действиям сексуального характера, определить закономерности и имеющиеся подходы к криминализации понуждения,

выявить позитивный зарубежный опыт, который может быть использован для совершенствования отечественного уголовного законодательства;

– проанализировать признаки основного состава понуждения к действиям сексуального характера, их интерпретацию и предложить авторское понимание содержания этих элементов состава понуждения;

– уточнить критерии дифференциации уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера, определить оптимальную конструкцию квалифицированных и особо квалифицированных составов преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ;

– выявить проблемы, возникающие при уголовно-правовой оценке понуждения к действиям сексуального характера, и на основании общей теории квалификации преступлений предложить пути их разрешения;

– обозначить пределы уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера, наметить векторы оптимизации законодательной конструкции ст. 133 УК РФ.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с установлением, дифференциацией и реализацией уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера, уголовно-правовой охраной половой свободы и половой неприкосновенности личности.

Предметом диссертационного исследования являются: система половых преступлений; отечественный и зарубежный опыт их нормативной регламентации; понуждение к действиям сексуального характера, признаки состава этого преступления; основания и критерии дифференциации ответственности за понуждение к действиям сексуального характера; проблемы квалификации этого преступления; концепции криминологического обоснования криминализации домогательств и иных общественно опасных посягательств на половую свободу и неприкосновенность личности.

Методологической основой диссертационного исследования

выступают: диалектика как всеобщий метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, сравнение, сопоставление, индукция, дедукция) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, герменевтический, формально-логический, юридико-лингвистический, социологический) методы исследования.

Теоретическая основа диссертационного исследования представлена основными достижениями дореволюционной, советской и современной российской доктрины уголовного права, а также необходимые для системного изучения предмета исследования труды в области общей теории права, истории и философии права, социологии преступности. В частности, теоретическую основу составили труды таких ученых, как: Л. А. Андреева, С. В. Бородин, Б. В. Волженкин, А. Э. Жалинский, Н. Г. Иванов, Л. В. Иногамова-Хегай, А. Г. Кибальник, И. Я. Козаченко, В. П. Коняхин, А. И. Коробеев, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, Л. Л. Кругликов, В. В. Лунеев, А. В. Наумов, К. В. Ображиев, Н. И. Пикуров, Э. Ф. Побегайло, А. Н. Попов, Ю. Е. Пудовочкин, А. И. Рарог, Р. Д. Шарапов, В. Ф. Щепельков, П. С. Яни и др.

Нормативную базу диссертационного исследования составляют Конституция Российской Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации, УК РФ.

Сравнительно-правовые аспекты исследования потребовали обращения к уголовному законодательству зарубежных стран (Закон о половых преступлениях Англии и Уэльса, Кодекс США, УК Австрии, УК Дании, УК Канады, УК КНР, УК ФРГ, УК Франции, УК Швейцарии), в том числе, принадлежащих к постсоветскому пространству (УК Азербайджана, УК Республики Беларусь, УК Грузии, УК Республики Казахстан, УК Украины).

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена результатами анализа и обобщения: опубликованной практики судов общей юрисдикции по применению ст. 133 УК РФ за 1997-2022 гг. (более 100

судебных актов, включая приговоры и постановления об освобождения от уголовной ответственности); сведений Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о показателях судебной статистики по преступлению, предусмотренному ст. 133 УК РФ; данных проведенного в 2021-2022 гг. социологического исследования – опроса 132 практических работников (14 мировых судей, 40 прокуроров, 78 следователей Следственного комитета Российской Федерации) из 43 субъектов Российской Федерации; достижений научных исследований, полученных другими учеными.

Научная новизна диссертации определяется тем, что она представляет первое специальное исследование, посвященное проблемам установления и дифференциации уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера, а также новаторским подходом к решению этих проблем.

В результате проведенного исследования: установлены тенденции и противоречия развития уголовного законодательства об ответственности за половые преступления; на основании компаративного анализа определены основные зарубежные подходы к криминализации понуждения к действиям сексуального характера, показаны их достоинства и недостатки; представлена уточненная уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ; выявлены существенные резервы в части совершенствования дифференциации уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера; разработана система частных правил квалификации этого преступления; определены перспективные направления оптимизации законодательной конструкции ст. 133 УК РФ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Выявлены историко-правовые закономерности развития уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности. Эволюция отечественного уголовного законодательства

демонстрирует прямую зависимость между уровнем развития прав и свобод человека и интенсивностью уголовно-правовой охраны половой свободы и неприкосновенности личности. Пренебрежение к правам человека в дореволюционный и советский период закономерно отражалось в уголовном законе, который регламентировал уголовную ответственность за сексуальные посягательства фрагментарно и неполно. По мере нормативного закрепления и фактического признания прав и свобод человека в качестве важнейшей социальной ценности происходит расширение круга преступных сексуальных посягательств. Однако эта тенденция демонстрирует эффект «запаздывания», что наглядно проявляется применительно к законодательной конструкции ст. 133 УК РФ, которая по ряду параметров не соответствует современному уровню развития прав личности в сфере сексуальных отношений.

2. На основании проведенного компаративного исследования определены основные зарубежные подходы к криминализации понуждения к действиям сексуального характера: а) конструирование общей нормы об уголовной ответственности за сексуальное принуждение, которая охватывает все насильственные половые преступления, в том числе, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера (например, уголовные законы Австрии, США, Швейцарии и др.); б) установление специальной нормы об уголовной ответственности за совершение действий сексуального характера (в том числе не связанных с проникновением в тело человека) в отсутствие согласия потерпевшего путем применения психического насилия (угрозы уничтожения имущества, распространения порочащих сведений и т.п.) или обмана (Закон о половых преступлениях Англии, УУ Германии, УК Дании, Франции); в) регламентация специальной нормы об уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера путем шантажа, применения угроз уничтожения, повреждения, хищения имущества, использования зависимого положения жертвы (УК Азербайджана, УК Республики Беларусь, УК Грузии, УК Республики Казахстан, УК Украины).

В УК РФ реализован третий, самый узкий подход к регламентации ответственности за понуждение к действиям сексуального характера, что оставляет без адекватной уголовно-правовой оценки ряд проявлений сексуального понуждения, обладающих криминальной общественной опасностью.

3. Обоснована целесообразность конструирования общей уголовно-правовой нормы об ответственности за принуждение, которая позволит дать адекватную правовую оценку тем общественно опасным проявлениям принуждения (принуждение к аборту, к замужеству, к смене конфессиональной принадлежности, к увольнению с работы и т.п.), которые не предусмотрены самостоятельными нормами (ст. 120, 133, 163, 179, 230, 240, 302, 309 УК РФ). При этом отказ от самостоятельных (специальных) норм об ответственности за отдельные виды принуждения (в том числе и за понуждение к действиям сексуального характера) представляется нецелесообразным, поскольку они позволяют учесть специфику разнообразных проявлений принуждения и дифференцировать уголовную ответственность. Таким образом, система, включающая общую норму об ответственности за принуждение и специальные уголовно-правовые запреты на наиболее опасные проявления принудительного воздействия, обеспечит беспробельное уголовно-правовое регулирование и необходимую дифференциацию уголовной ответственности.

Принуждение как преступление, посягающее на свободу личности, логично закрепить в ст. 128² УК РФ «Принуждение» в следующей, основанной на Модельном УК, редакции: «Принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей)».

4. С учетом постулатов уголовно-правового учения о преступлениях против несовершеннолетних и апробированных законодательных подходов теоретически обоснована необходимость законодательного

учета возраста потерпевшего при регламентации возрастных признаков субъекта преступления, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 133 УК РФ. Необходимо исключить возможность привлечения к ответственности по ч. 2 и 3 ст. 133 УК несовершеннолетнего лица, который понудил к действиям сексуального характера своего сверстника или более старшего подростка. Для этого в ст. 133 УК РФ следует предусмотреть возрастные особенности субъекта преступления: а) в ч. 2 ст. 133 УК РФ (понуждения к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего лица) указать, что преступление может быть совершено только лицом, достигшим восемнадцати лет; б) при формулировании состава понуждения к действиям сексуального характера в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста, учесть, что преступление может быть совершено лицом, достигшим шестнадцати лет.

5. Разработана уточненная уголовно-правовая характеристика субъективной стороны состава понуждения к действиям сексуального характера. Для привлечения лица к уголовной ответственности требуется обязательное установление не только вины в форме прямого умысла, но и специальной цели – совершения действий сексуального характера. Признание указанной цели в качестве обязательного признака состава понуждения ограничит сферу действия ст. 133 УК РФ, исключит возможность ее расширительного толкования и применения к лицам, понуждающим к действиям сексуального характера в целях издевательства, запугивания, буллинга и т.п. Общественная опасность подобных действий заключается не в посягательстве на половую свободу или неприкосновенность, а в нарушении чести и достоинства личности, личной свободы как таковой.

6. Обоснована потребность в дифференциации уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в зависимости от его результативности. Статья 133 УК РФ в действующей редакции не предусматривает ответственность за фактическое совершение действий сексуального характера с жертвой, в отношении которой совершено

понууждение, игнорирует повышенную общественную опасность результативного понуждения, которая существенно возрастает за счет причинения реального вреда половой свободе и половой неприкосновенности личности. Исходя из этого предлагается предусмотреть результативное понуждение к сексуальным действиям в качестве отягчающего уголовную ответственность признака.

Потребность в дифференциации уголовной ответственности за совершение результативного понуждения не может быть компенсирована дополнительной квалификацией содеянного по ст. 134 или ст. 135 УК РФ. Во-первых, применение этих норм возможно только при совершении преступления в отношении лица, не достигшего шестнадцати лет, тогда как потерпевшими от результативного понуждения могут быть лица старшего возраста. Во-вторых, ст. 134 и 135 УК РФ не предназначены для противодействия насильственным посягательствам, к числу которых относится понуждение к действиям сексуального характера.

7. Определены иные перспективные направления дифференциации уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера: установление квалифицирующих признаков (совершение в соучастии; в отношении двух или более лиц; с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет») для понуждения лица независимо от возраста потерпевшего, что позволит обеспечить соблюдение принципа равенства; установление квалифицирующего признака V степени, связанного с рецидивом (совершение в отношении лица, не достигшего восемнадцати лет, лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего).

8. Разработаны правила квалификации понуждения к действиям сексуального характера, касающиеся: дополнительной уголовно-правовой оценки деяний, выступающих в качестве способа понуждения; отграничения преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, от смежных преступлений;

уголовно-правовой оценки многоэпизодного понуждения (предложены критерии разграничения продолжаемого преступления и совокупности преступных деяний, предусмотренных ст. 133 УК РФ); понуждения к действиям сексуального характера, совершенного в соучастии.

9. Обоснована социальная потребность в расширении сферы уголовно-правовой охраны половой свободы и неприкосновенности. С учетом конституционализированных критериев криминализации деяний, историко-правовой логики развития уголовного законодательства, позитивного зарубежного опыта представляется оправданным:

– криминализовать в рамках ст. 133 УК РФ сексуальные домогательства, то есть совершение развратных действий вопреки воле и согласию потерпевшего, в том числе с применением психического насилия. Включение альтернативного признака позволит заполнить пробел в правовом регулировании (развратные действия без согласия потерпевшего в отношении лиц, старше шестнадцати лет в действующей редакции гл. 18 УК РФ не признаются преступными), а также закрепить специальный запрет для случаев совершения развратных действий в отношении лиц, не достигших шестнадцати лет, но без согласия потерпевшего либо с применением психического насилия (например, прикосновения к половым органам под угрозой изъятия смартфона);

– установить в самостоятельной норме (ст. 133¹ УК РФ) ответственность за действия сексуального характера, совершенные путем обмана в личности партнера (обманная замена партнера) или в характере действий (например, обманное совершение сексуальных действий вместо оговоренных несексуальных; совершение анального полового акта вместо вагинального либо наоборот). При этом обман в намерениях (заведомо ложное обещание жениться, сделать подарок и т.п.) не может рассматриваться в качестве способа преступного сексуального посягательства.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты вносят вклад в развитие уголовно-правового учения о половых

преступлениях, существенно уточняют уголовно-правовую характеристику состава понуждения к действиям сексуального характера. Положения и выводы диссертации создают теоретическую основу для совершенствования уголовного законодательства и практики его применения, а поднятые в работе вопросы могут стать стимулом для дальнейшей научной дискуссии в части уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в том, что в нем сформулированы научно обоснованные правила уголовно-правовой оценки понуждения к действиям сексуального характера, предложено решение сложных правоприменительных вопросов, возникающих при уголовно-правовой оценке способа понуждения, понуждения к действиям сексуального характера, совершенного в соучастии, продолжаемого понуждения и др. Результаты исследования могут быть использованы и в правотворческой деятельности по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации; в правоприменительной практике судов общей юрисдикции, органов прокуратуры и предварительного расследования; в учебном процессе при изучении проблем квалификации половых преступлений; в процессе повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные результаты проведенного исследования нашли свое отражение в докладах диссертанта на научно-практических конференциях и научных семинарах, а также в 6 научных статьях, 4 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, включенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы исследования используются в учебном процессе юридического факультета Кубанского государственного университета, в практической деятельности органов прокуратуры Краснодарского края.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется использованием апробированных методов научного познания, которые адекватны поставленным задачам и обеспечивают всесторонность и объективность исследования, соблюдением методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативной эмпирической базой, на которой основывалось исследование. Теоретические выводы диссертации построены на новых и проверяемых данных, которые согласуются с иными опубликованными работами по теме диссертации.

Структура диссертации обусловлена выбранной целью и поставленными задачами исследования. Диссертация состоит из введения, 3 глав, объединяющих 6 параграфов, заключения, списка использованных источников и приложения.

ГЛАВА 1. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОНУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: ИСТОРИКО- ПРАВОВОЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

1.1. Формирование и развитие уголовно-правовой нормы об ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в законодательстве России

Уголовно-правовой запрет всегда имеет свои предпосылки, понимание которых позволяет установить содержание соответствующей нормы и определить направления ее совершенствования. Ответ на вопрос об общественной опасности того или иного деяния имманентно связан с историческим и социально-культурным контекстом, в котором реализуется уголовная ответственность за конкретные виды поведения. При этом следует оговорить, что сравнение как метод познания требует, чтобы сравниваемые объекты были сопоставимы. Это затрудняет сравнительный анализ уголовно-правовых норм об ответственности за половые преступления в историческом аспекте, поскольку вряд ли можно с уверенностью утверждать, что исторические памятники русского права, например, Судебник 1497 года можно без лишних условностей сопоставлять и сравнивать, скажем, с действующим уголовным законом Российской Федерации.

В этой связи представляется важным не столько сравнить уголовно-правовое регулирование охраны личности от понуждения к действиям сексуального характера в различные периоды становления российского государства, сколько проследить ход уголовно-правовой истории в этой части. Иными словами, мы попытаемся выявить и научно обосновать закономерности в уголовном запрещении понуждения к сексуальным действиям.

Известным фактом является то, что преступным понуждение к действиям сексуального характера (хотя и только в отношении женщин) было объявлено

лишь в УК РСФСР 1926 г.³. На этом фоне заявления отечественных исследователей о том, что имеет место «длительный путь законодательной эволюции» или о том, что рассматриваемый уголовно-правовой запрет является «традиционным» преступлением для российского законодательства⁴, вызывают определенные сомнения. Тем не менее, историко-правовой анализ понуждения к действиям сексуального характера не должен ограничиваться лишь периодом с 1926 г., ведь предпосылки криминализации деяния формировались ранее.

Рассмотрение эволюции законодательного регулирования ответственности за понуждение к действиям сексуального характера невозможно в отрыве от историко-правового исследования системы половых преступлений в целом. Надо признать, что этот аспект разработан в доктрине уголовного права довольно неплохо. В юридической литературе представлены различные варианты периодизации развития уголовного законодательства об ответственности за сексуальные посягательства, детально рассмотрены исторические памятники отечественного уголовного права, выявлены некоторые тенденции в эволюции нормативного регулирования⁵.

Для начала необходимо определиться с некоторыми отправными точками, которые имеют место в предлагаемых учеными вариантах периодизации. Уже традиционным стало выделение дореволюционного, советского и постсоветского этапа правовой регламентации. Но эта периодизация представляется малопродуктивной, ведь она не дает представления о содержании происходящих нормативных трансформаций. Поэтому многие исследователи предлагают более детальную периодизацию, которая показывает характер и направления эволюции правовой регламентации ответственности за половые преступления.

Так, например, Р. М. Кочетов показывает целесообразность выделения

³ Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. М. : КОНТРАКТ, 2015. С. 144.

⁴ Коновалов Н. Н. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 1. С. 216.

⁵ Кочетов Р. М. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: систематизация и законодательное регулирование : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. С. 9.

внутри первого этапа нескольких периодов: «от Русской правды до Соборного уложения 1649 г.», на котором постепенно формировались соответствующие нормы; «от Соборного Уложения 1649 г. до Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., на котором произошел отказ от религиозных норм в этой сфере, акцентировалось внимание на ответственности за сексуальные отношения родственников, супружеские измены и на повышенной ответственности за изнасилование и растление малолетних»; «от Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. до Уголовного Уложения 1903 г., на котором был сформирован достаточно современный массив составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности для этого времени»⁶.

Заметим следующие особенности. Например, Соборное уложение 1649 г. предусматривало уголовную ответственность за изнасилование, совершенное ратными людьми. При этом регламентацию половых преступлений нельзя признать проработанной в содержательном и технико-юридическом аспектах. Состав преступления был сформулирован следующим образом: наказывается ратник, следующий на или со службу, если учинит «женскому полу насилие»⁷.

Такое «насилие» согласно ст. 30 гл. VII Соборного уложения 1649 г. наказывалось высшей мерой – смертной казнью. При этом соответствующий уголовно-правовой запрет был сформулирован только в отношении строго очерченного круга лиц (ратники), говоря сегодняшней терминологией – в отношении специального субъекта. К такому выводу приводит и расположение анализируемой уголовно-правовой нормы в главе о военных преступлениях. Нацелена эта норма была только на защиту женщин, что исключало из круга потерпевших лиц мужского пола и детей.

Приведенный суровый, с одной стороны, и довольно узкий, с другой стороны, пример установления ответственности за изнасилование отражает во

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Российское законодательство X–XX вв. в 9 томах / Под общей редакцией О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984. Т. 3. С. 97.

многом социально-культурную специфику общества, его уровень развития. Указанная норма уголовного права демонстрирует социальное положение женщины в феодальном социуме, который только вступает в эпоху нового времени.

Как справедливо указано в коллективном труде ученых Института законодательства и сравнительного правоведения «Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства», затронутый аспект наиболее точно доказывает взаимосвязь уровня развития общества и качества криминализации: «Признать деяние преступным невозможно без учета социально-психологических и исторических факторов, так как без соответствия этих процессов уровню развития общественного сознания и состоянию общественного мнения нормы уголовного права будут бездействовать»⁸. Эту мысль проводит С. В. Полубинская, а также Д. А. Антонов, добавляя то, что нормы уголовного права в случае отсутствия рассматриваемого соответствия будут действовать только в качестве проявления государственного принуждения, утрачивая при этом свои функции⁹. Указанные рассуждения и доводы ученых представляются обоснованными, однако на практике нередко имеет место не только избыточная криминализация, но обратная ситуация – запаздывание в государственном обеспечении объекта уголовно-правовой охраны.

Очевидно, что психология и понимание общественных отношений у людей, в том числе законодателей, в XVII веке значительным образом отличны от привычного нам восприятия окружающей действительности. Так, М. И. Бобнева подчеркивает, что любые нормативные системы будут не более, чем формальными установлениями в отсутствие учета психологических закономерностей организации и регуляции поведения и отношений¹⁰. Об этом

⁸ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / И. С. Власов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина и др.; отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Полубинская С. В. Учет социально-психологических обстоятельств при объявлении деяний преступными // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 62; Антонов Д. А. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 17–19.

¹⁰ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978. С. 71.

не менее обоснованно пишет и А. И. Коробеев, замечая, что уголовно-правовой запрет оправдан лишь тогда, когда общественной психологией и правосознанием та или иная разновидность отклоняющегося поведения воспринимается как требующая запрещения¹¹. Дополнительно указывает К. Кенни на свойство вызывания возмущений такими действиями у людей, общества¹². Именно такое понимание должно быть положено в основу криминализации половых преступлений, в том числе, понуждения к действиям сексуального характера.

Итак, наиболее отчетливо сформированный за весь предшествующий период развития уголовного права запрет в Соборном уложении оперирует термином «насильство» в отношении женщины, которое имеет широкое понимание, отнюдь не ограничивающееся сексуальной или половой сферой. Об этом свидетельствует содержание Соборного уложение в его системном толковании, где «насильство» употребляется и в смысле современного «причинения», и в смысле сегодняшнего «физического насилия», и в качестве обобщенного понятия «умышленного посягательства».

Известно, что в рассматриваемый период общество не отличалось демократическим направлением общественной и государственно-правовой мысли. Говорить о правах и свободах человека, равенстве между мужчиной и женщиной, а также между положением мужчин и детей или крепостных крестьян, конечно же, не приходится. Применительно к уголовно-правовому регулированию надо отметить и отсутствие кодифицированного акта об уголовной ответственности за конкретные отклоняющиеся проявления человеческого поведения.

Нормы об ответственности за половые преступления получили значительное развитие в начале XVIII века в период правления Петра Великого, который изменил не только государственно-правовую сферу, но и векторы развития общества, направив его в сторону западничества. Это нашло

¹¹ Коробеев А. И. Советская уголовная политика, проблемы криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. С. 98.

¹² Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949. С. 27.

отражение и в относительно прогрессивном нормотворчестве, включая уголовно-правовое направление. Так, гл. 20 Артикула Воинского 1715 г. получила наименование «О содомском грехе, о насилии и блуде». Среди прочих, в ней были закреплены уголовно-правовые запреты на изнасилование любого лица женского пола, то есть «старая или молодая», «замужняя или холостая», «в неприятельской или дружеской земле». При этом субъектом преступления признавался уже любой мужчина (арт. 167, арт. 168), а не только военный служащий.

Помимо этого, влекло уголовное наказание и ненасильственное половое сношение. Речь идет об уголовной ответственности за прелюбодеяние, то есть половое сношение женатого мужчины с замужней женщиной, где преступным признавались действия каждого – это можно назвать криминализованной изменой, что по своей опасности отвечало имеющимся тогда традициям семейной жизни и строгости влияния церкви на эту сферу отношений. Этим же можно объяснить уголовно-правовой запрет на мужеложство.

Упомянутая периодизация, предложенная Р. М. Кочетовым, вызывает сомнения в своей обоснованности. В частности, хотя действие Артикула Воинского входит во второй дореволюционный период, здесь нет отказа от признания юридической силы церковных норм. Рассматриваемая гл. 20 документа имеет ряд бланкетных норм с отсылками к церковным положениям. Выходит, что нормами Артикула Воинского устанавливались не только конкретные уголовно-правовые нормы, но и разграничивалась компетенция светского и религиозного регулирования.

В XIX веке в России по мере общественно-политического движения в направлении развития демократических начал реформировались и законодательные конструкции составов половых преступлений. Несмотря на то, что права и свободы человека не были провозглашены, сохранялась абсолютная монархия, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее – Уложение 1845 г.) следует признать довольно прогрессивным, на что повлияли достижения в области культуры и науки, искусства и государственно-

правовой мысли. Именно XIX столетие стало «золотым веком» русской культуры: в это время созданы настоящие шедевры в живописи, скульптуре, архитектуре и музыке. Русские поэты и писатели, архитекторы, композиторы и художники внесли огромный вклад в развитие мировой культуры, что не могло не повлиять на общественные отношения, в том числе и в части восприятия интимной сферы личности, важности уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности. Так, например, в ст. 108 Уложения 1845 г. провозглашался правомерный характер причинения вреда при защите от насильственного полового посягательства на целомудрие и честь женщины. Глава 6 «Об оскорблениях чести» содержала довольно разработанное отделение первое «О преступлениях против чести и целомудрия женщин». Кроме подробного изложения известных запретов на растление девушки, изнасилование, в том числе сопряженное с причинением смерти, а также иные виды половых преступлений с отдельным запретом на покушение на них, в данном отделении получили свое отражение развитые в доктрине отечественного уголовного права положения об уголовно-правовом запрете на обольщение не состоявшей в замужестве девушки с обманом о желании жениться на ней, а также наказуемость случаев, когда девушка старше четырнадцати лет была обольщена и обещана (проанализированные нормы содержались в ст. 2006 и ст. 2007 соответственно)¹³.

Здесь всё ещё нельзя обнаружить уголовно-правовую регламентацию ответственности за иные половые преступления, особенно за посягательства на половую свободу и неприкосновенность лиц мужского пола. Не предусматривалась и уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера. Вместе с тем последнее было распространено, но не признавалось общественно опасным по многим причинам: это и правовое неравенство полов, и исторические традиции (женщина выполняет любые желания мужа), и легальность домов терпимости, и сексуальная эксплуатация крепостных. Всё это признаки феодальных отношений, при которых

¹³ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1892. С. 780-782.

нормативная база оформляет устои элит патриархального общества. Имеют место и следующие свидетельства: «Существование легальных домов терпимости породило в обществе весьма своеобразную даже по нынешним вольным временам практику. Многие молоденькие представители состоятельных семей получали первый в своей жизни сексуальный опыт именно в постели проститутки. По данным ряда исследований подобные «уроки» брал едва ли не каждый второй юноша из дворянских и купеческих семей»¹⁴. Практика сексуального принуждения также формировалась под воздействием такого фактора, как проституция, которая, с одной стороны, развивала низкую культуру сексуальных отношений, с другой стороны, невозможность получения таких услуг по установленным правилам порождала принуждение женщины к половым отношениям. Учитывая уровень развития общества, подобные формы понуждения не признавались криминальным поведением.

Отмена крепостничества, судебная и земская реформы, возрастающая политическая активность населения в Российской Империи на рубеже XIX и XX веков, установление конституционной монархии, распространение политических партий различного толка, оказали существенное влияние на развитие уголовного законодательства.

Первые десятилетия XX века продемонстрировали трансформацию российского общества из капиталистического в социалистическое, провозглашение советской республики и принятие первой российской конституции – Конституции 1918 г., затем Конституции СССР 1924 г. Социально-правовые преобразования не могли не повлиять и на общественные представления о пределах охраны и ценности обеспечения половой свободы и неприкосновенности женщин и детей, что нашло закрепление на конституционном уровне в 1936 году. Провозглашение равенства перед законом и судом, равенства полов неизбежно отразилось на уголовно-правовой регламентации ответственности за сексуальные преступления.

¹⁴ История российской проституции: «Тревоги за половую жизнь страны нет» // МК.ру. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/01/02/istoriya-rossiyskoy-prostitutcii-trevogi-za-polovuyu-zhizn-strany-net.html> (дата обращения: 12.03.2022)

Так, первый советский уголовный кодекс 1922 года в главе о преступлениях в области половых отношений не предусматривал самостоятельной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера. Хотя наряду с «традиционными» составами половых преступлений (изнасилование, развратные действия, растление) запрещалось и «принуждение из корыстных или иных личных видов к занятию проституцией, совершенное посредством физического или психического воздействия» (ст. 170 УК РСФСР 1922 г.). Названный состав преступления найдет свое отражение и далее, в советских и современном российском кодексе (ст. 240 УК РФ 1996 г.). Вместе с тем было бы ошибочным утверждать, что именно ст. 170 УК РСФСР 1922 г. является прообразом уголовно-правового запрета на понуждение к действиям сексуального характера, поскольку по своему объективному выражению рассматриваемое в настоящем исследовании преступление состоит в единичном факте высказывания требования о совершении конкретного акта сексуального поведения, в связи с чем не обладает признаками принуждения к продолжению (или началу) занятия проституцией как виду деятельности.

Отсутствие уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в УК РСФСР 1922 г. можно объяснить не только отсутствием фактической проработки преступлений против личности, но и потребности в этом. Подтверждением чему служит структура Особенной части уголовного закона, точнее – последовательность указания объектов уголовно-правовой охраны, среди которых более ценными, чем частные, были признаны интересы государства, государственной службы, экономики. Такой дисбаланс можно прокомментировать историческим контекстом того времени, который подтверждает отсутствие целесообразности на запрет понуждения к действиям сексуального характера: если до революции проституция была легальна, то затем отнюдь не поощрялась. Когда страна только выходила из последствий Первой Мировой и гражданской войны, а также начинала строить новое государство, бюрократические институты и экономическая система была в крайне тяжелом положении – они нуждались в повышенной охране, в том числе

уголовным законом. Иначе дело обстояло с обеспечением половых отношений: поскольку государство не могло обеспечить материальную составляющую в столь трудные времена, проституция, зачастую, признавалась вынужденным занятием¹⁵, ограничить которую и пытались уголовно-правовыми средствами. Понуждение же к действиям сексуального характера, по сути дела, выступало в качестве социально-допустимого акта поведения.

Советская власть последовательно выступала категорически против проституции, которая, тем не менее, приобрела значительные масштабы. «В 1920 году в Петрограде промышляло 17 тысяч проституток, существовало больше 300 публичных домов. В 1922 году жриц любви было уже 32 тысячи»¹⁶. Уголовный закон рассматривался в качестве инструмента решения этой социальной проблемы. О проблемах же нарушения неприкосновенности личности (понуждения) речи не шло.

Уголовно-правовой запрет на понуждение к действиям сексуального характера впервые был закреплен лишь в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. Это было связано и с тем, что борьба с проституцией, с одной стороны, не была так успешна, с другой стороны, как видим, потребовала репрессивной реакции на случаи принуждения не только к девиантному промыслу (ст. 155 УК РСФСР 1926 г.), но и к разовому понуждению женщины к действиям сексуального характера при материальной или служебной зависимости потерпевшей (ст. 154 УК РСФСР 1926 г.). Точная формулировка последнего состава преступления звучит так: «Понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой, – ...». Примечательно, например, что совершение того же деяния в отношении мужчины осталось ненаказуемым. Оправдать приведенное законодательное решение может социально-культурная ситуация, сложившаяся на тот момент в

¹⁵ «Коммунизм – могила проституции» // Коммерсантъ Власть. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/504598> (дата обращения: 12.03.2022)

¹⁶ Вакханалия любви: почему в раннем СССР не могли решить вопрос с проститутками и какие из них были востребованы // LIFE. URL: <https://life.ru/p/1411123> (дата обращения: 12.02.2022)

советском государстве: достигнутое правовое равенство полов потребовало соответствующего отражения, обеспечения приоритетной защиты женщины.

Рассматривая особенности нормативного регулирования ответственности за половые преступления, Р. М. Кочетов отмечает, что с 1917 г. до 1960 г. внимание законодателя в основном было сосредоточено на ответственности за изнасилование, при этом санкции за это преступления были установлены относительно мягкие; в период с 1960 г. до 1996 г. прослеживалось ужесточение наказания за изнасилование, состоялась криминализация понуждения женщины к вступлению в половую связь, было декриминализовано ненасильственное мужеложство; на современном этапе (с 1997 г. до настоящего времени) была оформлена система половых преступлений в обособленной гл. 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», расширена дифференциация уголовной ответственности¹⁷. В основном приведенные выводы ученого представляются обоснованными, однако имеются и существенные просчеты, в том числе в отношении криминализации понуждения женщины к действиям сексуального характера, которая состоялась еще в рамках УК РСФСР 1926 г., а не в означенный период.

Последний советский кодекс – УК РСФСР 1960 г. – воспроизвел указанный ранее запрет на понуждение женщины к действиям сексуального характера (ст. 118 УК РСФСР 1960 г.), понизив санкцию этой нормы. В прежнем уголовном законе (1926 г.) наказание за понуждение было установлено до 5 лет лишения свободы, в рассматриваемом (1960 г.) – до 3 лет лишения свободы.

В течение советского периода развития нашего государства регламентация уголовной ответственности строилась на той действительности, которая имела место: сначала тоталитарный, затем авторитарный режим правления, приоритет интересов коллектива перед личностью, декларативное провозглашение гражданских и политических прав и свобод без их реального воплощения. Дальнейшее развитие общественных, культурных и экономических отношений поддерживало устройство советов, но при этом вело

¹⁷ Кочетов Р. М. Указ. соч. С. 9.

к непреодолимым изменениям, которые выразились в событиях 90-х годов и построении современного российского государства с необходимой правовой базой всеобъемлющего обеспечения прав человека.

В целом стоит признать, что имеющаяся сегодня система норм об охране личности является довольно проработанной. В ее основу положены конституционные ценности о человеке и его правах, свободах (ст. 2 Конституции РФ), неотъемлемости и неотчуждаемости основных прав человека, их принадлежности от рождения, равенства всех перед законом и судом (ст. 17-19 Конституции РФ), которые согласуются с общепризнанными стандартами прав и свобод человека и гражданина (Устав ООН 1945 г., Международные пакты о гражданских и политических правах, о социальных и культурных правах 1966 г.).

Заметим, что отечественные основополагающие акты, как правило, прямо не устанавливают право на половую свободу и половую неприкосновенность. Между тем, одно из фундаментальных положений в ст. 22 Конституции РФ провозглашает право каждого на свободу и личную неприкосновенность, что надо признать конституционным основанием для правовой охраны видового объекта гл. 18 УК РФ. Приведенная конституционная норма, ставшая результатом длительного общественного развития, прогресса общественно-политической мысли (и реальное воплощение этого положения) позволяет выйти на качественно иной уровень уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности, расширить охранительный потенциал уголовного закона, применить его для противодействия половым посягательствам в отношении не только женщин, но и мужчин.

Историческое развитие уголовной ответственности за половые преступления показывает, как широта охвата преступных посягательств на данный объект охраны имманентно связана с широтой признания и реализации прав человека. Возвращаясь к анализу советского уголовного законодательства, которое достаточно подробно рассмотрено в российской уголовно-правовой науке, в том числе, в части ответственности за половые преступления, стоит

заметить, что должного внимания вопросам охраны половых отношений уголовно-правовыми средствами не предпринималось¹⁸.

Общая закономерность развития законодательства позволила распространить уголовный запрет и на действия по понуждению женщины на вступление в половую связь. Тогда как мужчина от таких посягательств защищен законом не был. С точки зрения сегодняшнего дня, можно сказать, что это проявление дискриминации, законодательного неравенства, потому что от насильственных половых посягательств защищены и мужчина, и женщина, но в то же время от понуждения к действиям сексуального характера – только лица женского пола (по УК РСФСР 1926 г. и 1960 г.). Такое неравенство особенно ярко проявляется в случаях понуждения детей, когда общественная опасность деяния основана не столько на половых особенностях, сколько на возрастных: дети должны быть защищены уголовным законом независимо от пола. Любопытен следующий практический пример. Пленум Верховного Суда СССР отменил приговор и прекратил производство по делу А., указав, что «хотя А. и является преподавателем училища, студенткой которого была потерпевшая, однако по делу не установлено, что это обстоятельство было использовано А. для склонения П. к интимной близости. Сам же факт вступления преподавателя А. в половую связь со студенткой хотя и является аморальным, однако состава преступления не содержит»¹⁹.

Данные рассуждения (о дискриминации и неравенстве уголовно-правовой охраны) могут иметь место только тогда, когда игнорируется социально-культурный контекст законодательных норм. Так, на конституционном уровне в советский период постулировалось равенство всех, в том числе мужчины и женщины. При этом указанная выше новелла по установлению уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера только в отношении лица женского пола являлась некоторым запаздывающим

¹⁸ См., например: Гнилицкая Д. А. Становление ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в уголовном законодательстве России // Право и государство: теория и практика. 2011. № 1 (73). С. 135-139.

¹⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1968. № 1. С. 21-22.

механизмом обеспечения неприкосновенности личности и рассматривалась не как дискриминация мужчин, но как большая защита женщины.

Нельзя не учитывать и криминологические основания для криминализации. Надо признать, что потерпевшими от понуждения к действиям сексуального характера в большинстве случаев выступают женщины, что объясняется типичной моделью сексуального поведения, в рамках которой мужчине традиционно отводится активная роль (роль «завоевателя»). Вместе с тем в современном обществе, ориентированном на гендерное равенство во всех сферах, включая сексуальную, на признание допустимости гомосексуальных связей, все чаще встречаются факты сексуального понуждения мужчин. И уголовное законодательство обосновано учитывает это обстоятельство в ст. 133 УК РФ, которая охраняет половую свободу не только женщин, но и лиц мужского пола.

Развитие уголовного законодательства отличается постепенностью и последовательностью в правовой охране личности, неприкосновенности личности. Именно предыдущая складывающаяся практика нормотворчества по закреплению уголовной ответственности за половые преступления, которая трансформировалась и преобразовывалась, позволила не только в советском уголовном законодательстве предусмотреть запрет на понуждение к сексуальным действиям в отношении лиц женского пола, но и явилась базисом для формулирования ст. 133 УК РФ 1996 г. «Понуждение к действиям сексуального характера».

На современном этапе регламентации уголовной ответственности за половые преступления «право лица на половую свободу и половую неприкосновенность стало защищаться вне зависимости от его половой принадлежности и сексуальной ориентации»²⁰.

В юридической литературе подчеркивается, что уголовно-правовые

²⁰ Степанова О. Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: совершенствование законодательной регламентации и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. С. 286.

нормы должны соответствовать уровню развития общества²¹. Соответствуют ли нормы о половых преступлениях тенденциям развития российского социума? Однозначно ответить на этот вопрос довольно непросто.

С одной стороны, под влиянием изменений, происходящих в сексуальной сфере, по мере нормативного закрепления и фактического признания прав и свобод человека в качестве важнейшей социальной ценности в УК РФ осуществлена криминализация ненасильственных половых преступлений, обеспечена равная уголовно-правовая охрана женщин и мужчин, создана нормативная основа для противодействия понуждению к действиям сексуального характера (по модели формального состава преступления). В этой части нормативная регламентация ответственности за сексуальные посягательства, безусловно, заслуживает положительной оценки.

С другой стороны, в плане обеспечения эффективной уголовно-правовой охраны половой свободы личности действующий УК РФ имеет довольно существенные резервы для совершенствования. Уголовное законодательство России не предусматривает ответственности за развратные действия в отношении взрослых лиц без их согласия, за развратные действия, совершенные с применением психического насилия, выраженного, например, в угрозе уничтожения имущества или распространении порочащей потерпевшего информации, хотя эти деяния обладают криминальной общественной опасностью. Более того, общественная опасность приведенного посягательства значительно повышается тем, что преступник может запечатлеть процесс совершения недобровольных развратных действий с целью публикации такого материала в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Несовершенство уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности проявляется и в норме о понуждении. Действующая редакция ст. 133 УК РФ отличается ощутимым запаздыванием в регламентации уголовной ответственности за понуждение к действиям

²¹ Несвит Е. А. Уголовный проступок: от идеи к комплексной реформе деликтного законодательства Российской Федерации // Мировой судья. 2018. № 8. С. 31.

сексуального характера.

Во-первых, отсутствует дифференциация уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера взрослых лиц, даже по признакам соучастия (наличие признаков «группа лиц по предварительному сговору» или «организованная группа» может быть учтено лишь при индивидуализации в качестве отягчающих наказание обстоятельств, но в рамках ч. 1 ст. 133 УК РФ, что не отвечает степени общественной опасности совершаемого деяния) или использования сети Интернет.

Во-вторых, законодатель не дифференцировал уголовную ответственность за результативное понуждение к действиям сексуального характера, хотя оно, несомненно, обладает более высокой степенью общественной опасности в сравнении с нерезультативным понуждением.

В-третьих, остается уголовно разрешенным понуждение к развратным действиям путем шантажа или иным способом, указанным в ст. 133 УК РФ.

В-четвертых, уголовно-правовое содержание состава понуждения не позволяет оценить в качестве преступных намеренные действия лица с целью издевательства над жертвой без стремления заставить склонить ее к сексуальным действиям.

В-пятых, остается ненаказуемым по гл. 18 УК РФ и сексуальное домогательство, проявляющееся в принудительных прикосновениях, например, к женской груди даже при совершении деяния в публичном месте или с целью запечатления для распространения в социальных сетях или иных электронных ресурсах.

Таким образом, следует отметить то, что эволюция законодательства об ответственности за сексуальные посягательства характеризуется расширением круга преступных сексуальных посягательств. Историко-правовой анализ показывает, что увеличение сферы уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности происходило за счет реализации следующих законодательных решений: трансформация нормы об ответственности за изнасилование (от специального субъекта – к общему);

криминализация насильственных действий сексуального характера в отношении лиц мужского пола; установление уголовной ответственности за ненасильственные половые посягательства; криминализация понуждения женщины к действиям сексуального характера с последующим распространением соответствующего уголовно-правового запрета на понуждение лиц мужского пола.

При этом исторический анализ отечественного уголовного законодательства демонстрирует прямую зависимость между уровнем развития прав и свобод человека и интенсивностью уголовно-правовой охраны половой свободы и неприкосновенности личности. Пренебрежение к правам человека в дореволюционный и советский период закономерно отражалось в уголовном законе, который регламентировал уголовную ответственность за сексуальные посягательства фрагментарно и неполно. По мере нормативного закрепления и фактического признания прав и свобод человека в качестве важнейшей социальной ценности происходит расширение круга преступных сексуальных посягательств. Таким образом был сконструирован уголовно-правовой запрет на понуждение к действиям сексуального характера в отношении любого человека, независимо от его пола. Однако это достижение уголовного законодательства всё ещё сопровождается тенденция, связанная с эффектом «запаздывания», что наглядно проявляется применительно к законодательной конструкции ст. 133 УК РФ, не соответствующей по ряду параметров современному уровню развития прав личности в сфере сексуальных отношений.

1.2. Зарубежный опыт уголовно-правового противодействия понуждению к действиям сексуального характера

В уголовных законах различных государств посягательства на жизнь или собственность, как правило, криминализованы посредством аналогичных конструкций составов преступлений, в то время как подход к половым преступлениям разительным образом отличается. Причем разбег в

юридическом восприятии бывает очень велик: в одном государстве некоторые действия против половой свободы признаются запрещенными, а в другом те же деяния не влекут уголовной ответственности.

Наиболее ярким примером здесь послужит тот факт, что вплоть до 1994 г. (в период действия the Sexual Offences Act 1956) в Великобритании на законодательном уровне не признавалось преступлением насильственное половое сношение, совершенное мужчиной в отношении своей жены. Аналогичная ситуация долгое время оставалась устойчивой и в большинстве штатов США, что даже получило броское наименование в целом ряде научных исследований: «Лицензия на изнасилование» («license of rape»²²)²³. Только в 1991 г. высшая судебная инстанция Соединенного королевства – Палата Лордов искоренила эту неадекватную уровню развития прав человека в мире порочную практику. Сделано это было в решении по делу R v. R, где лорды пересмотрели взгляды на тезис о подчиненном положении женщины, который ранее был известен в качестве утверждения Хейла.

Более того, лорд Лейн справедливо высказался в отношении такого изменения в судебных оценках, что «это не создание нового состава преступления, а устранение фикции общего права, которая стала анахронизмом и оскорблением»²⁴. Как видим, не приходится говорить о безукоризненности уголовного законодательства в части обеспечения половой свободы даже в праве наиболее развитых стран, то есть тех право порядков, на передовой опыт которых в специальной литературе, как правило, ссылаются для демонстрации идеала или более лучшего образца правового регулирования.

²² Finkelhor D., Yllö K. License to Rape: Sexual Abuse of Wives. USA : Free Press, 1987. P. 2.

²³ В отечественной науке такой подход имел актуальность разве что в дореволюционный период (например, И. Я. Фойницкий придерживался его со ссылкой на отсутствие у замужней женщины половой свободы в отношениях со своим мужем) (см.: Полковников Р. М. Эволюция законодательства об ответственности за изнасилование в дореволюционный период // European Research. 2015. № 2. С. 50).

²⁴ R v R (Rape: marital exemption) [1991] 4 All ER 481 // Loveland, Ian. Constitutional law, administrative law, and human rights: a critical introduction. Oxford University Press, 2018. URL: <https://learninglink-oup-com.translate.googleusercontent.com/translate/static/5c0e79ef50eddf00160f35ad/casebook> (дата обращения: 12.01.2022)

Сравнительно-правовое изучение вопроса всегда требует тщательной аналитики и вычленения, с одной стороны, прогрессивных и, с другой стороны, архаичных положений уголовного законодательства зарубежных государств. Нужен взвешенный подход и оценка законодательства с позиции текущих закономерностей, запросов общества.

Постепенно международное сообщество всё больше выражает озабоченность в отношении необходимости более эффективного противодействия сексуальному насилию во всех его формах, особенно в отношении детей и женщин. Хотя многие межгосударственные документы затрагивают важность правовой охраны неприкосновенности личности, недопустимости насилия и неравенства, напрямую половую свободу и половую неприкосновенность гарантируют единичные договоры. Так, Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (принятая в Лансароте, 25 октября 2007 г.) является первым документом, объявляющим в качестве уголовных правонарушений различные формы сексуального насилия над детьми, включая злоупотребления, совершаемые дома или в семье, с применением силы, принуждения или угроз. Данным международным актом предлагается широкий криминологический комплекс предупреждающих мер. Среди упреждающих мероприятий называется проверка и обучение людей, работающих в контакте с детьми, информирование детей о потенциальных рисках, обучение самозащите, мониторинг правонарушителей²⁵.

Важным международным актом стала Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, так называемая Стамбульская конвенция (2011 г.). В ней европейские государства выражают категорическое осуждение всех форм насилия в отношении женщин и домашнего насилия. Заметим, что европейское сообщество справедливо провозглашает в преамбуле документа тот факт,

²⁵ Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств : принята 20.10.2007. – URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=201> (дата обращения: 30.01.2022)

который косвенно отражается и в нашем исследовании: «насилие в отношении женщин является проявлением исторически неравного соотношения сил между женщинами и мужчинами, которое привело к доминированию и дискриминации в отношении женщин ...»²⁶. Применительно к вопросам противодействия понуждению к сексуальному контакту надо сказать, что имеют место конкретные достижения межгосударственного сотрудничества. При разработке Стамбульской конвенции государства пришли к консенсусу в отношении преступного характера следующих видов поведения, имеющих непосредственное отношение к теме настоящего исследования:

- психологическое насилие в виде принуждения или угроз (статья 33);
- преследование, вызывающее страх за свою безопасность (статья 34);
- сексуальное насилие (статья 36);
- сексуальные домогательства (статья 40).

Обратимся к точечным и наиболее применимым для правовой основы противодействия понуждению к действиям сексуального характера и харассменту положениям договора. Сексуальное насилие в конвенционном смысле имеет место в трех случаях: совершение без согласия сексуальных действий с проникновением; совершение иных актов сексуального характера с лицом без согласия; принуждение совершать акт сексуального характера без согласия с третьим лицом. При этом Стамбульская конвенция недвусмысленно выдвигает требование к тому, какое согласие исключает насильственное свойство поведения – это добровольное и свободное волеизъявление лица с учетом окружающих обстоятельств. Следовательно, можно сказать, что и отечественный подход (понуждение к действиям сексуального характера по ст. 133 УК РФ) подпадает под указанные критерии.

При этом в Стамбульской конвенции сексуальные домогательства понимаются широко, включая любые формы нежелательного вербального, невербального или физического поведения сексуального характера с целью или

²⁶ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием : принята в Стамбуле, 11.05.2011. – URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 30.01.2022)

последствиями нанесения ущерба достоинству человека, в частности, путем создания угрожающих, враждебных, унижающих достоинство, оскорбительных и агрессивных условий. Данное положение, однако, не нашло своего отражения в российском законодательстве и мало разработано в доктрине уголовного права, хотя уже учитывается отдельными зарубежными законодателями при совершенствовании уголовного законодательства, на чем более подробно мы остановимся ниже.

В целом же эффективность приведенных международных договоренностей в деле недопущения и пресечения конкретных проявлений сексуального насилия недостаточно велика, в том числе и потому, что ограничивается лишь государствами европейского политического пространства. В 2021 году был представлен доклад, подготовленный Всемирной организацией здравоохранения и организацией «ООН-женщины», где отражены сведения за период 2000-2018 гг. По данным доклада, почти четверть девушек в возрасте 15-19 лет, состоящих в отношениях, испытывали физическое или сексуальное насилие со стороны своего партнера²⁷. Это, на наш взгляд, требует более всеобъемлющих мер на уровне Организации Объединенных Наций.

Наиболее действенным и реальным правовым средством противодействия сексуальному насилию, в том числе понуждению к действиям сексуального характера, а также различным формам сексуального домогательства, остается национальное уголовное законодательство.

В первом приближении может сложиться мнение, что в той или иной форме понуждение к действиям сексуального характера криминализовано многими зарубежными законодателями. Причем зачастую в соответствующих уголовно-правовых нормах речь идет о принуждении, побуждении или сексуальной деятельности вопреки воле потерпевшего.

²⁷ Новое масштабное исследование ООН рисует страшную картину насилия против женщин // URL : <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1398312> (дата обращения: 30.01.2022)

Приведем некоторые примеры. Закон о половых преступлениях Англии (Sexual Offences Act 2003)²⁸ в первой части содержит релевантную статью: «Causing sexual activity without consent» (принуждение к действиям сексуального характера в отсутствие согласия). Уголовный кодекс Франции с изменениями 2021 года также имеет более других напоминающую понуждение к действиям сексуального характера норму: запрещены действия, связанные с предложением или обещанием лицу подарков, презентов или преимуществ любого рода с целью заставить его или ее совершить половое сношение²⁹.

Несколько иначе, со ссылкой на применение насилия или угрозу им, сформулированы нормы о принуждении к сексу американским и многими европейскими законодателями. Заметим, что следующие нормы соседствуют в уголовном законодательстве наряду с изнасилованием или иными насильственными действиями сексуального характера. Так, в уголовном законодательстве США уже на федеральном уровне предписана уголовная ответственность тому лицу, «... кто побуждает другое лицо вступить в половой акт, угрожая этому другому лицу или внушая ему страх» (18 U.S. Code § 2242 – Sexual abuse)³⁰.

Подобная конструкция имеет место и в ст. 222-22 Уголовного кодекса Франции (Agression sexuelle), которая определяет, что сексуальное посягательство представляет собой любое сексуальное нарушение, совершенное с применением насилия, принуждения, угрозы или неожиданно³¹. В свою очередь, австрийский законодатель криминализует принуждение к совершению полового акта или терпимости к нему силой или опасной угрозой (ст. 202 Уголовного кодекса Австрии о сексуальном

²⁸ Закон о половых преступлениях Англии от 20.11.2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/part/1/crossheading/causing-sexual-activity-without-consent> (дата обращения: 12.01.2022)

²⁹ Уголовный кодекс Франции (с изменениями и дополнениями от 06.08.2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000043409030/ (дата обращения: 24.01.2022)

³⁰ Кодекс США [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2242> (дата обращения: 24.01.2022)

³¹ Уголовный кодекс Франции (с изменениями и дополнениями от 06.08.2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000043409030/ (дата обращения: 24.01.2022)

принуждении: «Geschlechtliche Nötigung»³²). Подобные положения имеют место и в ст. 188, ст. 189 Уголовного кодекса Швейцарии³³.

Найти смысловое различие между словами «понууждение» (в ст. 133 УК РФ) и «принуждение» (в ряде зарубежных уголовных законов) довольно сложно, как минимум, по причине сложностей перевода: одно и то же слово переводится на русский язык многообразием аналогов, среди которых: «понууждение», «принуждение», «насилие», «заставление» и т.д. (например, немецкое: «Nötigung» или английское «Causing»).

Теории и философии права известна универсальность, которая призвана задавать вопрос: отражают ли общие понятия реальное содержание правовых процессов и явлений в различных культурно-исторических контекстах? Что получило свое наименование в качестве проблемы интерпретации сравниваемых явлений, то есть наличие у одного и того же правового явления разных смыслов в различных культурно-исторических контекстах.

Любопытно отметить, что до реформы 2016 года Уголовное уложение Германии имело общую норму: § 240 Уголовное уложение Германии «Notigung» (Принуждение), где в качестве квалифицирующего признака предусматривалось принуждение к действиям сексуального характера³⁴. Затем состоялась реформа уголовного законодательства по введению отдельного раздела: «Преступления против сексуального самоопределения». В этой связи из § 240 Уголовного уложения был исключен названный квалифицирующий признак, так как введена специальная норма § 177 Уголовного уложения – «Sexueller Übergriff; sexuelle Nötigung; Vergewaltigung» – «Сексуальное нападение; сексуальное принуждение; изнасилование»³⁵.

³² Уголовный кодекс Австрии (с изменениями и дополнениями от 01.08.2013) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jusline.at/gesetz/stgb/paragraf/202> (дата обращения: 24.01.2022)

³³ Уголовный кодекс Швейцарии от 21 декабря 1937 года (с изменениями и дополнениями от 01.01.2022) [Электронный ресурс]. URL : https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/de (дата обращения: 26.01.2022)

³⁴ Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. С. 402

³⁵ Уголовное уложение Германии от 13.11.1998 (с изменениями и дополнениями от 22.11.2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://dejure.org/gesetze/StGB/177.html> (дата обращения: 24.01.2021)

Приведенную реформу немецкого уголовного законодательства справедливо назвать одним из наиболее значительных шагов на пути к широкой правовой защите неприкосновенности личности в сексуальной сфере. В связи с чем мы полагаем важным осветить некоторые ключевые достижения социального и политического консенсуса одного из наиболее развитых современных правопорядков.

В сжатом виде суть преобразования можно свести к следующему:

– установлен расширенный раздел № 13 Уголовного уложения Германии о половых преступлениях;

– криминализованы действия сексуального характера без согласия (вопреки очевидной или неочевидной воле потерпевшего) даже в отсутствие насильственных или приравненных к ним (например, использование беспомощного состояния потерпевшего) признаков;

– принуждение лица к сексуальным действиям («Sexuelle Nötigung»), в том числе в отношении третьего лица, признано серьезным половым преступлением, наказуемым от 1 до 15 лет, со сроком давности в 20 лет. Запрет состоит в следующем: принуждение совершить действия сексуального характера или склонение к их совершению в отношении третьего лица вопреки явной воле потерпевшего. Квалифицирующими признаками принуждения в немецком уголовном праве признаются: применение силы, угроза опасностью для жизни или конечностей, использование ситуации беззащитности от преступника (например, преступник запер жертву в комнате), совершение в соучастии, совершение с проникновением, то есть принуждение совершить половой акт (Vergewaltigung). Стало быть, принуждение к действиям сексуального характера здесь рассматривается шире, нежели в уголовном законодательстве России;

– сконструирована норма о сексуальных ненасильственных домогательствах «Sexuelle Belästigung», не образующих действий сексуального характера.

Первое и второе подвергается серьезной критике в научной печати немецких юристов, достаточно обратиться к мнению Т. Хёрнли³⁶. Главный аргумент противников законодательного расширения состава преступления, предусмотренного ст. 177 Уголовного уложения Германии, заключается в слишком неопределенном широком содержании нормы с указанием на то, что прежняя регламентация уже предоставляла необходимую защиту сексуального самоопределения³⁷.

Однако эта критика представляется не вполне оправданной. Состав действий сексуального характера вопреки воли в отсутствие насилия, угрозы насилием, беспомощного состояния, проникновения сконструирован по известной модели. Здесь отчетливо просматривается последовательность в границах, обозначенных Стамбульской конвенцией Совета Европы³⁸.

В ст. 36 данного документа государства европейского сообщества провозглашают важность отражения в национальном уголовном законодательстве стран участниц мер по привлечению к ответственности за совершение сексуальных действий с лицом или в отношении лица без его согласия. В частности, нередко приводят пример внезапных нападений или нападений в обстановке страха (о чем указала и Хайке Рабе), то есть в условиях, когда потерпевшая пренебрегает самозащитой или каким-либо явным выражением своего нежелания исключительно по причине соответствующей обстановки и боязни злодея³⁹.

В контексте исследуемого нами понуждения к действиям сексуального характера живой интерес вызывает третье (состав принуждения к действиям сексуального характера) и четвертое (состав сексуальных ненасильственных домогательств).

³⁶ Hörnle T. Das Gesetz zur Verbesserung des Schutzes sexueller Selbstbestimmung // Neue Zeitschrift für Strafrecht 1, 2017. S. 13-14.

³⁷ Fischer T. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen. 66. Aufl. C.H. Beck, 2019. §§ 177 und 184.

³⁸ Hörnle T. Das Gesetz zur Verbesserung des Schutzes sexueller Selbstbestimmung // Neue Zeitschrift für Strafrecht 1, 2017. S. 13-14.

³⁹ Rabe H. Sexualisierte Gewalt im reformierten Strafrecht. Ein Wertewandel – zumindest im Gesetz // Politik und Zeitgeschichte. 2017. Vol. 67 (4). S. 27.

Для понимания содержания криминализованных домогательств можно частично соотнести их с объективной стороной развратных действий по ст. 135 УК РФ, которые охватывают любые действия, направленные на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям (так характеризуются развратные действия в п. 17 постановления Пленум Верховного Суда РФ 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»).

Однако подобные действия признаются преступными только в единственном случае – когда потерпевшим является несовершеннолетний в возрасте до 16 лет. И пока совершение подобных действий взрослым лицом в отношении даже 16-летнего ребенка – не преступление для российского законодателя, немецкие коллеги обеспечивают уголовно-правовую охрану от таких посягательств на неприкосновенность личности даже взрослого человека (речь идет о составе преступления «Sexuelle Belästigung» (Сексуальные домогательства), предусмотренном § 184 i Уголовного уложения Германии).

Отметим, что немецкое научное сообщество положительно восприняло введение уголовно-правовой нормы об ответственности за сексуальные домогательства⁴⁰. Похожая норма ещё в 2003 г. была формулирована в Законе Англии о половых преступлениях, где ст. 3 «Sexual assault» – «Сексуальное нападение / домогательство» криминализует случаи, когда person commits an offence if he intentionally touches another person: Лицо (А) совершает преступление, если он намеренно прикасается к другому лицу (Б), прикосновение носит сексуальный характер, Б не дает согласия на прикосновение, но А не обоснованно полагает, что Б согласен.

Еще более точно криминализовал сексуальные домогательства законодатель Франции, обеспечив широкую государственную защиту от

⁴⁰ Eisele J. Das neue Sexualstrafrecht // RPsych Rechtspsychologie. 2017. Vol. 3. №. 1. S. 28.

проявлений харасмента. Так, ст. 222-33 УК Франции определяет, что «сексуальное домогательство — это неоднократное навязывание человеку комментариев или поведения с сексуальным или сексистским оттенком, которые либо ущемляют его достоинство из-за своего унижительного или оскорбительного характера, либо создают для него запугивающую, враждебную или оскорбительную ситуацию», что наказывается двумя годами лишения свободы и штрафом в размере 30 000 евро⁴¹.

Такое уголовно-правовое регулирование в целом адекватно отвечает веяниям времени. Сегодня ни один человек не имеет права нарушать неприкосновенность другой личности, тем более в интимных зонах тела. Говоря об общественной опасности подобных сексуальных проявлений воли субъекта в условиях отсутствия согласия, достаточно сравнить, какой вред несут, с одной стороны, вольные прикосновения к женской груди и, с другой стороны, клевета. Разве можно без условностей сказать, что для российского общества одно точно не имеет какой-либо общественной опасности (или не достигает её степени, достаточной для криминализации), а второе – точно общественно опасно? При этом негативная реакция потерпевшего в обоих случаях достаточно очевидна.

Юрген Бидерманн и Рената Вольберт дополнительно объясняют, что данным составом домогательств обеспечивается необходимая криминализация недопустимых и требующих запрета действий, выраженных в виде физических прикосновений с сексуальным подтекстом. Таковыми, в частности, признаются: принудительные поцелуи в щеку, шлепки по ягодицам, целенаправленные прикосновения к женской груди или (краткие) прикосновения к половым органам⁴².

⁴¹ Уголовный кодекс Франции (с изменениями и дополнениями от 06.08.2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000037289662 (дата обращения: 24.01.2022)

⁴² Biedermann J, Volbert R. Empirische Erkenntnisse zur Reform des Sexualstrafrechts in Bezug auf die §§ 177 und 184 i StGB und daraus resultierende Schlussfolgerungen für die Vernehmungsgestaltung // *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. 2020. Vol. 103 (4). S. 250-268. В отечественной печати немецкая реформа с ее предпосылками также вызвала научную реакцию обзорного характера, в частности, в работах А.А. Бимбинова (см.: Бимбинов А. А. Трансформация уголовного законодательства Германии об ответственности за сексуальные преступления // *Вестник Костромского государственного университета*. 2021. Т. 27. № 4. С. 181-185).

На фоне российского уголовно-правового регулирования половых преступлений бросается в глаза включение в состав принуждения к действиям сексуального характера в зарубежном уголовном законодательстве таких признаков, как: «принуждение силой», «принуждение опасной угрозой», «побуждение, внушая страх» и другие. При таком конструировании состава принуждения к действиям сексуального характера, то есть с применением насилия или угрозы, практически невозможно с достаточной определенностью развести такое деяние даже с составом изнасилования («Rape», «Vergewaltigung»). Последнее почти полностью охватывает два самостоятельных преступления из российского уголовного закона: изнасилование (ст. 131 УК РФ) и иные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ). Здесь важно то, что оба эти состава преступления в большинстве развитых правовых порядков представлены единой нормой, обособленной по критерию проникновения в тело. Тогда как иные насильственные действия сексуального характера, то есть без признака проникновения (например, насильственное лесбиянство), на основании приведенного законодательства некоторых зарубежных государств подлежат квалификации в качестве сексуального принуждения.

Выходит, что состав принуждения к действиям сексуального характера с перечисленными признаками насилия или угрозы им значительным образом пересекаются с изнасилованием (в зарубежных правовых порядках) или с двумя самостоятельными преступлениями из российского уголовного закона: это изнасилование (ст. 131 УК РФ) и иные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ).

Заметим, что последние в большинстве развитых правовых порядков представлены единой нормой, обособленной по критерию проникновения в тело с применением насилия или использование беспомощного состояния. Тогда как иные насильственные действия сексуального характера, то есть без признака проникновения (например, насильственное лесбиянство), на основании приведенного законодательства некоторых зарубежных государств

подлежат квалификации в качестве принуждения к действиям сексуального характера.

Пожалуй, главный признак, отличающий принуждение от изнасилования, – это получение или неполучение согласия. Принуждение, прежде всего, характеризует оценку действий лица, добившегося согласия потерпевшего на вступление в половое сношение или совершение действий сексуального характера.

Такая ситуация обостряет потребность в точном понимании уголовно-правовых терминов в рамках половых преступлений, отчего еще труднее проводить компаративный анализ в том контексте, что понуждение к действиям сексуального характера и принуждение к ним в уголовном законодательстве зарубежных стран имеют существенно разное значение и место в системе половых преступлений. Разумеется, о тождественности положений ст. 133 УК РФ и приведенных выше статей уголовных законов зарубежных государств говорить нет оснований, хотя частичное пересечение, очевидно, наличествует. В частности, принуждение к совершению действий сексуального характера с применением угрозы уничтожения имущества будет оценено в качестве понуждения к действиям сексуального характера.

Сопоставление указанных норм позволяет очертить особенности зарубежного регулирования понуждения к действиям сексуального характера, которое в значительной степени сливается с составом полового преступления, совершенного мужчиной или женщиной, в том числе путем проникновения, с применением насилия, угрозы насилием или использованием беспомощного состояния. Об этом свидетельствует как анализ законодательства, так и мнение ученых. Марк Жан-Ришар-дит-Брессель прямо указывает, что ст. 190 Уголовного кодекса Швейцарии (аналогичную регламентацию мы видим в уголовных законах США, ФРГ, Австрии, Франции и др.) об изнасиловании – *Vergewaltigung* – представляет собой *lex specialis* к ст. 189 Уголовного кодекса Швейцарии об ответственности принуждение к действиям сексуального

характера (*Sexuelle Nötigung*)⁴³. Однако подобное утверждение не будет справедливым применительно к уголовному законодательству России, где приведенные составы отличаются способом получения вынужденного согласия или подавления несогласия.

Вместе с тем отдельные законодатели видят общественную опасность в дефектном формировании воли потерпевшего на вступление в половой контакт (*de facto* речь идет о том, что ближе всего отвечает содержанию понуждения к действиям сексуального характера в подходе российского закона). В частности, ст. 222-30-2 Уголовного кодекса Франции объявляет запрещенными «действия, связанные с предложением или обещанием лицу или с предложением ему подарков, презентов или преимуществ любого рода с целью заставить его или ее совершить насильственные действия сексуального характера или изнасилование»⁴⁴. Подобное мы видим только в Законе о половых преступлениях Англии 2003 г. (где общая норма о понуждении к сексу без согласия) и не находим в отечественном уголовном законе.

Хотя законодатель Франции расценивает принуждение к действиям сексуального характера также в качестве однопорядкового с изнасилованием тяжкого полового преступления, отдельно он установил указанный выше состав понуждения к сексу обманом или подкупом, причем в разных статьях криминализованы действия, связанные с предложением или обещанием лицу или с предложением ему подарков, презентов или преимуществ любого рода с целью заставить его или ее совершить изнасилование, то есть в отношении женщины (ст. 222-26 Уголовного кодекса Франции), и те же действия, но с целью заставить его или ее совершить иные действия сексуального характера (ст. 222-30-2 Уголовного кодекса Франции).

⁴³ Jean-Richard-dit-Bressel M. Delikte gegen die sexuelle Integrität (Art. 187-200 StGB) // Strafrecht BT I (FS16 Gruppe 3) [Электронный ресурс]. URL : https://www.ius.uzh.ch/dam/jcr:00000000-09c3-28ee-0000-0000458f49f0/UZH_16FS_StrR_BT1_4_Sexuelle_Integritaet.pdf (12.01.2022)

⁴⁴ Уголовный кодекс Франции (с изменениями и дополнениями от 06.08.2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719/LEGISCTA000006149827/#LEGISCTA000006149827 (дата обращения: 24.01.2021)

Для научного анализа представляет интерес выдержка из парламентского отчета Национальной Ассамблеи Франции, где уже в самом введении высказано мнение о реформе полового уголовного права Франции 2018 года: «По общему мнению, этот текст значительно улучшил положение жертв сексуальных преступлений. Он ознаменовал собой эволюцию французского общества, зафиксированную во французском законодательстве, в правильном направлении: к лучшему отношению к женщинам и детям, к более эффективной защите от изнасилований и сексуальных нападений, к более строгому пресечению действий, частота которых пугает всех мужчин и женщин доброй воли»⁴⁵.

Глава о половых преступлениях в уголовном законе Франции удивляет не только своим объемом, но и тщательностью дифференциации уголовной ответственности за посягательства на половую свободу и неприкосновенность.

Несколько иные конструкции предлагает английский законодатель в профильном законе, юридическая сила которого распространяется на территорию не всей Великобритании, но Англии и Уэльса. Статья 4 Закона о половых преступлениях 2003 г. криминализирует ненасильственное понуждение к действиям сексуального характера без согласия.

Речь идет о составе преступления, который прямо так и звучит: «Causing a person to engage in sexual activity without consent» (принуждение лица к вступлению в сексуальные отношения без согласия). При этом о признаке «ненасильственное» говорить можно не ко всей норме. Дифференциация уголовной ответственности производится в зависимости от наличия или отсутствия факта проникновения в тело, то есть полового акта в традиционной или извращенной форме, а также от степени примененного насилия.

⁴⁵ Rapport fait au nom de la Commission des lois Constitutionnelles, de la Législation et de L'administration Générale de la République, sur la proposition de loi, adoptée par le Sénat [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-actualite.fr/sites/dalloz-actualite.fr/files/resources/2021/03/rapport_de_la_commission_des_lois_de_lassemblee.pdf (дата обращения: 18.12.2021)

В целом же состав преступления характеризуется следующими признаками: А. намеренно заставляет Б. заниматься действиями сексуального характера; Б. не дает согласия на участие в этой деятельности; А. не имеет достаточных оснований полагать, что Б. согласен.

В первом приближении неясно, как установить конститутивный признак несогласия, тем более в условиях отсутствия известных «заставляющих» факторов (насилия или его угрозы, как в составе изнасилования, а также угрозы уничтожения имущества, шантажа, использования зависимости). Вопрос разрешается тем, что английский законодатель вводит нормативные презумпции, исходя из которых правоприменитель предполагает несогласие потерпевшего на описанные действия сексуального характера. Правило презумпций о несогласии на сексуальные действия для половых преступлений закреплено в ст. 75 и ст. 76 этого же закона (*Sexual Offences Act 2003*).

Заметим, что ненасильственные действия сексуального характера в отсутствие явно выраженного согласия потерпевшего (или с согласием, но полученным обманным путем) наказуемы уголовным законом отнюдь не во многих странах, хотя тенденция к криминализации таких проявлений в интимной сфере уже прослеживается (например, Закон о половых преступлениях 2003 г. Англии, который распространяется и на Уэльс, Уголовное уложение Германии, а также УК Дании, УК Канады и др.).

Напомним, что российский уголовный закон не запрещает такое поведение в области половых отношений, не видит в нем какую-либо общественную опасность, но в некотором смысле, здесь можно вести речь о развратных действиях, криминализованных в ст. 135 УК РФ, где имеет место строгое ограничение состава преступления не только специальным субъектом (взрослое лицо), но и не достигшим шестнадцати лет потерпевшим. При этом развратные действия в российском уголовном законе не охватывают совершение полового сношения, на каких бы условиях оно не состоялось (с вынужденным или ошибочным согласием, без явного согласия и

возражения)⁴⁶. Выходит, что в России всё же не криминализовано совершение действий сексуального характера без явно выраженного согласия или несогласия взрослой жертвы, а также при наличии согласия, полученного обманным путем.

В действительности трудно переоценить юридическую важность подобных презумпций для доказывания по уголовным делам о посягательствах на половую свободу и половую неприкосновенность, сексуальное самоопределение. Согласие потерпевшего – это настолько важный индикатор правомерности любых малейших действий в сексуальной сфере, что его улавливание или каждый раз доказывание по уголовно-процессуальному стандарту доказывания вне разумных сомнений попросту сделал бы мертвыми все появляющиеся уголовно-правовые нормы о широкой защите неприкосновенности личности в области сексуальных отношений.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие основные подходы к криминализации принуждения (понуждения) к действиям сексуального характера:

1. Принуждение как общая норма по отношению к норме об изнасиловании (например, уголовные законы Австрии, Германии, США, Франции, Швейцарии и др.);

2. Самостоятельные составы полового преступления, связанного с отсутствием или дефектностью воли потерпевшего на совершение действий сексуального характера (Закон о половых преступлениях Англии, УУ Германии, УК Дании, Франции);

3. Тенденция к криминализации сексуальных домогательств, не связанных с насилием и проникновением в тело (Закон о половых преступлениях Англии, УУ Германии, УК Франции).

Кроме упомянутых выше правопорядков, подчеркнем, что регламентация уголовной ответственности за понуждение к действиям

⁴⁶ См.: Котельникова О.А., Загорьян С.Г., Стешич Е.С. Некоторые проблемные вопросы квалификации развратных действий (ст. 135 УК РФ) // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 4 (99). – С. 68-71.

сексуального характера в странах постсоветского пространства, как правило, идентична российской (например, ст. 151 Уголовного кодекса Азербайджана⁴⁷, ст. 170 Уголовного кодекса Беларуси⁴⁸, ст. 123 Уголовного кодекса Казахстана⁴⁹).

Разве что ст. 139 Уголовного кодекса Грузии, помимо известных УК РФ признаков состав 135а понуждения закрепляет вместо прямого упоминания шантажа, угрозу разглашения порочащих сведений⁵⁰. В той или иной степени аналогичная уголовно-правовая охрана от понуждения к действиям сексуального характера предоставлена и в других постсоветских государствах.

Более широкое уголовно-правовое регулирование известно законодателю Украины, где в ст. 154 Уголовного кодекса криминализовано следующее деяние: «Принуждение лица без его добровольного согласия до совершения акта сексуального характера с другим лицом», – то есть посягательство даже в отсутствие какого-либо конкретного способа. Тогда как использование материальной или служебной зависимости образует квалифицированный состав принуждения, а особо квалифицированный состав увязан с признаком угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества потерпевшего или его близких родственников, а также угрозы разглашения сведений, порочащих ее или близких родственников⁵¹.

Здесь же отметим, что трудно согласиться с отдельными специалистами в том, что наличествует различное понимание данного состава в уголовном законодательстве государств СНГ. Например, К.В. Дядюн настаивает на

⁴⁷ Уголовный кодекс Азербайджана от 30 декабря 1999 года (с изменениями и дополнениями от 27.12.2021) [Электронный ресурс]. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=1755;-49 (дата обращения: 14.01.2022)

⁴⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (с изменениями и дополнениями от 05.01.2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 14.01.2022)

⁴⁹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями от 10.01.2022) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 16.01.2022)

⁵⁰ Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 года № 2287-вс (с изменениями и дополнениями от 30.12.2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf> (дата обращения: 16.01.2022)

⁵¹ Уголовный кодекс Украины от 2001 года (с изменениями и дополнениями от 15.12.2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2341-14#Text> (дата обращения: 16.01.2022)

«отсутствии единства»: в одном случае из-за различной комбинации слов, через которые законодатели формулируют запреты на понуждение к действиям сексуального характера (будь то гомосексуализм, мужеложство, лесбиянство и прочее); в другом случае – не совпадающим перечислением способов понуждения к действиям сексуального характера (упомянутых в ст. 133 УК РФ) в диспозициях соответствующих норм⁵².

Небезынтересно и то, что более узкий вариант регламентации представлен в Уголовном кодексе Китайской Народной Республики (которая хотя не относится к постсоветским странам, но является коммунистическим государством с социалистической традицией правовой регламентации), где в ст. 259 имеет место запрет принуждения супруги лица, находящегося на действительной военной службе путем угроз к вступлению в сексуальные отношения с использованием служебного и зависимого положения. Основная же норма о принуждении, закрепленная в ст. 237, звучит довольно пространно, диспозиция которой включает неисчерпывающую характеристику деяния, где перечень способов обозначен открыто – «и иными методами»⁵³.

Мы полагаем, что, по существу, уголовно-правовой запрет в отношении понуждения к действиям сексуального характера во всех государствах постсоветского толка может быть признан идентичным или близким до степени смешения. Этого не скажешь при сравнительно-правовом анализе других изученных нами правопорядков в сопоставлении с отечественной уголовно-правовой регламентацией.

Итак, постсоветскому пространству присуще регулирование уголовно-правовой охраны половой свободы на недостаточном уровне по своему охвату преступных посягательств на неприкосновенность личности. Остается без уголовно-правового внимания, например, совершение действий сексуального характера без согласия, а также сексуальные домогательства (совершение

⁵² Дядюн К. В. Понуждение к действиям сексуального характера: проблемы толкования и применения состава // Lex Russica. 2021. № 9 (178). С. 58.

⁵³ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 года (с изменениями и дополнениями от 01.11.2016) [Электронный ресурс]. URL : <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/zflhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 16.01.2022)

развратных действий не образует преступного деяния, когда совершается в отношении лиц, достигших 16-летнего возраста). Состав понуждения к действиям сексуального характера принято выделять в самостоятельную норму только с признаками шантажа, угрозы уничтожения или повреждения имущества, а также использования служебной или материальной (реже – иной) зависимости (иногда в их разных комбинациях).

Таким образом, проведенное компаративное исследование позволило выделить следующие основные зарубежные подходы к криминализации понуждения к действиям сексуального характера:

а) конструирование общей нормы об уголовной ответственности за сексуальное принуждение, которая охватывает все насильственные половые преступления, в том числе, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера (например, уголовные законы Австрии, США, Швейцарии и др.);

б) установление специальной нормы об уголовной ответственности за совершение действий сексуального характера (в том числе не связанных с проникновением в тело человека) в отсутствие согласия потерпевшего путем применения психического насилия (угрозы уничтожения имущества, распространения порочащих сведений и т.п.) или обмана (Закон о половых преступлениях Англии, УУ Германии, УК Дании, Франции);

в) регламентация специальной нормы об уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера путем шантажа, применения угроз уничтожения, повреждения, хищения имущества, использования зависимого положения (УК Азербайджана, УК Республики Беларусь, УК Грузии, УК Республики Казахстан, УК Украины).

В УК РФ реализован третий, самый узкий подход к регламентации ответственности за понуждение к действиям сексуального характера, что оставляет без адекватной уголовно-правовой оценки ряд проявлений сексуального понуждения, обладающих криминальной общественной опасностью.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНУЖДЕНИЯ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

2.1. Признаки основного состава понуждения к действиям сексуального характера: проблемы интерпретации и перспективы законодательного совершенствования

Уголовно-правовой анализ современного законодательства о противодействии посягательствам на половую свободу и неприкосновенность, как правило, приводит исследователей уголовного права России к заключению о назревшей потребности реформирования. Несмотря на значительную проработку темы половых преступлений и существенный массив научно обоснованных предложений по совершенствованию главы 18 УК РФ, законодатель обращается к изменению законодательства для достижения вполне очевидных и понятных политико-правовых задач.

Вопросы, которые возникают в рамках изучения законоположений и обзора практики применения статьи 133 УК РФ, действительно нередко требуют известного вмешательства в предписания уголовного закона *de lege ferenda*. Тогда как разрешение этих же и других сложностей с позиции действующего закона – *de lege lata* – порой является не то, что более важным, но гораздо более прикладным, практикоориентированным. Именно верная интерпретация имеющегося уголовно-правового запрета на понуждение к действиям сексуального характера позволяет говорить о «живом» уголовном праве, более точно его применять и учитывать цели и задачи, стоящие перед правоохранительными органами на сегодняшний день.

И первое, и второе в совокупности позволяет более полно и глубоко выявить содержание признаков основного состава понуждения к действиям сексуального характера. В таком случае можно будет говорить уже о понимании не только с позиции уголовного закона, но и с точки зрения

уголовного права в целом. Не секрет, что сегодня надлежащее обеспечение уголовно-правовой охраны половой свободы личности только повышает свою актуальность, и на то есть свои социально-экономические основания.

Уголовно-правовая характеристика того или иного запрета обеспечивается путем последовательного и системного рассмотрения отдельных элементов состава конкретного преступления. Последние в доктрине уголовного права классически представлены следующими элементами: объект, объективная сторона, субъективная сторона, субъект⁵⁴.

Первым элементом, характеризующим состав преступления, принято рассматривать объект преступления. Обоснованием такого подхода следует признать и легально закреплённую классификацию преступлений в отечественном уголовном законе по критерию объекта – такова структура Особенной части УК РФ. Прежде всего, следует очертить именно основной непосредственный объект состава преступления⁵⁵.

Основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, в чем едины ученые, совпадает с видовым объектом половых преступлений – половая свобода и половая неприкосновенность личности⁵⁶. Однако в некоторой конкретике (в том числе о дополнительном основном и факультативном объектах), а также в понимании предмета преступления имеют место разногласия, порой значительные. Действительно, на первый взгляд, нет оснований для споров в отношении основного непосредственного объекта понуждения к действиям сексуального характера, ибо соответствующие действия могут посягать на отношения интимной сферы как несовершеннолетних, так и взрослых.

Вместе с тем стоит отметить некоторую неопределенность. Если вести речь об уголовно-правовом анализе основного состава понуждения к

⁵⁴ Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. М. : КОНТРАКТ, 2014. С. 149.

⁵⁵ Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть : учебник. Краснодар : Изд-во Кубан. гос. аграрн. ун-та., 1999. С. 99-101.

⁵⁶ См.: Есаков Г. А., Рарог А. И., Чучаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Велби, Проспект, 2007. 576 с.

действиям сексуального характера, то есть преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, то и объектом уголовно-правовой охраны нужно признавать только половую свободу личности⁵⁷. Принимая во внимание законодательную конструкцию дифференциации уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера, говорить о том, что совершение основного состава данного преступления посягает на половую неприкосновенность необоснованно⁵⁸.

Выходит так, что основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, выступает половая свобода личности. Тогда как составы преступления, предусмотренные ч. 2 и ч. 3 ст. 133 УК РФ, имеют своим объектом как половую свободу, так и половую неприкосновенность личности. В частности, понуждение к действиям сексуального характера лица в возрасте 16-17 лет угрожает половой свободе, а лица в возрасте 12-16 лет – ставит под угрозу половую неприкосновенность.

Основанием для такого разграничения нужно признать тесную связь между терминологическим соответствием половой свободы и неприкосновенности и характеристикой потерпевших от данных составов преступлений. Итак, в ч. 1 ст. 133 УК РФ в качестве потерпевшего выступает человек женского или мужского пола, достигший восемнадцатилетнего возраста. В части 2 – несовершеннолетний.

Кроме этого, при рассмотрении объекта преступления нужно учитывать характеристику дополнительного непосредственного объекта и факультативного объекта. Именно эти категории нередко смешиваются либо ошибочно интерпретируются в тех или иных источниках, а также постулируются как данность без необходимых объяснений.

Так, в качестве дополнительного непосредственного объекта выступают общественные отношения и интересы, посягательство на которые не

⁵⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2010. 1392 с.

⁵⁸ Байбарин А. А. Половые преступления : учебное пособие / А. А. Байбарин, А. А. Гребеньков. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2013. С. 73.

составляет сути изучаемого полового преступления, но которые всегда повреждаются или ставятся под угрозу повреждения наряду с половой свободой⁵⁹. При понуждении к действиям сексуального характера дополнительным объектом признаются честь и достоинство личности, отношения собственности⁶⁰.

Почему эти общественные отношения и интересы страдают наряду с половой свободой при понуждении к действиям сексуального характера? Потому что тот способ, с помощью которого совершается посягательство на половую свободу личности, и причиняет вред дополнительному объекту. Например, в случае понуждения к действиям сексуального характера путем угрозы уничтожением имущества под угрозу становятся отношения собственности. Иными словами, применение того или иного указанного в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ способа детерминирует конкретный дополнительный непосредственный объект преступления.

Отдельно отметим, что есть основания говорить и о факультативном объекте понуждения к действиям сексуального характера. В качестве такового следует признавать, например, здоровье потерпевшего. Как известно из учения о составе преступления, факультативный объект преступления характеризует те общественные отношения, которые не обязательно страдают от посягательства на основной и дополнительный непосредственные объекты, но могут либо пострадать, либо нет. Например, понуждение к действиям сексуального характера путем шантажа может негативно отразиться на психическом здоровье, а может и нет. Как отмечает А. В. Дубницкая, «у жертв половых преступлений возрастает риск развития ряда психосоциальных проблем – наркотической и алкогольной зависимости, попыток самоубийства,

⁵⁹ Пудовочкин Ю. Е., Дорогин Д. А. Учение о преступлении и о составе преступления : учебное пособие. М. : РГУП, 2017. С. 48.

⁶⁰ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я.Е. Иванова и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2010. 1392 с.; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 1184 с.

глубоких депрессивных нарушений»⁶¹. На это же обращают внимание Н.М. Захарова и А.В. Милехина в межотраслевой статье, опубликованной в журнале «Психология и право»⁶².

О том же свидетельствует складывающаяся судебная практика. Так, например, в апелляционной жалобе законного представителя потерпевшей от понуждения к действиям сексуального характера содержалось указание на тот факт, что в результате преступления К. получила «психологическую травму»⁶³.

В этой связи не можем согласиться с теми авторами, которые в содержание факультативного объекта вкладывают понимание дополнительного непосредственного объекта, смешивая тем самым столь важные юридические категории. Нередко в авторитетных трудах по уголовному праву указывают, что факультативным объектом преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, выступают «честь и достоинство потерпевших либо их собственность»⁶⁴, «честь, достоинство, деловая репутация потерпевшего, его имущество»⁶⁵. Иные специалисты не только подменяют определение с описанием содержания, но и вовсе без достаточных оснований объединяют разведенные нами выше категории дополнительного и факультативного объекта понуждения к действиям сексуального характера. Например, А.А. Байбарин и А.А. Гребеньков пишут, что «дополнительными факультативными объектами могут выступать также честь и достоинство потерпевших, общественные отношения собственности, иные права и

⁶¹ Дубницкая А. В. Проблема профилактики виктимного и преступного поведения несовершеннолетних, ставших жертвами сексуального насилия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 7. С. 96.

⁶² См.: Захарова Н.М., Милехина А. В. Особенности психических расстройств у пострадавших от преступлений против половой неприкосновенности личности // Психология и право. 2018. Т. 8. № 4. С. 89-98.

⁶³ Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 3 дек. 2020 г. по делу № 1-16/2020 // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6hkR7eVOrAYC> (дата обращения: 12.01.2022)

⁶⁴ См.: Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Велби, Проспект, 2007 // СПС «КонсультантПлюс»

⁶⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII // СПС «КонсультантПлюс»

интересы потерпевших (например, трудовые)»⁶⁶. Подобное смешение дополнительного и факультативного объекта представляется неоправданным.

Таким образом, охарактеризовать объект состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, можно так: видовым объектом следует признавать половую свободу и половую неприкосновенность личности; основным непосредственным объектом – только половую свободу личности; дополнительным непосредственным объектом – те отношения, которые страдают от выбранного виновным способа понуждения, в том числе честь и достоинство личности, отношения собственности; факультативным объектом может выступать признавать здоровье личности (в частности, психическое здоровье).

Отдельного уголовно-правового анализа заслуживают признаки потерпевшего от преступления, поскольку они имеют прямое отношение к квалификации изучаемого полового преступления. Некоторые ученые считают потерпевшего от преступления частной разновидностью предмета преступного посягательства. Такой точки зрения придерживается, в частности, Л.Д. Гаухман: «Предмет преступления – это материальный субстрат, предмет материального мира, одушевлённый или неодушевлённый, в связи с которым совершается преступление, на который непосредственно воздействует преступник, совершая преступление. Когда предметом является человек, то он именуется потерпевшим в уголовно-правовом смысле»⁶⁷.

Однако с нашей точки зрения отождествлять предмет преступления и потерпевшего некорректно как с точки зрения морально-нравственных соображений, так и с позиции характера криминального воздействия. Потерпевшему всегда причиняется вред в результате совершения преступления, тогда как предмет преступления может не претерпевать негативных последствий (например, при обороте оружия или иных запрещенных предметов). Более того, некоторые преступления направлены на

⁶⁶ Байбарин А. А. Половые преступления : учебное пособие. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2013. С. 73.

⁶⁷ Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. С. 8.

создание предмета преступления (например, изготовление фальшивых денег, наркотиков и т.д.).

Потерпевшим от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, выступает человек мужского или женского пола, достигший восемнадцатилетнего возраста, который не имеет согласия для вступления в половую связь с понуждающим. Тем самым нарушается половая свобода потерпевшего в уголовно-правовом смысле определять партнера и другие обстоятельства половых отношений. Заметим, что лица в возрасте от 12 до 18 лет не признаются потерпевшими от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, поскольку по признаку несовершеннолетнего потерпевшего выделен квалифицированный состав в ч. 2 ст. 133 УК РФ.

Нет оснований для того, чтобы ограничивать понимание потерпевшего от понуждения к совершению действий сексуального характера некоторыми признаками родства или близости. То есть потерпевшим в уголовно-правовом смысле здесь может быть жена или муж, сожитель или сожительница, а также другие лица, в том числе имеющие половые (интимные) отношения, причем независимо от наличия юридической связи (брачных отношений).

Традиционно под объективной стороной состава преступления понимается совокупность признаков, характеризующих внешний процесс преступного посягательства, параметры которых в зависимости от конкретного состава преступления варьируются от обязательных к факультативным, и наоборот.

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 133 УК РФ, сконструирован как формальный, значит объективным признаком, имеющим юридическое значение для квалификации содеянного по данной уголовно-правовой норме, является лишь общественно опасное деяние⁶⁸. Такой признак раскрывается в *понуждении*, совершенном определенными *способами*.

Подчеркнем, что указанные признаки неоднозначно интерпретируются учеными и правоприменителями. В частности, остаются открытыми вопросы

⁶⁸ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 9.

о насильственном характере данного преступления, о содержательном наполнении категории «*понууждение*», о способах понуждения.

Для начала стоит определиться, можно ли относить преступление, которое предусмотрено ч. 1 ст. 133 УК РФ, к категории насильственных деяний. Очевидно, что понуждение к действиям сексуального характера сопровождается отсутствием добровольности вступления в сексуальные отношения, поэтому оценивается современными криминологами в качестве негативной девиации – насилия, требующего уголовно-правового запрещения⁶⁹. Логично указать на существенное отличие насилия, о котором идет речь с позиции криминологии, с одной стороны, и с позиции уголовного закона, с другой стороны.

Анализируемый состав преступления, как правило, относят к группе насильственных половых преступлений, о чем прямо или косвенно утверждается из исследования в исследование (Ю.Е. Пудовочкин, В.П. Коняхин, О.В. Борисова, А.А. Игнатов, А.А. Бимбинов)⁷⁰. Однако вопреки этому, некоторые авторы в своих рассуждениях приходят к противоречивым тезисам: вначале указывают об аксиоматичности насильственного свойства преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, а далее, категорично заявляют: «При этом понуждением является способ получения вынужденного согласия против воли потерпевшего лица, но без применения насилия» (Ю.И. Исакова, Е.В. Миллеров)⁷¹.

В действительности понуждение к действиям сексуального характера в отличие от других (более очевидных) насильственных половых преступлений

⁶⁹ Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Алетей, 2021. С. 420.

⁷⁰ Пудовочкин Ю. Е. Ненасильственные половые посягательства на лиц, не достигших 14 лет // Законность. 2002. № 4. С. 16.; Коняхин В. П. Развратные действия // Законность. 2008. № 12. С. 17; Борисова О. В. Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера // Уголовное право. 2014. № 5. С. 27; Игнатова А. А. Уголовная ответственность за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2015. С. 3; Бимбинов А. А. Ненасильственные половые преступления : монография. М. : Проспект, 2017. С. 167.

⁷¹ Исакова Ю. И., Миллеров Е. В. О некоторых вопросах квалификации и расследования понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 10 (137). С. 97-98.

(например, предусмотренных ст. 131, ст. 132 УК РФ), имеет ощутимо иное содержание объективной стороны. Ключевое различие здесь состоит в способах воздействия на потерпевшее лицо с целью получения от него вынужденного согласия на совершение указанных действий (п. 15 постановления Пленума от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»⁷²). Детально эти способы названы законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ, и потому представляют собой конститутивный объективный признак состава понуждения.

Признавая упомянутые выше половые преступления в качестве насильственных, Я. М. Яковлев отразил различия между ними, разграничив их по признаку характера действий в объективной стороне. В первом случае (то есть при изнасиловании, насильственных действиях сексуального характера) профессор усматривал действия физического характера, во втором – интеллектуального⁷³. Однако в обоих случаях – насильственные действия (сегодня мы можем назвать дихотомию: физическое и психическое насилие).

Позднее, исключительно психическую направленность способов понуждения подчеркивала и С. Д. Цэнгэл, при этом обращая справедливое внимание на неполное подавление воли потерпевшего лица⁷⁴, с чем солидарны многие ученые⁷⁵. Исходя из этого, Е.В. Гертель пишет, что все способы понуждения суть проявления психического насилия⁷⁶. Относит понуждение к насильственному воздействию и Р.Д. Шарапов⁷⁷. В этой связи А.В. Мотин обоснованно относит понуждение к действиям сексуального характера исключительно к насильственным половым преступлениям, ставя его в один

⁷² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

⁷³ Яковлев Я. М. Половые преступления : монография. Душанбе : ИРФОН, 1969. С. 18.

⁷⁴ Цэнгэл С. Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 164.

⁷⁵ Коргутлова Т. А. Половые преступления: теоретические и практические аспекты // Современное право. 2009. № 10. С. 139.

⁷⁶ Гертель Е. В. Виды психического насилия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3 (46). С. 20.

⁷⁷ Шарапов Р. Д. Теоретические основы квалификации насильственных преступлений : монография. Тюмень, 2005. С. 22.

ряд с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера⁷⁸.

Надо признать, что такая трактовка понуждения не в полной мере отвечает пониманию Пленумом Верховного Суда РФ содержания насилия в ст. 131 и ст. 132 УК РФ, которое в п. 2 названного постановления раскрывается через насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы (а также угрозой такого физического насилия). Следуя такому узкому пониманию насилия, некоторые исследователи относят понуждение к действиям сексуального характера к ненасильственным половым преступлениям (Е.А. Котельникова, А.А. Байбарин)⁷⁹.

Во всяком случае нельзя отрицать, что обозначенные деяния сопровождаются воздействием на другого человека для:

- формирования вынужденного согласия;
- подавления несогласия – вступления в половую связь.

Отсюда нужно заключить, что *физическое насилие* или угроза им в составах преступлений, предусмотренных ст. 131 и ст. 132 УК РФ, и *психическое насилие* в составе преступления, предусмотренном ст. 133 УК РФ, направлены на достижение *идентичных целей*, состоящих в получении вынужденного согласия или подавления несогласия на вступление в половые отношения (совершение действий сексуального характера).

Неудивительно, что практикующие юристы имеют вполне определенное представление о характере преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ. Большинство опрошенных нами практиков (90,2 %) воспринимают понуждение к действиям сексуального характера в качестве насильственного полового преступления (см. приложение 1). Приведенные данные эмпирически подтверждают то обстоятельство, что сексуальное понуждение

⁷⁸ Мотин А. В. Квалификация половых преступлений: монография. М. : Триумф, Лучшие книги, 2019. С. 56.

⁷⁹ Котельникова Е. А. Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Нижний Новгород, 2007. С. 9; Байбарин А. А. Указ. соч. С. 73.

отражается в отсутствии добровольности со стороны потерпевшего, которая подавляется применимым способом понуждения, названным в диспозиции обсуждаемой нормы.

Формально есть достаточные основания относить преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ, к группам:

половых насильственных преступлений, если понимать насилие широко, в том числе как психическое насилие;

половых ненасильственных преступлений, если понимать насилие в половых преступлениях узко, то есть так, как разъяснено Пленумом Верховного Суда РФ (физическое насилие и угроза им).

Мы полагаем более точным первый подход уже потому, что в качестве ключевого критерия, отличающего понуждение от ненасильственных половых преступлений, наряду со способами посягательства, следует признать нацеленность виновного на вынужденное получение согласия на совершение сексуальных действий. Очевидно, что это не отвечает признаку добровольности половых отношений, имеющемуся в нормах ст. 134 и ст. 135 УК РФ.

Объективная сторона исследуемого преступления вызывает и другие вопросы, требующие ответов для правильного применения ст. 133 УК РФ. Речь идет о содержании собственно «понуждения», дефиницию которого не раскрывает ни законодатель, ни высшая судебная инстанция. Хотя последняя косвенно подталкивает правоприменителей на некоторые выводы в отношении понимания понуждения тем, что связывает конец преступления с моментом выражения соответствующего требования.

В поисках содержательного смысла понятия «понуждение» представители уголовно-правовой науки, как правило, обращаются к достижениям филологии. Нередко в научных трудах можно встретить примеры того, как уголовно-правовой термин «понуждение» определяется на основании словарных статей⁸⁰. Вместе с тем, принимая во внимание

⁸⁰ Дядюн К. В. Указ. соч. С. 56.

современные правовые исследования, говорить о тождестве общеупотребляемых слов с аналогичными по форме юридическими конструкциями не приходится.

Принимая во внимание конституционную компетенцию Верховного Суда РФ по разрешению возникающих в практике судов вопросов применения законодательства, следует в рассуждениях о содержании понуждения опираться именно на те разъяснения общего характера, которые Пленум Верховного Суда РФ выражает в своих постановлениях. Коль скоро формальный состав понуждения к действиям сексуального характера увязывается с моментом выражения требования, то и понуждение в таком случае является юридически выполненным актом поведения посредством объективации указанного требования.

В контексте обсуждаемых вопросов важнейшее значение имеет правовая позиция Президиума Верховного Суда РФ о важности точного понимания тех действий, к которым понуждается потерпевшее лицо (Определение № 45-097-97 по известному делу Щербакова⁸¹). Здесь высшая судебная инстанция подчеркнула, что уголовный закон содержит строго ограниченный перечень форм понуждения, подавления воли потерпевшего (потерпевшей). Не установление таковых свидетельствует об отсутствии состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ.

Стало быть, понуждение в смысле, придаваемом ему практикой высшей судебной инстанции, обоснованно будет понимать как *требование о совершении конкретных действий сексуального характера, сопряженное с шантажом, угрозами посягательства на собственность или использованием зависимости потерпевшего лица.*

При понуждении к действиям сексуального характера происходит ограничение воли потерпевшего, «при котором он (она) не может в полной мере действовать в соответствии со своими намерениями, и в результате таких

⁸¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 06.05.1998 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 9.

действий виновного нарушается половая свобода потерпевшего (потерпевшей)»⁸².

Установление объективной стороны понуждения требует полного и определенного уяснения каждого из нормативно закреплённых способов его совершения: шантаж; угроза имущественного характера; использование зависимости.

Большинство специалистов в области уголовного права определяют шантаж через угрозу распространения сведений компрометирующего характера, достоверность которых не имеет квалификационного значения⁸³. Заметим, что с такой дефиницией, в сущности, солидарны и правоприменительные органы⁸⁴.

В судебных решениях о применении ст. 133 УК РФ достаточно часто можно увидеть формулировку обвинения, где суд апеллирует к категории «шантажа», сразу же разъясняя её уголовно-правовое содержание. Например: суд указывает: А. своими умышленными действиями совершил преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ, т.е. путем шантажа (угрожая распространением порочащей ее информации) понуждал лицо к половому сношению⁸⁵. В иных приговорах суд объединяет шантаж и угрозу разглашения сведений⁸⁶.

Как правило, шантаж проявляется в угрозе распространения позорящих лицо сведений, которое оно стремится сохранить в тайне⁸⁷. В качестве конкретного примера можно привести такие случаи понуждения к действиям

⁸² Котельникова Е. А. Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 13.

⁸³ Попов А. Н. Указ. соч. С. 72.

⁸⁴ Постановление 35-ого гарнизонного военного суда г. П-Камчатский Камчатского края от 27 июня 2019 г. по делу № 1-29/2019 // Судакт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.11.2021); Постановление мирового судьи судебного участка № 35 г. Хасавюрта Республики Дагестан от 23 июня 2011 г. // Судакт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.11.2021)

⁸⁵ Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Кировского района г. Махачкалы Республики Дагестан от 18 апреля 2012 г. // Судакт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.11.2021)

⁸⁶ Приговор мирового судьи судебного участка № 7 Ленинского района г. Махачкалы т 11 сентября 2014 г. по делу № 1-21/2014 // Судакт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.11.2021)

⁸⁷ Приговор мирового судьи судебного участка № 8 г. Старый Оскол Белгородской области от 27 января 2014 г. // Судакт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.11.2021)

сексуального характера, когда потерпевшего шантажировали распространением информации об его гомосексуальной ориентации⁸⁸ или об измене мужу⁸⁹. Фактическое распространение соответствующих сведений, составляющих личную или семейную тайну, требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 137 УК РФ⁹⁰.

Нередко шантаж проявляется в том, что виновный угрожает распространением информации, в том числе в виде фотографий и видеозаписей, компрометирующего характера. Так, например, в приговоре по конкретному делу указано, что вина несовершеннолетнего Б. в совершении преступления, за которое он осужден, установлена собранными по делу доказательствами, исследованными в судебном заседании и подробно изложенными в приговоре: показаниями несовершеннолетней потерпевшей В. о том, что она совершала иные действия сексуального характера с осужденным под угрозой распространения компрометирующего ее видео; показаниями несовершеннолетних свидетелей Г., Д., свидетелей Е., Ж., З., И. о том, что потерпевшая совершала иные действия сексуального характера с Б. под угрозой распространения видео, в котором с ней имитировалось совершение полового акта⁹¹.

Подобные проявления понуждения к сексуальным действиям приобретают значительное распространение, ведь в современных условиях применить и реализовать угрозу распространения позорящих сведений довольно легко по причине стремительного развития информационных технологий, наличия у подавляющего большинства людей мобильных устройств, необходимых приложений и постоянного доступа в социальные

⁸⁸ Приговор мирового судьи судебного участка № 105 г. Кизляра Республики Дагестан от 7 фев. 2013 г. по делу № 1-10/2013 // Судакт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.11.2021)

⁸⁹ Приговор Дербентского районного суда Республики Дагестан от 31.10.2014 по делу № 1-104/2014. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 28.03.2022)

⁹⁰ Борисова О. В. Указ. соч. С. 28

⁹¹ Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-6160/2020 от 03 дек. 2020 г. по делу № 1-16/2020 // Судакт. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/6hkR7eVOrAYC> (дата обращения: 14.11.2021)

сети, другие ресурсы информационно-телекоммуникационной сети Интернет⁹².

Угроза уничтожения, повреждения или изъятия имущества выражается в материальном мире посредством посягательства на имущество. Примечательно, что в отдельных приговорах по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 133 УК РФ, судьи, описывая деяние, используют термины «угроза» и «шантаж» в качестве синонимичных конструкций, потому что трактуют шантаж через угрозу распространения позорящих сведений, а угрозу уничтожения имущества посредством шантажирования. Например: «Получив отказ от Джалиевой Г.Х., Юсупов М.М. умышленно с целью оказания психологического давления на последнюю и понуждения ее к половому сношению, стал шантажировать ее тем, что в случае ее отказа вступить с ним в половую связь, он сломает ее мобильный телефон «Самсунг Гелекси С-3» стоимостью 15490 рублей. Тем самым Юсупов М.М. шантажировал Джалиеву Г.Х. угрозой уничтожения ее имущества»⁹³.

Следующий способ, указанный в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ, – использование материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей), состоящего с виновным лицом в связи известных отношений, например, ученик-учитель, студент-преподаватель, подчиненный-начальник и другие. В специальной литературе подробно отражается проблематика материальной зависимости и иных видов зависимости⁹⁴. При этом следует сказать, что такую зависимость в любом случае надлежит отграничивать от иных способов понуждения. В частности, неправомерно говорить о материальной зависимости в том, что виновный угрожает уничтожить подаренное им имущество потерпевшего, а также иной зависимости в тех случаях, когда потерпевший «зависит» от понуждающего своим интересом в

⁹² Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 27 янв. 2022 г. // Хасавюртовский городской суд : официальный сайт. URL: <https://hasavjurt-gs--dag.sudrf.ru/> (дата обращения: 28.03.2022)

⁹³ Приговор мирового судьи судебного участка № 108 г. Хасавюрта Республики Дагестан от 24 октября 2013 г. по делу № 1-9/2013 // Судакт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.11.2021)

⁹⁴ Коновалов Н. Н. Понимание зависимости как способа совершения понуждения к действиям сексуального характера // Российский следователь. 2018. № 6. С. 22; Арямов А. А. Уголовно-правовая категория "зависимость" : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1991. 17 с.

нераспространении порочащих сведений (это способ шантажа, но не зависимости). Приведенные ошибочные примеры наличествуют в материалах проанализированной судебной практики и будут подробнее рассмотрены при анализе проблем квалификации понуждения к действиям сексуального характера.

Помимо этого, главный интерпретационный вопрос положений ч. 1 ст. 133 УК РФ состоит в том, каков характер понуждения в форме использования зависимости: его реализация имеет место исключительно при умалении прав и законных интересов потерпевшего лица или же и при улучшении его положения? Данная дискуссия была наиболее острой в научных исследованиях по советскому уголовному праву, где аналогичное преступление обеспечивало уголовно-правовую охрану лишь потерпевших лиц женского пола.

Известны мнения ведущих специалистов о сущности понуждения, которые могут быть сведены к следующим подходам:

- понуждение выражается в действиях, угрожающих законным интересам потерпевшего (понижение в должности, увольнение и т.п.)⁹⁵;
- понуждение выражается не только в угрожающих действиях, но и обещающих улучшение положения зависимого лица⁹⁶.

Такие подходы сохраняют свою актуальность, несмотря на распространенный тезис о том, что не образует состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, «получение согласия потерпевшего (потерпевшей) на совершение действий сексуального характера иным способом, напр., путем обещания оказать покровительство, какую-либо помощь, незаслуженные льготы, путем обмана, обещания заключить брак и

⁹⁵ См.: Геннадиев В. Д. Защита по делам о половых преступлениях. Л., 1977. С. 36; Ткаченко В. И. Квалификация преступлений против жизни и здоровья по советскому уголовному праву. М., 1981. С. 51-52.

⁹⁶ См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. М., 1971. Т. 5. С. 163; Хлынцов М. Н. Расследование половых преступлений. Саратов, 1965. С. 88.

т.д.»⁹⁷. По верному утверждению А.Н. Красикова, «оно не ставит потерпевшего в безвыходное положение»⁹⁸.

Сопровождая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ научным комментарием, аналогичную точку зрения обосновывает А.Н. Попов. Вслед за высшей судебной инстанцией он ограничивает преступный характер подобных действий посягательством только на законные, правоохраняемые права и интересы потерпевшего, приводя пример с угрозой начальника задержать получение очередного воинского звания подчиненному. При этом А.Н. Попов исключает преступность деяния, при котором начальник пообещал подчиненному незаконно представить его к очередному воинскому званию, потому что здесь отсутствует использование зависимости, хотя имеет место «уголовно ненаказуемое соблазнение подчиненного»⁹⁹.

В таком подходе сразу же выявляется существенное различие между шантажом и использованием зависимости: в первом случае состав понуждения образуется как в отношении достоверных, так и недостоверных сведений о потерпевшем¹⁰⁰, включая те, которые ставят под угрозу его незаконные интересы (например, сохранить в тайне сведения о совершенном преступлении); во втором случае понуждение посягает только на правоохраняемые интересы потерпевшего.

Таков генеральный тезис, имеющийся сегодня в отечественной доктрине и практике, об использовании зависимости для совершения анализируемого преступления: *предоставление преимуществ не образует понуждение*, потому что оно сводится лишь к ущемлению прав потерпевшего лица. В действительности, данное понимание созвучно с характеристикой понуждения в качестве насильственного деяния, сопровождающегося

⁹⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII. 371 с. // СПС «КонсультантПлюс».

⁹⁸ Красиков А. Н. Преступления против личности. Саратов, 1999. С. 119.

⁹⁹ Попов А. Н. Указ. соч. С. 78.

¹⁰⁰ Приговор Центрального районного суда г. Тулы от 21.05.2014 по делу № 1-95/2014 // Судакт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.02.2022).

ограничением воли, ее подавлением для получения вынужденного согласия на вступление в половую связь.

В связи с этим, как мы полагаем, справедливо разграничивать понимание понуждения и соблазнения (склонение к сексуальному поведению, контакту обещанием какой-либо выгоды), грань между которыми далеко не просто провести, что зависит от ряда обстоятельств, в том числе способа, среди которых наиболее часто приводятся такие, как: обещание оказать покровительство, иную помощь, предоставить незаслуженные льготы.

Соответствующего мнения придерживаются и практикующие юристы, которые заявляют, что следует различать для целей уголовно-правовой квалификации, с одной стороны, понуждение к действиям сексуального характера и, с другой стороны, склонение к действиям сексуального характера под обещанием выгоды. Этой позиции придерживаются 67,4 % опрошенных нами практиков. При этом нельзя не заметить и то, что значительное количество респондентов (32,6 %) не видят разницы между этими деяниями.

«Сущностью понуждения, – как настаивают О.Н. Дядькин и М.Н. Ахмедов, – является именно заставление выполнить определенные действия». Развивая эту мысль, они отмечают, что следует признавать преступным «осуществление услуг сексуального характера в силу обещания не применять заслуженное наказание»¹⁰¹. В приведенном примере мы видим, что имеет место наказуемое уголовным законом понуждение, потому что фактически применение дисциплинарного взыскания составляет собой право работодателя (начальника), но не его обязанность. Выходит, что такое дискреционное полномочие в отношении работника и образует прямую зависимость между виновным и потерпевшим, что не может быть сведено к абстрактному «обещанию оказать помощь». Ибо способом понуждения выступает не столько материальная или иная зависимость потерпевшего (потерпевшей), а именно факт её использования.

¹⁰¹ Там же. С. 72.

Аналогичная ситуация известна судебной практике и научному сообществу по примеру, где генеральный директор под угрозой увольнения понуждал сотрудницу компании к половому сношению¹⁰².

Так, в приговоре Центрального районного суда г. Тулы от 10 сентября 2012 г. в отношении С., осужденного по ст. 133 УК РФ, указано, что тот, являясь родным отцом потерпевшей, систематически передавал ей денежные средства для нее и ее малолетних детей. Денежные средства, передаваемые С., являлись единственным источником ее дохода. Таким образом, потерпевшая находилась в материальной зависимости от своего отца. У С. возник преступный умысел, направленный на удовлетворение своей сексуальной потребности, понуждение потерпевшей к половому сношению с использованием материальной зависимости последней от него. Дочь, опасаясь, что С. перестанет оказывать ей материальную помощь, а следовательно, она и ее малолетние дети окажутся без источника дохода, вынуждена была согласиться на предложение С.¹⁰³. Так выглядит наиболее типичный случай использования материальной зависимости в сложившейся судебной практике.

Исчерпывающий перечень способов понуждения не включает некоторые угрозы, которые могут быть не менее результативными, чем те, которые указаны в ч. 1 ст. 133 УК РФ. Например, угроза уничтожения или блокирования информации, а также угроза преследования, слежки, собирания личной информации. Данное обстоятельство крайне чувствительно для современного общества, поскольку различного рода преследовательские проявления и угрозы сегодня могут обладать криминальной общественной опасностью, тем более если они выступают способом понуждения к действиям сексуального характера. Речь идет о таком отклоняющемся поведении, которое может быть выражено в угрозе преследования кого-либо. Так,

¹⁰² Приговор мирового судьи судебного участка № 50 Ванинского района Хабаровского края от 24 мая 2011 г. по делу № 1- 7/2011 // Судакт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.11.2021).

¹⁰³ Соколова О. В. Уголовно-правовой запрет инцеста: теоретические подходы российской и немецкой науки // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 2 (35). С. 97.

остается без уголовно-правовой охраны понуждение к действиям сексуального характера, совершаемое мужчиной в отношении своей бывшей жены путем ее преследования, постоянного наблюдения, отслеживания личной информации (передвижения, общения, знакомств, иных аспектов личной и интимной жизни), которую потерпевшая скрывает от преследователя. Подавляющее большинство правоприменителей, опрошенных нами в ходе настоящего исследования, сообщают, что на подобные акты поведения, если они выступают способом понуждения, следует распространить действие нормы, закрепленной ст. 133 УК РФ (85,6 %), тогда как видят избыточным расширение нормы лишь 14,4 % опрошенных специалистов (см.: приложение 1).

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, является общим, то есть в качестве такового следует признавать физическое, вменяемое лицо женского или мужского пола, достигшее возраста 16 лет. Заметим, при сопоставлении положений, закрепленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, с запретами, закрепленными гл. 18 УК РФ, выходит так, что понуждение к действиям сексуального характера является единственным из группы насильственных половых преступлений, совершение которого увязано с общим возрастом уголовной ответственности – 16 лет. Тогда как совершение изнасилования (ст. 131 УК РФ) или насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) влечет уголовную ответственность для виновного уже при достижении им 14-летнего возраста (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Вместе с тем наиболее сложные вопросы возникают при анализе содержания признаков субъекта квалифицированного и особо квалифицированного состава понуждения к действиям сексуального характера, что будет рассмотрено в параграфе о дифференциации уголовной ответственности.

Субъективная сторона анализируемого состава преступления характеризуется умышленной виной и специальной целью в качестве обязательных признаков, а в качестве факультативного логично рассматривать

мотив понуждения к действиям сексуального характера. В частности, данное половое преступление может быть совершено исключительно с прямым умыслом, при котором преступник осознает, что принуждает другое лицо, не дающее или не имеющее соответствующего согласия, к сексуальному контакту путем указанных в законе способов, предвидит неизбежность или возможность понуждения вопреки воли потерпевшего и желает осуществить задуманное с целью получения вынужденного согласия на совершение любых действий сексуального характера. Тогда как мотив не имеет квалифицирующего значения.

Возможность совершения понуждения с косвенным умыслом следует исключить из сферы уголовной ответственности. А.И. Рарог в противовес позиции о допустимости в формальных составах преступлений косвенного умысла справедливо отмечает, что «с этими утверждениями вряд ли можно согласиться, поскольку они противоречат законодательному определению и психологической сущности косвенного умысла, при котором сознательное допущение проецируется только на общественно опасные последствия, а не на какие-то иные объективные признаки и свойства деяния»¹⁰⁴.

С этих теоретических позиций отметим, что основной состав преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, по конструкции является формальным, следовательно, отношение к последствиям, не обладающим юридическим значением, не входит в содержание субъективной стороны. Поэтому прямой умысел является единственно возможной формой вины в основном составе понуждения к действиям сексуального характера. Такую позицию выразили более 90% опрошенных нами респондентов (см.: приложение 1).

Мотивом понуждения к действиям сексуального характера, может признаваться не только желание удовлетворить половую потребность, но и мотивы ревности, мести и другие, а также нет оснований исключать

¹⁰⁴ Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2002. С. 98-99.

экстремистский мотив, тем более что состав является формальным и не требует собственно совершения тех или иных действий сексуального характера. На страницах юридических изданий, комментирующих анализируемую уголовно-правовую норму, о мотиве понуждения, как правило, умалчивают¹⁰⁵, тогда как его определение имеет важное значение, в том числе для точной и верной индивидуализации наказания.

Целью преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, выступает использование вынужденного согласия потерпевшего на совершение действий сексуального характера. В противном случае, когда понуждающий преследует иную цель (например, опозорить потерпевшего, причинить ему психические страдания, отомстить и т.п.), понуждение утрачивает сексуальный характер, причиняя вред не половой свободе (неприкосновенности), а другим объектам уголовно-правовой охраны (чести, достоинству, здоровью потерпевшего). Такое понимание субъективной стороны понуждения к действиям сексуального характера согласуется с сущностью исследуемого уголовно-правового запрета, который расположен в гл. 18 УК РФ и предназначен для охраны половой свободы и неприкосновенности личности.

К сожалению, общепринятая трактовка ст. 133 УК РФ, при которой цель понуждения объявляется факультативным признаком состава, допускает применение этой нормы к тем ситуациям, когда виновный высказывает требования о совершении действий сексуального характера в целях издевательств, причинения морального вреда, не преследуя при этом цели совершить сексуальные действия. Чтобы исключить подобную практику, целесообразно признать обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, цель использования вынужденного согласия потерпевшего на совершение действий сексуального характера. Это позволит

¹⁰⁵ Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности : учебник для вузов / под общ. ред. В. И. Гладких, А. К. Есяна. М. : Юрайт, 2020. С. 135.

ограничить пределы действия данной нормы, исключить ее произвольное или расширительное толкование.

Попутно заметим, что в ст. 135 УК РФ тоже не содержит прямого указания на сексуальные цели развратных действий. Тем не менее, представители уголовно-правовой доктрины, например, В.П. Коняхин, обоснованно обращают внимание на обязательное сексуальное целеполагание виновного, наделяя цель в составе развратных действий качеством обязательного признака субъективной стороны¹⁰⁶. Такой подход следует признать справедливым и для понуждения к действиям сексуального характера.

В учебной и научной литературе вопрос об обязательной цели в субъективной стороне анализируемого преступления не поднимается, хотя соответствующее указание должно иметь принципиальное значение в уяснении и разъяснении признаков состава понуждения к действиям сексуального характера. Вскользь говорит о наличии такой цели Пленум Верховного Суда РФ в п. 15 постановления от 04 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», где указывает на способы совершения этого преступления. Зачастую и суды при квалификации половых преступлений указывают на соответствующие цели, которые не всегда правильно разводятся с мотивами.

Обратим внимание на важное обстоятельство. А.Г. Кибальник справедливо утверждает о насильственных половых преступлениях, что «многие (если не большинство) из этих преступлений действительно совершаются по так называемым "сексуальным" мотивам и с указанными целями. Но последние не должны играть роль при квалификации – не секрет (и я с подобным сталкивался в бытность следователем), что многие насильственные сексуальные преступления совершаются по другим мотивам и с иными целями (например, месть, ревность, стремление показаться "не хуже

¹⁰⁶ Коняхин В. П. Развратные действия // Законность. 2008. № 12. С. 17.

других" - особенно это характерно для несовершеннолетних, и пр.)»¹⁰⁷. При этом ученый рассуждает о мотивации совершения именно фактических действий (полового сношения, действий сексуального характера), тогда как мы говорим о цели понуждения как преступления, юридический момент окончания которого связан с моментом выдвижения требования. Как следствие, само по себе совершение полового сношения, мужеложства, лесбиянства, иных действий сексуального характера, являясь целью понуждения, могут совершаться с самыми разнообразными целями и мотивами, о чем правильно указано выше.

Здесь же следует определить преступность и характеристику тех действий, которые подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, но не содержат обозначенной цели. На наш взгляд, анализируемая норма должна служить специальной нормой к общему уголовно-правовому запрету о принуждении к совершению тех или иных действий против воли лица (разграничение этих составов будет осуществляться по известному правилу – *lex specialis*) в отсутствие специальной цели. Хотя общей нормы всё ещё нет в российском уголовном законе, что позволяет говорить о пробеле правового регулирования. Его заполнение исчерпывающим образом было предложено рабочей группой под руководством Б.В. Волженкина в положениях рекомендательного законодательного акта Модельного уголовного кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств (далее СНГ), который был принят в г. Санкт-Петербурге 17 февраля 1996 года Постановлением 7-го пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ.

Так, Модельный уголовный кодекс для стран СНГ криминализует состав ст. 142 «Принуждение» с диспозицией следующего содержания: «Принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия

¹⁰⁷ Кибальник А. Судебные подходы к квалификации сексуальных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 58-60.

путем угрозы в отношении такого лица или его близких насилем, уничтожением или повреждением имущества, распространением клеветнических или оглашением иных сведений, которые потерпевшие желают сохранить в тайне, а равно путем угрозы ущемлением прав и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления, – преступление небольшой тяжести»¹⁰⁸.

На постсоветском пространстве приведенный подход реализован белорусским законодателем. Так, ст. 185 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Принуждение» устанавливает данную общую норму о запрете на принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия¹⁰⁹). При том, что, конечно же, в уголовном законе Республики Беларусь наличествует специальный уголовно-правовой запрет на понуждение к действиям сексуального характера.

К сожалению, в приведенной части отечественный законодатель обошел стороной полноту регулирования названного Модельного уголовного кодекса, не включив аналогичную норму ни при разработке УК РФ, ни при внесении в него поправок вплоть до сегодняшнего дня. Результатом этого стал пробел в регламентации того или иного принуждения: либо к иным (не сексуального характера) действиям, либо к действиям сексуального характера в иных целях (не для получения вынужденного согласия на половой контакт: понуждение для нанесения морального вреда, издевательств и др.). Около двух третей опрошенных нами практикующих специалистов выразили мнение, что само по себе принуждение несет в себе общественную опасность, в том числе достаточную для криминализации деяния (62,9 %), тогда как не усматривают общественной опасности в таком виде поведения только 37,1 % опрошенных. Такие результаты демонстрируют то, что даже в юридическом сообществе нет

¹⁰⁸ Модельный уголовный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств : Рекомендательный законодательный акт : принят в г. Санкт-Петербурге 17 фев. 1996 г. Постановлением 7-5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁹ Уголовный кодекс Республики Беларусь // Кодексы. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb/185.htm (дата обращения: 03.12.2021)

единства мнений в отношении оценки преступного характера подобных случаев. При этом признание наличия общественной опасности в таких ситуациях со стороны большинства юристов-практиков является существенным обстоятельством, подлежащим обязательному учету при совершенствовании уголовного законодательства (см.: приложение 1).

Любопытно и то, что в пояснительной записке к проекту федерального закона о дополнении уголовного закона ч. 3 ст. 133 УК РФ федеральный законодатель называет объективную сторону понуждения в терминологии «принуждения». В частности, инициаторы изменения уголовного закона в пояснительной записке сказали так: «Сексуальное насилие в отношении детей выражается ... в актах *принуждения* ребенка к сексуальным действиям, законопроектом вводится отдельная ответственность за понуждение детей к действиям сексуального характера с использованием сети «Интернет», а также за факты такого понуждения группового характера»¹¹⁰ (выделено нами – Н.К.).

Это в очередной раз подчеркивает допустимость такого оборота и потребность в рассмотрении возможности криминализовать принуждение к тем или иным действиям в качестве общей нормы. Ее наличие позволило бы обеспечить уголовно-правовую охрану свободы личности в тех ситуациях, которые, обладая общественной опасностью, всё ещё остаются вне уголовно-правовой сферы. Например, принуждение к раздеванию из мести, сопряженное с видеосъемкой и опубликованием видеозаписи в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Такие вопиющие случаи в современном мире, когда репутация конкретного человека имеет порой более серьезный вес, чем, например, отдельные материальные блага, – должны находить адекватную реакцию со стороны государства.

Принуждение как преступление, посягающее на свободу личности, логично закрепить в ст. 128² УК РФ «Принуждение» в следующей, основанной

¹¹⁰ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних»: паспорт проекта федерального закона № 388776-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7> (дата обращения: 12.04.2022)

на Модельном УК, редакции: «Принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей)».

Дифференциация ответственности за данное преступление требует серьезной проработки, учета квалифицирующих признаков различных степеней, в том числе потерпевшего, применения насилия, использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет и других.

Предложенная общая норма позволит дать адекватную правовую оценку тем общественно опасным проявлениям принуждения (принуждение к аборт, к замужеству, к смене конфессиональной принадлежности, к увольнению с работы и т.п.), которые не предусмотрены самостоятельными нормами (ст. 120, 133, 163, 179, 230, 240, 302, 309 УК РФ). При этом отказ от самостоятельных (специальных) норм об ответственности за отдельные виды принуждения (в том числе и за понуждение к действиям сексуального характера) представляется нецелесообразным, поскольку они позволяют учесть специфику разнообразных проявлений принуждения и дифференцировать уголовную ответственность.

Таким образом, система, включающая общую норму об ответственности за принуждение и специальные уголовно-правовые запреты на наиболее опасные проявления принудительного воздействия, обеспечит беспробельное уголовно-правовое регулирование и необходимую дифференциацию уголовной ответственности.

В завершение параграфа отметим, что изучение признаков основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, научных изысканий по вопросам уголовно-правовой характеристики половых преступлений, а также системный анализ уголовного законодательства позволили нам прийти к следующим выводам.

1. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, следует признавать исключительно

половую свободу личности, поскольку половая неприкосновенность в качестве уголовно-правового объекта понуждения подлежит охране в квалифицированном и особо квалифицированном составах преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ. Дополнительным непосредственным объектом обоснованно будет признавать только те общественные отношения, которые страдают от выбранного виновным способа понуждения, в том числе честь и достоинство личности, отношения собственности. При этом факультативным объектом нужно признавать те общественные отношения, которые не обязательно ставятся под угрозу совершением понуждения к действиям сексуального характера, но могут быть деформированы в результате понуждения к действиям сексуального характера (в частности, речь может идти о здоровье личности – психическом здоровье, как это часто бывает в действительности).

2. Понуждение к действиям сексуального характера необходимо отнести к числу насильственных половых преступлений, что связано с внешним воздействием виновного посредством психического насилия на формирование вынужденного согласия потерпевшего для вступления в половой контакт.

3. Понуждение в смысле, придаваемом ему практикой высшей судебной инстанции, представляет собой требование о совершении конкретных действий сексуального характера, сопряженное с шантажом, угрозами посягательства на собственность или использованием зависимости потерпевшего лица. Юридически оконченным данное преступление следует признавать с момента выражения требования о совершении конкретных действий сексуального характера, сопряженного с шантажом, угрозами посягательства на собственность или использованием зависимости понуждаемого.

4. Есть достаточные основания для того, чтобы признать в качестве обязательного признака субъективной стороны не только вину в форме прямого умысла, но и цель использования вынужденного согласия на

совершение действий сексуального характера. Вопреки наиболее распространённому и сложившемуся в уголовно-правовой доктрине мнению, обязательный характер цели данного преступления позволит не только более точно применять ее, но обеспечит разумный предел ее действия – послужит своеобразной подстраховкой от ее произвольного или расширительного толкования, ограничив применение нормы для случаев понуждения к действиям сексуального характера заведомо в отсутствие цели использовать согласие на вступление в половые отношения (например, для издевательства, запугивания, буллинга).

5. Для обеспечения уголовно-правовой охраны от тех посягательств в виде принуждения к каким-либо действиям и от понуждения без цели получить вынужденное согласие на вступление в половые отношения считаем целесообразным и назревшим предложение об установлении общего уголовно-правового запрета на принуждение.

Принуждение как преступление, посягающее на свободу личности, логично закрепить в ст. 1282 УК РФ «Принуждение» в следующей, основанной на Модельном УК, редакции: «Принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей)». Дифференциация ответственности за данное преступление требует серьезной проработки, учета квалифицирующих признаков различных степеней: потерпевшего, применения насилия, использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет и других.

2.2. Дифференциация уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера

Все насильственные половые преступления совершаются против воли лица путем различных умышленных действий, таких как половое сношение

или иные действия сексуального характера, понуждение, развратные действия¹¹¹. «Высказывания и притеснения сексуального характера являются разновидностью сексуального насилия, предполагают ситуации, в которых ребенок или взрослый занимается различными сексуальными заигрываниями, иным психологическим или физическим притеснением сексуального характера...»¹¹².

До дополнения уголовного закона весной 2022 года (Федеральный закон от 06 марта 2022 г. № 38-ФЗ) дифференциация уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера обеспечивалась посредством конструирования лишь одного квалифицирующего признака, в основу которого был положен несовершеннолетний возраст потерпевшего от преступления.

Федеральным законом от 06 марта 2022 г. № 38-ФЗ вновь усилено уголовно-правовое противодействие половым преступлениям в отношении детей. В ст. 133 УК РФ введена новая ч. 3, где ужесточена ответственность за понуждение несовершеннолетних. В частности, ч. 3 ст. 133 УК РФ теперь позволяет дифференцировать ответственность тогда, когда половое преступление совершается:

– в одной из форм соучастия (п. «а» ч. 3 ст. 133 УК РФ: «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой»);

– в СМИ или Интернете (п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ: «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"»);

– при специальном рецидиве (п. «в» ч. 3 ст. 133 УК РФ: «лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего»).

Санкция новой ч. 3 ст. 133 УК РФ включает только один вид основного

¹¹¹ Дубницкая А. В. Криминологическая оценка психического насилия: понятие и типология // Общество и право. 2020. № 4 (74). С. 24-25.

¹¹² Насилие в школе: состояние, причины, предупреждение (по материалам Воронежской области): учеб. пособие / Е.В. Гэibanов и др. Воронеж, 2014. С. 11.

наказания – лишение свободы на срок до шести лет с возможностью назначить лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет.

Первое, что наиболее сильно выделяет ст. 133 УК РФ из всей гл. 18 УК РФ, так это то, что дифференциация осуществлена лишь применительно к несовершеннолетним потерпевшим (на чем основана и ч. 3 ст. 133 УК РФ). При этом совершение такого преступления против взрослых потерпевших в какой-либо форме соучастия или с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» остается в сфере действия ч. 1 ст. 133 УК РФ. Заметим, что это преступление относится к категории небольшой тяжести, а максимальное наказание на него – 1 год лишения свободы.

Спорить о криминологической обоснованности дифференциации уголовной ответственности в зависимости от возраста потерпевшего едва ли возможно, поскольку со всей очевидностью воздействие на не достигшее восемнадцати лет лицо в целях получения вынужденного согласия на совершение действий сексуального характера обладает повышенной степенью общественной опасности. В этом плане справедливы следующие слова известного криминолога Я.И. Гилинского: «В российском обществе дети, подростки, молодежь страдают не только от непонятности, заброшенности, репрессивных мер «воспитания», но и от неравенства положения, неравенства шансов – по сравнению со взрослыми – получить жилье, работу, вознаграждение за нее, защитить свои интересы. Подростки отличаются не только повышенной девиантностью, но и повышенной виктимностью (способностью стать жертвой)»¹¹³.

Учет признака несовершеннолетнего потерпевшего в конструкции квалифицированного состава понуждения к действиям сексуального характера имеет целый ряд уголовно-правовых последствий.

Прежде всего, следует определиться с влиянием особенностей несовершеннолетнего потерпевшего на характеристику субъекта

¹¹³ Гилинский Я. И. Девиантология. С. 192.

квалифицированного и особо квалифицированного состава понуждения к действиям сексуального характера. Напомним, что ответственность по ч. 1 ст. 133 УК РФ, которая предполагает взрослого потерпевшего, наступает с 16 лет. Преступления, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 133 УК РФ, совершаются в отношении несовершеннолетних потерпевших, что по логике уголовно-правового регулирования не может не влиять на возрастные характеристики субъекта квалифицированного и особо квалифицированных составов понуждения.

Дело в том, что при выделении несовершеннолетнего в качестве специального потерпевшего, субъектом преступления признаются лишь те лица, которые достигли совершеннолетия (подтверждением чему служат известные законодательные конструкции ст. 150 и ст. 151 УК РФ). Повышенный возрастной порог субъекта преступления (лицо, достигшее 18 лет) прямо установлен в диспозиции указанных уголовно-правовых норм. Совершение данных преступлений несовершеннолетним против несовершеннолетних исключено по определению.

Однако в ч. 2 и 3 ст. 133 УК РФ указание на совершеннолетие субъекта преступления отсутствует. А потому нет никаких формально-юридических препятствий для того, чтобы признавать субъектом квалифицированного и особо квалифицированных составов понуждения лиц в 16-17-летнем возрасте.

Обоснованность такого законодательного решения вызывает серьезные сомнения. Если к действиям сексуального характера понуждает 16-летний, а в качестве потерпевшего выступает его сверстник или старший по возрасту подросток (17-летний), то степень общественной опасности содеянного явно не выходит за рамки «простого» понуждения, предусмотренного ч.1 ст. 133 УК РФ. К сожалению, эти вопросы и вообще анализ субъекта квалифицированного и особо квалифицированного состава понуждения к действиям сексуального характера (то есть понуждения несовершеннолетних) незаслуженно обходят стороной.

Не дает однозначные ответы и правоприменительная практика. Во-

первых, умалчивает об этих особенностях конструкции состава преступления высшая судебная инстанция в своих разъяснениях по вопросам квалификации половых преступлений. Во-вторых, известна не только практика судов первой инстанции, но и апелляционная практика признания правомерным привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 133 УК РФ, несовершеннолетнего лица. К примеру, Ставропольский краевой суд в своем апелляционном постановлении оставил в силе приговор, которым несовершеннолетний подросток был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 133 УК РФ, то есть за понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетней¹¹⁴. Опрошенные нами практикующие работники выразили мнение о том, что следует разделять общественную опасность тех случаев, когда понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего осуществляет лицо старше 18 лет или лицо в возрасте от 16 до 17 лет включительно. Мнения отвечающих на соответствующий вопрос разделились вполне определенным образом: нужно разделять – 84,1 %, не нужно разделять – 15,9 %, из чего так или иначе очевидна наиболее общая позиция (см.: приложение 1).

Разрешить данную ситуацию можно путем внесения необходимых дополнений в текст уголовного закона (что представляется наиболее оптимальным способом). Определенность в этом вопросе является крайне важной, потому что едва ли отвечает смыслу уголовно-правового запрета на совершение понуждения к сексуальным действиям в отношении несовершеннолетних привлечение к уголовной ответственности за совершение квалифицированного или особо квалифицированного состава преступления несовершеннолетних же лиц.

При дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 133 УК РФ необходимо учесть достаточно широкий диапазон возраста

¹¹⁴ Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-6160/2020 от 03 дек. 2020 г. по делу № 1-16/2020 // Судакт. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/6hkR7eVOrAYC> (дата обращения: 02.03.2022)

несовершеннолетнего потерпевшего, который может варьироваться в границах от 12 до 17 лет. Очевидно, что совершенное 16-летним подростком похищение к действиям сексуального характера 17-летнего и 12-летнего потерпевшего существенно отличается по степени общественной опасности. В первом случае деяние должно подлежать оценке по ч. 1 ст. 133 УК РФ, а во втором случае – в качестве квалифицированного (или особо квалифицированного) состава похищения. Для этого нужно внести коррективы в текст уголовного закона, где при дифференциации уголовной ответственности за похищение предусмотреть отягчающий признак ответственности за похищение более полно: совершение похищения к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Но в особо квалифицирующем признаке совершения похищения в отношении лица достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцати лет такую оговорку делать не стоит, так как субъектом здесь вполне обоснованно признавать и лицо в возрасте 16 лет.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 133 УК РФ, благодаря дифференциации ответственности, стало возможным отнести к категории средней тяжести, что имеет свои важные юридические последствия. Это не только ужесточает виды и размеры уголовного наказания, но и значительным образом увеличивает срок давности привлечения к уголовной ответственности. Например, похищение лица несовершеннолетнего возраста к действиям сексуального характера повышает максимально возможный к назначению срок лишения свободы *в 5 раз*. И в силу ст. 78 УК РФ при совершении этого преступления в отношении несовершеннолетнего потерпевшего срок привлечения к уголовной ответственности увеличивается *в 3 раза*: с двух до шести лет.

Столь существенное повышение санкции свидетельствует о том, что законодатель действительно оценивает совершение этого посягательства на ребенка как более общественно опасное, с чем нельзя не согласиться с той

простой оговоркой, что степень общественной опасности возрастает при посягательстве на ребенка тогда, когда оно совершается взрослым или если несовершеннолетним, то в отношении малолетнего. На наш взгляд, в этом отражается и специфика половых преступлений, обращение которых против детей должно получать более серьезную уголовно-правовую реакцию.

Подтверждением этому служит уголовная политика последних 10 лет по ужесточению санкций за половые преступления против лиц, не достигших возраста восемнадцати лет. Не составило исключения и понуждение к действиям сексуального характера, потому что такой квалифицирующий признак был введен Федеральным законом от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»¹¹⁵. Социологическое исследование, выполненное нами в ходе изучения настоящей проблематики, показывает, что 97 % юристов согласны с необходимостью увеличения санкции за половые преступления, в том числе понуждение к действиям сексуального характера, для случаев их совершения в отношении детей (лиц, не достигших возраста 18-ти лет).

Официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ демонстрирует следующую динамику количества лиц, осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ. Если с 2010 года по 2016 год наблюдалось снижение этого показателя (с 18 в год до 5 в год по основному составу), то с 2017 года по 2020 год следует констатировать существенный в процентном отношении рост числа преступников, осужденных за совершение понуждения к действиям сексуального характера (с 13 в год до 17 в год по основному составу).

¹¹⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : федер. закон от 29 фев. 2012 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 10. Ст. 1162.

При этом число лиц, осужденных по ч. 2 ст. 133 УК РФ, с 2013 года по первую половину 2021 года не опускалось ниже 15 в год (2019, 2020), а в 2017 году достигло 33.

Таблица. 1. Число осужденных по ст. 133 УК РФ

Кол. осужд.	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
По ч. 1 ст. 133 УК РФ	18	19	18	20	10	7	5	13	12	15	17
По ч. 2 ст. 133 УК РФ	–	–	–	18	19	24	23	33	20	15	15

Вместе с тем, заметим, что говорить о сколько-нибудь репрессивном тренде в рамках уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера говорить не приходится. Хотя бы потому, что значительная доля уголовных дел, возбужденных по ст. 133 УК РФ, прекращается. Например, в 2020 году число лиц, в отношении которых уголовные дела по ч. 1 ст. 133 УК РФ и ч. 2 ст. 133 УК РФ были прекращены, составило 10 и 15 человек соответственно (привлечено к ответственности было 17 и 15 человек соответственно). При этом следует обратить внимание на то, что лишение свободы, например, в 2020 г. назначено 1 (6 %) и 7 (47 %) осужденным по ч. 1 (небольшой тяжести) и ч. 2 (средней тяжести) ст. 133 УК РФ.

Из данных статистики следует, что введение квалифицированного состава позволило расширить действие анализируемой нормы для уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от принуждения к интимным отношениям. Те факты, которые до 2012 года составляли бы лишь основной состав преступления, предусмотренный ст. 133 УК РФ, а сейчас подпадают под квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 2 ст. ст. 133 УК РФ, могли бы остаться без надлежащей или недостаточной реакции со стороны государства.

Как указывал А.Э. Жалинский, «все, что общественно опасным (при наличии иных признаков) признал или не признал законодатель, связывает

правоприменителя. Однако эта связанность аналогична связанности иным содержанием уголовно-правового запрета. Общественная опасность деяния как оцениваемого правоприменителем социального факта в каждом случае еще подлежит установлению, причем как по ее наличию в принципе, так и по характеру, и по степени данной общественной опасности в данном случае»¹¹⁶. Развивая эту мысль, отметим, что выделение анализируемого квалифицирующего признака констатирует повышенную опасности понуждения несовершеннолетнего к действиям сексуального характера, но при этом законодательно определенная типовая степень общественной опасности может быть скорректирована правоприменителем. Есть ряд инструментов Общей части УК РФ для точного установления общественной опасности конкретного полового преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, с учетом всех заслуживающих внимание обстоятельств, позволяющих снизить нормативно заданную законодателем степень общественной опасности этого преступления: предписания о малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ); понижение категории преступления со средней тяжести на небольшой тяжести (ч. 6 ст. 15 УК РФ); учет обстоятельств, смягчающих наказание (ч. 1 ст. 61 УК РФ); назначение наказания ниже низшего предела (ст. 64 УК РФ) и др.

При этом правоприменительные органы длительное время были лишены возможности учета иных обстоятельств, существенно повышающих общественную опасность понуждения к действиям сексуального характера. Имелась возможность лишь индивидуализировать наказание в рамках санкции ст. 133 УК РФ с учетом обстоятельств, отягчающих наказание.

По результатам дополнения УК РФ Федеральным законом от 06 марта 2022 г. № 38-ФЗ усилено уголовно-правовое противодействие понуждению к совершению действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних потерпевших, так как были включены особо квалифицированные признаки понуждения к действиям сексуального

¹¹⁶ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен // СПС «КонсультантПлюс»

характера в ч. 3 ст. 133 УК РФ. Часть 3 ст. 133 УК РФ теперь позволяет дифференцировать ответственность в тех случаях, когда половое преступление совершается: в соучастии (п. «а» ч. 3 ст. 133 УК РФ: «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой»); в СМИ или Интернете (п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ: «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"»); при рецидиве (п. «в» ч. 3 ст. 133 УК РФ: «лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего»).

Санкция новой ч. 3 ст. 133 УК РФ включает только один вид основного наказания за совершение понуждения к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего – лишение свободы на срок до шести лет с возможностью дискреции правоприменителя по назначению в качестве дополнительного уголовного наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет. В целом такая регламентация санкции половых преступлений, в том числе в ст. 133 УК РФ, вызвала как положительные¹¹⁷, так и отрицательные¹¹⁸ мнения.

Приведенное содержание санкции, как известно, требует отнесения особо квалифицированного состава понуждения к категории тяжких преступлений. Как следствие, применимый срок давности привлечения к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 133 УК РФ составляет 10 лет, что в значительной мере расширяет возможности действия анализируемой нормы.

Более того, теперь не допускается применение целого ряда норм, стимулирующих позитивное уголовно-правовое поведение преступников. Исключается применение в отношении лиц, совершивших понуждение к действиям сексуального характера, например, с помощью социальных сетей,

¹¹⁷ Степанова О. Ю. Спорные моменты дифференциации уголовной ответственности за сексуальные преступления в отношении детей и подростков // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 181.

¹¹⁸ Гусарова М. В. Анализ наказаний за преступления сексуального характера и пути их оптимизации // Российский судья. 2022. № 1. С. 19-20.

норм об освобождении от уголовной ответственности, где ключевым условием предусмотрено совершение преступления, относимого к категориям небольшой или средней тяжести. В частности, не подлежат применению положения ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим», 76² УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа». Тогда как освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности по ст. 78 УК РФ, как мы уже указали выше, теперь требует истечения уже не 6 лет, а 10 лет с момента совершения преступления.

Законопроект о включении в ст. 133 УК РФ особо квалифицированного состава был разработан специально созданной в соответствии с решением Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации рабочей группой по подготовке комплексного проекта федерального закона, направленного на усиление мер защиты детей от сексуального насилия, в состав которой входили, в том числе представители уполномоченных органов государственной власти и профильных экспертных организаций.

Субъекты права законодательной инициативы обосновали целесообразность рассматриваемого нововведения следующим образом. «В 2017 г. по официальным данным 9600 несовершеннолетних стали объектами половых посягательств, из которых около 1800 детей в возрасте до 10 лет подверглись сексуальному насилию. Согласно имеющимся статистическим сведениям в 2017 г. следователями Следственного комитета Российской Федерации было возбуждено 13 551 уголовных дел о преступлениях, совершенных против половой неприкосновенности несовершеннолетних (из которых 7011 дел о насильственных преступлениях сексуальной направленности), что свидетельствует о тенденции роста сексуального насилия в отношении детей (в 2016 г. возбуждено 5 835 уголовных дела по фактам совершения сексуального насилия). Кроме того, согласно

официальной статистике в 2017 г. расследовано более 12 тыс. уголовных дел о половых посягательствах в отношении несовершеннолетних»¹¹⁹.

Еще раз отметим, что дифференциация уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в рамках ч. 3 ст. 133 УК РФ осуществлена лишь применительно к несовершеннолетним потерпевшим. При этом совершение такого преступления против взрослых потерпевших в какой-либо форме соучастия или с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» остается в сфере действия основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ. Заметим, что это преступление относится к категории небольшой тяжести, а максимальное наказание за него – 1 год лишения свободы. О важности закрепления указанных квалифицирующих признаков для случаев понуждения к действиям сексуального характера в отношении взрослых лиц, то есть достигших 18-ти лет, высказались 86,4 % опрошенных практикующих юристов, тогда как 13,6 % опрошенных не увидели такой необходимости, поддержав, по-видимому, действующий подход законодателя (см.: приложение 1).

Сложно объяснить причины, по которым законодатель включил в ч. 3 ст. 133 УК РФ вышеуказанные особо квалифицирующие признаки, проигнорировав при этом другие отягчающие обстоятельства, которые использованы для дифференциации ответственности за совершение иных половых преступлений. Впрочем, нарушение системности отягчающих обстоятельств гл. 18 УК РФ отмечалось и в прежней редакции ст. 133 УК РФ, на что уже обращалось внимание в доктрине: «В ст. 133 УК РФ ограничение касается ч. 2 – понуждение к действиям сексуального характера, совершённое в отношении несовершеннолетнего. Надо сказать, что законодатель допустил здесь некоторую непоследовательность, не выделив по аналогии со ст. ст. 131

¹¹⁹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних»: паспорт проекта федерального закона № 388776-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7> (дата обращения: 12.04.2022)

и 132 УК РФ в отдельный состав понуждение к действиям сексуального характера, совершённое в отношении лиц, не достигших 14-летнего возраста. Отмеченные нестыковки касаются прежде всего не столько содержательной части действующего уголовного законодательства, сколько качества отечественного законодательства»¹²⁰.

Статья 133 УК РФ в действующей редакции, равно как и в редакции предыдущей, не дифференцирует ответственность за понуждение взрослых лиц. В результате закон не позволяет учесть целый ряд обстоятельств, существенно повышающих общественную опасность преступления, в том числе при понуждении к действиям сексуального характера:

– в той или иной форме соучастия (в отношении лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста), хотя это обстоятельство, безусловно, усиливает деструктивное воздействие на потерпевшего¹²¹;

– в отношении нескольких потерпевших, в том числе связанных учебной, служебной или родственной сферой отношений (например, совершенные преподавателем в отношении нескольких студентов или подчиненных сотрудников), а также нескольких несовершеннолетних.

– в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

Не учитывает структура ст. 133 УК РФ и особую общественную опасность случаев *результативного понуждения* к действиям сексуального характера. По действующему законодательству виновный, который добился своей цели – вынужденного согласия на вступление с ним в половые отношения, подлежит наказанию *в тех же рамках*, что и лицо, которое лишь выдвинуло требования о совершении действий сексуального характера. Это явно не способствует пресечению таких фактов и тщательной их оценке. Подчеркнем, что результативное понуждение не является редкостью, а

¹²⁰ Гладких В. И. Некоторые проблемы уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 73.

¹²¹ Ображиев К. В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления // Законность. 2016. № 8 (982). С. 29-30.

наоборот – более распространено. Несмотря на то, что нарушение ч. 2 ст. 133 УК РФ наказуемо лишением свободы на срок до 5 лет, зачастую, игнорирование результативности понуждения даже несовершеннолетней позволяет судам оценивать содеянное так, что назначенное наказание равняется 1 году лишения свободы условно, а суд апелляционной инстанции снижает вовсе до 11 месяцев лишения свободы¹²².

Понуждение к действиям сексуального характера, хотя и посягает на половую свободу личности, не причиняет ей реального вреда, а ставит это правоохраняемое благо (общественные отношения в области половой жизни личности) под угрозу. В связи с чем содеянное и признается окончанным уже с момента выдвижения требования независимо от фактического воплощения в жизнь намерений преступника по удовлетворению собственных интересов, мотивированных: желанием удовлетворить свою половую потребность; желанием поиздеваться, продемонстрировать свое величие или вседозволенность, унижить честь и достоинство другого человека; намерением продемонстрировать «зависимость» потерпевшего от тех или иных благ (материальная, служебная и иная зависимость, желание потерпевшего обеспечить сохранность собственности и репутации).

Законодателем игнорируются те случаи, когда такие действия всё же приводят к фактическому выполнению воли виновного в полном объеме, то есть не только в получении вынужденного согласия на вступление в половые отношения, но реального воплощения этого. Именно в последнем случае, поставленной понуждением под угрозу половой свободе причиняется реальный вред – она нарушается, страдает как объект уголовно-правовой охраны. В частности, практические работники высказываются таким образом, что усматривают в результативном понуждении большую степень общественной опасности в сравнении с собственно понуждением (78 %), тогда как лишь пятая часть опрошенных указали на отсутствие разницы в

¹²² Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-6160/2020 от 03 дек. 2020 г. по делу № 1-16/2020 // Судакт. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/6hkR7eVOrAYC> (дата обращения: 02.04.2022).

общественной опасности по критерию результативности (19 %), а отдельные эксперты не усматривают в таком деянии общественной опасности вовсе (см.: приложение 1). Полагаем, что последнее объясняется тем, что, по мнению специалистов, общественная опасность результативного понуждения охватывается основным составом преступления.

Отражает обсуждаемую позицию складывающаяся практика. Приговором Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан Ш. М. был признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 133 УК РФ. Так, Ш.М. дважды понудил потерпевшую к совершению иных действий сексуального характера путем шантажа – угрозы распространения порочащих сведений. Причем оба раза в течение непродолжительного времени (одного дня) виновный всецело реализовал свой преступный умысел: он не ограничился высказыванием требования (понуждением), а два раза совершил действия сексуального характера с потерпевшей, изъявившей вынужденное согласие¹²³. Как видно, преступники часто достигают своей цели, что никак не отражается на строгости возможного к назначению наказания.

Очевидно, что фактическое совершение сексуальных действий в результате понуждения потерпевшего отличается повышенной опасностью в сравнении с нерезультативным понуждением и требует более строгой уголовной ответственности. Целесообразно установить квалифицирующий признак в виде совершения результативного понуждения к сексуальным действиям. Тем самым будет восполнен пробел уголовного закона, который не учитывает существенные различия в степени общественной опасности: собственно действий, направленных на получение вынужденного расположения к половым отношениям; тех же действий, но повлекших вынужденное исполнение воли виновного. При таком конструировании отягчающих признаков появится возможность для большего

¹²³ Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 28 янв. 2019 г. по делу № 1-33/2019 // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oKppG0tj4Eos> (дата обращения: 16.04.2022).

квалификационного маневра, то есть детального учета жизненных обстоятельств в рамках уголовно-правовой оценки содеянного.

Аналогичное положение учтено законодателем в норме, предусмотренной ст. 110¹ УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», а также в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, уточняющих содержание ст. 150 и ст. 151 УК РФ как результативного вовлечения несовершеннолетнего лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Кроме этого, предлагаемый подход уже реализован в отдельных правопорядках на постсоветском пространстве, в частности в уголовном законе Республики Узбекистан квалифицированный состав понуждения женщины к вступлению в половую связь (ст. 121 Уголовного кодекса Республики Узбекистан) предусматривает в качестве отягчающего уголовную ответственность обстоятельства: «То же действие, сопряженное с половым сношением или удовлетворением половой потребности в противоестественной форме»¹²⁴.

Таким образом, хотя рассмотренные новеллы (ч. 3 ст. 133 УК РФ) действительно позволили ужесточить уголовно-правовое противодействие посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних посредством понуждения их к даче вынужденного согласия на вступление в половые отношения, дифференциацию уголовной ответственности в рамках ст. 133 УК РФ в целом нельзя признать логичной и последовательной. В ней не предусмотрена повышенная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера лиц, достигших двенадцати, но не достигших четырнадцати лет.

Остается без внимания законодателя потребность в дифференциации уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста: не учитывается в основании ответственности ни форма соучастия, ни применение

¹²⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан // Национальной базы данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/111457> (дата обращения: 15.04.2022).

информационно-телекоммуникационной сети Интернет, ни результативность совершаемого понуждения. Как следствие, законодательная конструкция ст. 133 УК РФ требует дальнейшего совершенствования.

При этом видится малообоснованным в действующей системе уголовного закона включение в качестве отягчающего ответственность обстоятельства специального субъекта понуждения несовершеннолетнего (лицо, имеющее обязанность заботиться о ребенке). На таком предложении настаивают многие представители уголовно-правовой науки (К.В. Дядюн, А.В. Мотин, Н.Н. Коновалов, А.П. Дьяченко)¹²⁵. Как представляется, вполне достаточно учитывать совершение понуждения со стороны лица, обязанного заботиться о ребенке, в рамках индивидуализации наказания, что позволяет сделать отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В частности, речь идет о следующих обстоятельствах: «совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего (несовершеннолетней), либо лицом, проживающим совместно с несовершеннолетним (несовершеннолетней), либо педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней), либо иным лицом, осуществляющим трудовую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних».

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к следующим выводам.

¹²⁵ Дядюн К. В. Указ. соч. С. 63; Мотин А. В. Указ. соч. С. 188; Коновалов Н. Н. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 218; Дьяченко А. П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений. М., 1995. С. 48.

1. Дифференциация уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера осуществлена лишь применительно к несовершеннолетним потерпевшим (ч. 2 ст. 133 УК РФ). Все особо квалифицирующие признаки, закрепленные в ч. 3 ст. 133 УК РФ, распространяются только на случаи понуждения несовершеннолетнего (несовершеннолетних). Уголовная ответственность за понуждение взрослого лица к действиям сексуального характера не дифференцирована, хотя необходимые основания для этого имеются.

2. С учетом постулатов уголовно-правового учения о преступлениях против несовершеннолетних и апробированных законодательных подходов теоретически обоснована необходимость законодательного учета возраста потерпевшего при регламентации возрастных признаков субъекта преступления, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 133 УК РФ. Необходимо исключить возможность привлечения к ответственности по ч. 2 и 3 ст. 133 УК несовершеннолетнего лица, который понудил к действиям сексуального характера своего сверстника или более старшего подростка. Для этого в ст. 133 УК РФ следует предусмотреть возрастные особенности субъекта преступления: а) в ч. 2 ст. 133 УК РФ (понуждения к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего лица) указать, что преступление может быть совершено только лицом, достигшим восемнадцати лет; б) при формулировании состава понуждения к действиям сексуального характера в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста, учесть, что преступление может быть совершено лицом, достигшим шестнадцати лет.

3. Дифференциация уголовной ответственности имеет существенное правовое значение, потому что «автоматически» включается в систему действующего уголовного закона и одним только ужесточением санкции в квалифицированном и особо квалифицированном составе понуждения серьезным образом усиливает уголовно-правовое противодействие этим проявлениям. Так, по результатам дополнения ст. 133 второй частью стало

возможным отнести понуждение в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) к категории средней тяжести (ст. 15 УК РФ). Это, в свою очередь, не только повысило виды и размеры уголовного наказания в рамках санкции, но и увеличило срок давности привлечения к уголовной ответственности. В итоге максимально возможный к назначению срок лишения свободы за понуждение в отношении несовершеннолетних возрос в 5 раз, а срок привлечения к уголовной ответственности по данному основанию увеличен в 3 раза: с двух до шести лет.

4. Санкция особо квалифицированных составов понуждения сделала возможным отнесение данного посягательства на половую свободу и неприкосновенность несовершеннолетних к категории тяжких преступлений. Здесь юридически невозможно применение целого ряда норм, стимулирующих ранее позитивное уголовно-правовое поведение лиц, понуждающих несовершеннолетних к сексуальным действиям. Исключается применение норм об освобождении от уголовной ответственности, где ключевым условием признается отнесение совершенного преступления к категориям небольшой или средней тяжести (ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим», 76² УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»). Тогда как освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности по ст. 78 УК РФ является теперь затруднительным, потому что требует истечения уже не 6 лет, а 10 лет с момента совершения преступления. Всё это обеспечило те цели, которые были поставлены федеральным законодателем – ужесточение уголовной ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Обоснована потребность в дифференциации уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в зависимости от его результативности. Статья 133 УК РФ в действующей редакции не

предусматривает ответственность за фактическое совершение действий сексуального характера с потерпевшим, в отношении которого совершено понуждение, игнорирует повышенную общественную опасность результативного понуждения, которая существенно возрастает за счет причинения реального вреда половой свободе и половой неприкосновенности личности. Исходя из этого предлагается предусмотреть результативное понуждение к сексуальным действиям в качестве отягчающего уголовную ответственность признака.

Таким образом, новая редакция ст. 133 УК РФ с учетом доктринальных изысканий и системного анализа уголовного закона в части дифференциации уголовной ответственности может выглядеть следующим образом:

«2. То же деяние, совершенное:

а) в отношении двух или более лиц;

б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", –

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, если оно:

а) повлекло совершение действий сексуального характера при вынужденном согласии потерпевшего (потерпевшей);

б) совершено в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, –

наказывается лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до восьми лет или без такового.

*4. Деяние, предусмотренное пунктом «а» части третьей настоящей статьи, если оно совершено в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, –
наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового.*

*5. Деяние, предусмотренное частями первой - четвертой настоящей статьи, совершенное в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста, –
наказывается лишением свободы на срок от четырех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового.*

*6. Деяние, предусмотренное пунктом «б» части третьей, а также четвертой и пятой частью настоящей статьи, совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (несовершеннолетней), –
наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового.*

ГЛАВА 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПОНУЖДЕНИЯ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

3.1. Проблемы квалификации понуждения к действиям сексуального характера

Правильная квалификация понуждения к действиям сексуального характера требует, прежде всего, точного соответствия фактических отношений смыслу и содержанию уголовно-правовой нормы. При этом выбор применимой нормы зачастую сопровождается серьезными сложностями как в отношении определения конкретного способа понуждения (то есть выбора внутри статьи подходящего сочетания признаков), так и в отношении разграничения с другими преступлениями, например, составляющими способ понуждения. Отдельного внимания требует и понимание того, когда понуждение к действиям сексуального характера образует совокупность преступлений в противовес продолжаемому понуждению и наоборот.

Эти и многие другие аспекты уголовно-правовой квалификации представляют не только глубокую теоретическую значимость, но и крайне важное прикладное значение для субъектов уголовного судопроизводства. «Квалификация, – как справедливо указывает Н.И. Пикуров, – соединяет состав (абстрактную юридическую модель) с признаками конкретного преступления. Ее итоговый вывод заключается в утверждении, что в совершенном лицом деянии содержится состав определенного преступления»¹²⁶.

«Корректная квалификация преступления, – пишет В.Н. Климкин, – демонстрирует законодателю достигнутый уровень правоприменительной эффективности ранее разработанных и действующих в настоящий момент уголовно-правовых норм. Кроме того, тенденции, выявленные в вопросах

¹²⁶ Квалификация преступлений: учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, доц. К.В. Ображиева, д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 11.

квалификации, могут стать материалом и стимулом для изменений и дополнений законодательства»¹²⁷.

Проведем анализ тех вопросов, которые имеют место в теории и практике применения законоположений, закрепленных в ст. 133 УК РФ, в их нормативном единстве с положениями Общей и Особенной частей УК РФ. Для начала обратим внимание на то, что в науке уголовного права до сих пор остается открытым вопрос об адресате того воздействия, которое выражается способами понуждения. Иными словами, к кому может быть обращена, например, угроза уничтожением имущества при понуждении конкретного лица к действиям сексуального характера?

Традиционно в научных изысканиях диалектически можно выявить оба подхода:

– угрозы могут быть высказаны как в отношении лица, которого понуждают к действиям сексуального характера, так и в отношении близких ему лиц¹²⁸;

– способы деяния не могут быть обращены к иным лицам, кроме принуждаемого¹²⁹.

Оценивая приведенный нами пример в рамках социологического исследования (например, понуждая девушку к сексуальным действиям, виновный угрожает ее родителям уничтожением их дома), опрошенные практикующие юристы заняли различные позиции, однако 74,3 % согласились с тем, что подобное поведение подлежит оценке по ст. 133 УК РФ в качестве понуждения к действиям сексуального характера под угрозой уничтожения

¹²⁷ Климкин В. Н. Насильственные действия сексуального характера в уголовном законодательстве России (актуальные проблемы квалификации) // Вестник Академии права и управления. 2021. №1 (62). С. 36-37.

¹²⁸ Комментарий к статье 133 (автор комментария – Есаков Г.А.) // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021 // СПС «КонсультантПлюс». Любопытным здесь видится и комментарий А.Г. Безверхова о том, что при шантаже в составе понуждения может иметь место угроза разглашения (и требующее обособленной оценки последующее разглашение) разоблачительных сведений не только о понуждаемом лице, но и об его близких (см.: Безверхов А. Г. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. 2014. № 5. С. 20).

¹²⁹ Борисова О. В. Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера // Уголовное право. 2014. № 5. С. 27.

имущества. Против выступили 25,7 %, то есть четверть опрошенных, что оправдывается известной условностью примера и недостатками высказывания абстрактной позиции (см.: приложение 1). Так, могут возникнуть споры в отношении того, насколько близкие отношения между девушкой и родителями для такой квалификации должны быть, что может быть сведено к тому, что в случае личной неприязни между ними, угроза в отношении родительского имущества не окажет реального воздействия на жертву. Вместе с тем нельзя забывать, что состав данного преступления сконструирован как формальный, то есть является оконченным с момента выражения требования, подкрепленного угрозой, названной в ч. 1 ст. 133 УК РФ.

Поддержать последнюю позицию об юридической ничтожности применения способов в отношении иных лиц, например, близких для потерпевшего, мы не можем: считаем ее результатом узкого толкования уголовно-правовой нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 133 УК РФ. По нашему мнению, которое концептуально совпадает с первым подходом (Г.А. Есаков, А.Г. Безверхов и др.), способы понуждения могут быть обращены как к самой жертве, так и к иным лицам, если таким образом оказывается воздействие на потерпевшего (потерпевшую). Например, шантаж о разглашении сведений, позорящих ребенка понуждаемого лица, или угроза уничтожения имущества родителей потерпевшего. К слову, Д.А. Гнилицкая в диссертационном исследовании придерживается аналогичного мнения и предлагает авторскую редакцию ч. 1 ст. 133 УК РФ, диспозиция которой содержит слова, указывающие на то, что способ понуждения может быть применен: «в отношении потерпевшего лица и (или) его близких»¹³⁰.

Практике известны соответствующие примеры. Так, приговором Боровского районного суда Калужской области В. был осужден за квалифицированное понуждение (в отношении несовершеннолетней), поскольку, достоверно зная, что А. не достигла совершеннолетия, понуждал

¹³⁰ Гнилицкая Д. А. Уголовно-правовые и социокриминологические аспекты ответственности за понуждение женщины к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 11.

ее совершить с ним половой акт и иные действия сексуального характера, угрожая в противном случае уничтожить имущество ее матери Б. путем поджога ее квартиры и автомашины, что А. восприняла реально, опасаясь осуществления данной угрозы¹³¹.

Следовательно, мы не видим законодательных препятствий для того, чтобы действующая редакция ч. 1 ст. 133 УК РФ бы не позволила обеспечить уголовно-правовую охрану половой свободы личности в случаях обращения способа понуждения к иному лицу. Отсюда применение в отношении одного лица способов, описанных в ч. 1 ст. 133 УК РФ, в целях понуждения третьего лица к действиям сексуального характера.

Заметим также то, что, учитывая особенности объективной стороны ст. 133 УК РФ, в случае, когда понуждение совершается с использованием материальной или иной зависимости, не подлежит учету предусмотренное п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельство, отягчающее наказание: «совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного». В противном случае признак зависимости от виновного будет учтен дважды, что противоречит требованиям уголовного законодательства (ч. 2 ст. 63 УК РФ).

Далее, следует рассмотреть важность правильного выбора способа совершения понуждения, а также необходимость или избыточность квалификации этого способа по совокупности с иными преступлениями. Отметим, что в материалах судебной практики можно найти правовую позицию судей, рассматривающих шантаж в качестве иной зависимости. Иными словами, при фактическом наличии шантажа, во вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда отражена квалификация по

¹³¹ Приговор Боровского районного суда Калужской области от 25.02.2013 по делу № 1-29/2013 // Судакт. URL : <https://sudact.ru> (дата обращения: 29.03.2022)

двум способам понуждения (шантаж, а также использование иной зависимости).

В частности, в обвинительном приговоре от 27 января 2022 года по ч. 1 ст. 133, ч. 1 ст. 163 УК РФ районный суд указал следующее: В связи с этим, на почве возникших неприязненных отношений, последний, с *использованием* иной зависимости Т., путём шантажа распространения фотографий, порочащих его честь и достоинство, стал неоднократно понуждать последнего, а также его супругу Н. «к совместному половому сношению и совершению иных действий сексуального характера»¹³².

В данном случае судебная инстанция признала в качестве использования иной зависимости для понуждения к действиям сексуального характера то обстоятельство, что сначала виновный и потерпевший познакомились, совершили действия сексуального характера по обоюдному согласию, запечатленные на фотографиях, сделанные виновным. Затем будущий потерпевший от понуждения – отказался от добровольного вступления в половые отношения снова, с чем не был согласен виновный. Последний стал понуждать потерпевшего к совершению действий сексуального характера путем угрозы распространения указанных фотографий, что было недопустимо для потерпевшего.

Такую модель отношений суд признал использованием иной зависимости, что, со всей очевидностью, является спорным суждением, потому что установленные судом фактические обстоятельства всецело охватываются способом шантажа и оценке по признаку использования иной зависимости не подлежат. Коль скоро данные способы разведены в диспозиции нормы о понуждении, то и их правоприменительное смешение следует оценить отрицательно: наличие соответствующих фотографий у виновного не образует зависимости от него.

¹³² Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 27 янв. 2022 г. // Официальный сайт суда. URL : <https://hasavjurt-gs--dag.sudrf.ru> (дата обращения: 29.03.2022)

Имеет место в судебной практике и не только смешение различных способов понуждения, но и их произвольная трактовка. Например, Краснодарский краевой суд, соглашаясь с квалификацией, данной судом первой инстанции, указал: «Из обстоятельств инкриминируемых Ф.И.О.1 действий следует, что он, будучи сотрудником полиции, при исполнении своих должностных обязанностей, находясь в командировке с табельным оружием в г. Анапе с целью охраны правопорядка и общественной безопасности в период летнего курортного сезона, в ночное время на пляже, путем шантажа (под угрозой административного задержания и привлечения к административной ответственности), совместно с другим сотрудником полиции, понудил к половому сношению несовершеннолетнюю»¹³³.

Шантаж в смысле, который ему был придан правоохранными органами в описанном выше случае, не поставлен судом под сомнение. Однако, как представляется, угрозу административного задержания и привлечения к административной ответственности нельзя расценивать в качестве шантажа. Напомним, что шантаж по объему понятия ограничивается вариантами распространения какой-либо порочащей информации. Угроза же применения должностным лицом своих служебных полномочий в отсутствие соответствующих оснований для достижения личных целей, выражающихся в понуждении несовершеннолетней к совершению действий сексуального характера (угроза административного задержания или привлечения к административной ответственности) подлежит уголовно-правовой оценке в качестве преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 133 УК РФ, но не по признаку шантажа, а по признаку иной зависимости, в частности, зависимости гражданина от представителя власти в силу закона (данный подход находит поддержку в специальной литературе¹³⁴).

Вместе с тем содеянное, очевидно, не исчерпывается одним только преступлением против половой свободы и неприкосновенности

¹³³ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 09 сент. 2019 г. по делу № 22К-6292/2019 // Официальный сайт суда. URL : <https://kraevoi--krd.sudrf.ru> (дата обращения: 12.02.2022)

¹³⁴ Мотин А. В. Указ соч. С. 69.

несовершеннолетней, а требует дополнительной квалификации в качестве должностного преступления по ст. 286 УК РФ.

В этой связи следует подчеркнуть, что при квалификации понуждения к действиям сексуального характера нужно одновременно обеспечивать:

- точность квалификации по конкретному альтернативному признаку способа понуждения;
- полноту оценки содеянного, учитывая, что одно деяние может образовывать идеальную совокупность.

Применительно к уголовно-правовой оценке понуждения к действиям сексуального характера, совершаемого должностным лицом с использованием своих полномочий, стоит обратить внимание на следующее. Всё ещё остается спорной квалификация совершенного должностным лицом изнасилования по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 131 и ст. 286 УК РФ. В качестве основного критерия для окончательного вывода нередко используют только степень общественной опасности. Иными словами, для разрешения вопроса квалификации применяют распространенный прием: сравнивают санкции для заключения о том, охватывается одно преступление другим или нет.

Такой подход, в частности, продемонстрирован В.Н. Борковым для анализа соотношения превышения должностных полномочий с некоторыми половыми преступлениями, в том числе, изнасилованием и понуждением к действиям сексуального характера. По мнению ученого, при совершении должностным лицом изнасилования требуется квалификация по совокупности, но при совершении должностным лицом понуждения к действиям сексуального характера в отношении подчиненного сотрудника, содеянное достаточно оценить по ст. 133 УК РФ, потому что служебная зависимость действительно охватывается данной нормой¹³⁵.

¹³⁵ См., например: Борков В. Н. Актуальные проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. 2016. № 4. С. 6-7.

Между тем при таких рассуждениях игнорируется необходимость уголовно-правовой оценки случаев, где должностное лицо, как в приведенном выше примере из судебной-следственной практики, понуждает к действиям сексуального характера не состоящее в служебной подчиненности лицо. Две трети (67,5 %) опрошенных нами правоприменителей высказались против того, что ст. 133 УК РФ полностью охватывает понуждение к действиям сексуального характера, совершенное должностным лицом с использованием должностных полномочий, и не нуждается в дополнительной квалификации (см.: приложение 1).

На наш взгляд, такие случаи, действительно должны подлежать квалификации по совокупности должностного и полового преступлений. Если бы законодатель включил в ст. 133 УК РФ квалифицирующий признак «с использованием служебного положения», то содеянное следовало расценивать как единичное преступление. Однако при дифференциации уголовной ответственности этот признак не использован, что требует совокупной квалификации.

Следует учитывать и положения Общей части УК РФ, где повышенная общественная опасность рассматриваемого проявления понуждения также находит свое отражение. В качестве обстоятельств, отягчающих уголовное наказание, законодатель предусмотрел целый ряд релевантных рассматриваемому вопросу признаков, в том числе: п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора); п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти); п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел). Заметим, что во всех перечисленных случаях, учитывается только сам факт (действительного или предполагаемого) отнесения субъекта преступления к группе представителей власти, сотрудников органов внутренних дел и иных должностных лиц.

Упускается то обстоятельство, что виновный не просто принадлежит, например, к числу представителей власти, но применяет свои должностные полномочия или использует служебное положение (угрожает этим) для подавления несогласия на совершение действий сексуального характера или формирования вынужденного согласия. Квалификация деяния только в качестве полового преступления будет являться неполной. Полная и адекватная уголовно-правовая оценка содеянного может быть обеспечена только при условии совокупной квалификации – понуждение к действиям сексуального характера путем использования иной зависимости (зависимости от представителя власти) и должностного преступлений (злоупотребления или превышения должностных полномочий в зависимости от конкретных фактических обстоятельств).

Общественно опасные последствия, выходящие за рамки состава понуждения к действиям сексуального характера, могут наступить и при использовании иных способов понуждения. В зависимости от конкретных жизненных обстоятельств реализованный способ понуждения может подпадать под признаки ряда составов преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина. В том числе, речь идет о преступлениях, предусмотренных ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», ст. 140 УК РФ «Отказ в предоставлении гражданину информации», ст. 144 УК РФ «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов», ст. 144¹ УК РФ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста», ст. 145 УК РФ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет»,

ст. 145¹ УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» и др.

Фактическое исполнение угроз, как обоснованно указывает большинство ученых, подлежит дополнительной уголовно-правовой оценке, потому что иные деяния не охватываются составом понуждения, который обеспечивает охрану половой свободы и неприкосновенности¹³⁶. Например, виновный был привлечен к ответственности за умышленное уничтожение чужого имущества и повреждение официального документа для понуждения к половому сношению, а именно за совершение совокупности преступлений, предусмотренных ст. 133, ч.1 ст. 167 и ч.1 ст. 325 УК РФ¹³⁷.

Нередки случаи в практике, когда виновный понуждает к действиям сексуального характера, шантажируя потерпевшего, а затем вымогает у него денежные средства. Такой случай известен из приговора от 27 января 2022 г.: Он же, не добившись от Т. и А. согласия на вступления с ним в половую связь, стал вымогать у Т. денежные средства в размере 100 000 рублей, угрожая разослать посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» вышеуказанные фотографии порочащих честь и достоинство Т. и А. Позже Т. обратился с заявлением в отдел МВД России по <адрес> и в тот же день в 23 часа, на ул. <адрес>, после получения денежных средств в размере 100 000 рублей от Т., сотрудниками ОМВД России по <адрес> с поличным на месте задержан Ф. Ш.Н., которые он намеревался потратить по своему усмотрению. В ходе личного досмотра Б., в кармане надетых на нём брюк, обнаружены денежные средства в размере 100 000 рублей, ранее врученные Т.¹³⁸. Содеянное обоснованно было квалифицировано по совокупности преступлений против половой свободы и собственности, предусмотренные ч. 1 ст. 133 УК РФ и ч. 1 ст. 163 УК РФ.

¹³⁶ Попов А. Н. Указ. соч. С. 76.

¹³⁷ Приговор мирового судьи судебного участка № 25 г. Избербаша Республики Дагестан от 25 мая 2011 г. // Судакт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.11.2021)

¹³⁸ Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 27 янв. 2022 г. // Хасавюртовский городской суд : официальный сайт. URL : <https://hasavjurt-gs--dag.sudrf.ru/> (дата обращения: 28.03.2022)

Исполнение иных угроз-способов понуждения, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ, также не может остаться без уголовно-правовой реакции, поскольку понуждение не охватывает своим составом их совершение. Помимо указанного выше, следует заметить, что реализация шантажа может повлечь правовую оценку содеянного по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни», а также ст. 128¹ УК РФ «Клевета», ст. 155 УК РФ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)».

Самостоятельного анализа заслуживают особенности квалификации результативного понуждения к действиям сексуального характера в отношении лиц различной возрастной категории. Рассматривая дифференциацию уголовной ответственности за исследуемое преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ, мы отмечали, что с точки зрения *de lege lata* уголовно-правовая оценка результативного понуждения по основному составу преступления исчерпывается квалификацией по ч. 1 ст. 133 УК РФ. Это вытекает из того, что в уголовном законе не имеется специальных запретов на половое сношение с совершеннолетним человеком мужского или женского пола в отсутствие применения физического насилия или угрозы его применения, использования беспомощного состояния.

Если же потерпевшим от результативного понуждения к действиям сексуального характера выступает лицо, не достигшее 16-летнего возраста, то квалификация содеянного представляется не столь очевидной. Надо признать, что квалификация результативного понуждения к действиям сексуального характера лиц, не достигших 16-летнего возраста, до настоящего времени не получила общепринятого решения.

Многие ученые настаивают на том, что фактическое выполнение действий, к которым понуждается ребенок до 16 лет, содержит признаки состава преступления, запрещенного ч. 1 ст. 134 или ч. 1 ст. 135 УК РФ¹³⁹. Соответствующие рекомендации предложены в комментариях к уголовному

¹³⁹ Изотова, М., Островецкая Ю. Указ. соч. С. 18.

закону под ред. А.И. Рарога, Г.А. Есакова и др. С точки зрения изложенного подхода, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 133 и ч. 1 ст. 134 (или ч. 1 ст. 135) УК РФ.

Впрочем, встречаются и иные оценки результативного понуждения к действиям сексуального характера. Например, А.Н. Попов указывает, что достижение результата виновным охватывается составом понуждения, хотя и не является его обязательным признаком¹⁴⁰.

Чтобы правильно разрешить эту квалификационную задачу, необходимо учитывать, что понуждение сопровождается насильственным психологическим воздействием на другого человека для формирования вынужденного согласия на вступление в половую связь, для подавления несогласия потерпевшего. На этом основании понуждение к действиям сексуального характера отнесено нами к группе насильственных половых преступлений. Физическое насилие или угроза им в составах преступлений, предусмотренных ст. 131 и ст. 132 УК РФ, и психическое насилие в составе преступления, предусмотренном ст. 133 УК РФ, направлены на достижение идентичной цели, состоящей в получении вынужденного согласия или подавления несогласия на вступление в половые отношения (совершение действий сексуального характера). В этом заключается принципиальное отличие понуждения к действиям сексуального характера от ненасильственных половых преступлений (ст. 134 и ст. 135 УК РФ), которые предполагают добровольность половых отношений. Обращая внимание на это обстоятельство, специалисты подчеркивают отсутствие в объективной стороне преступлений, предусмотренных ст. 134 и ст. 135 УК РФ, признаков насилия, «направленного на совершение действий сексуального характера помимо или вопреки воле потерпевшего»¹⁴¹. Как справедливо отмечает В.П. Коняхин, комментируя ст. 135 УК РФ, «в случае применения насилия

¹⁴⁰ Попов А. Н. Указ. соч. С. 76.

¹⁴¹ Цэнгэл С. Д. Указ соч. С. 179; Котельникова О.А., Загорьян С.Г., Стешич Е.С. Некоторые проблемные вопросы квалификации развратных действий (ст. 135 УК РФ) // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 4 (99). С. 68-71.

содеянное в зависимости от его интенсивности и конкретных обстоятельств дела оценивается как иное половое преступление (ст.ст. 132, 133 УК)»¹⁴².

Преступления, предусмотренные ст. 134 и 135 УК РФ, совершаются без насилия со стороны взрослого лица. А потому совершение сексуальных действий, выполненных в результате психического насилия (по причине понуждения), нельзя квалифицировать по ст. 134 или 135 УК РФ.

Квалификация результативного понуждения ребенка к действиям сексуального характера исключительно в качестве преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, отвечает и характеру, и степени общественной опасности понуждения. К такому выводу приводит сравнительный анализ санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за половые преступления: понуждение несовершеннолетнего (несовершеннолетней) к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера наказывается лишением свободы на срок *до 5 лет* (ч. 2 ст. 133 Уголовного кодекса РФ); половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, наказывается лишением свободы на срок *до 4 лет* (ч. 1 ст. 134 УК РФ); мужеложство или лесбиянство с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, наказываются лишением свободы на срок *до 6 лет* (ч. 2 ст. 134 УК РФ); совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, наказывается лишением свободы на срок *до 3 лет* (ч. 1 ст. 135 УК РФ).

Законодатель рассматривает данные посягательства не только как сопоставимые, но и указывает на большую общественную опасность понуждения к действиям сексуального характера в сравнении с добровольным фактическим осуществлением этих действий. Это подтверждает избыточность

¹⁴² Коняхин В. П. Развратные действия. 2008. № 12. С. 17.

квалификации последствий понуждения по совокупности с преступлениями, предусмотренными ч. 1 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК РФ. При этом мы не видим оснований для придания определяющего значения разнице в санкциях. В противном случае возникнет абсурдная ситуация: результативное понуждение к мужеложству или лесбиянству требовалось бы квалифицировать по совокупности, а результативное понуждение к половому сношению – только по ст. 133 УК РФ, что видится несправедливым и некорректным. Как следствие, нет достаточных правовых оснований для разнонаправленной квалификации указанных действий в случае результативного понуждения к ним. При этом повышенная общественная опасность понуждения по признаку результативности должна служить основанием для дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 133 УК РФ, что требует конструирования соответствующего квалифицирующего признака.

Примечательно, что однозначного ответа нам не дали и правоприменители, участвовавшие в опросе в рамках настоящего исследования. Так, о потребности в дополнительной квалификации по ст. 134 или ст. 135 УК РФ результативного понуждения к действиям сексуального характера в отношении лица, не достигшего 16 лет: положительно ответили 37,1 % экспертов, отрицательно – 43,9 %, затруднились вовсе ответить на вопрос 19 % (см.: приложение 1).

С учетом вышеизложенного, необходимо констатировать, что результативное понуждение потерпевшего, не достигшего 16 лет, к действиям сексуального характера не требует дополнительной квалификации по ст. 134 или ст. 135 УК РФ, поскольку согласие на совершение действий сексуального характера, полученное в результате понуждения, является вынужденным, а не добровольным.

Совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 ст. 133 и ст. 134 (135) УК РФ, возможна лишь при условии их совершения различными самостоятельными действиями (реальная совокупность). Так, например, определением судебной коллегии по уголовным делам Свердловского

областного суда оставлен без изменения приговор Краснотурьинского городского суда, согласно которому К. признан виновным в понуждении своей младшей сестры Ю. 1990 г.р. в период с июня 2005 по январь 2006 г. к совершению полового сношения путем шантажа, угрозы уничтожением и повреждением имущества, с использованием иной зависимости потерпевшей, а также в совершении в этот же период времени развратных действий в отношении Ю., 1990 г.р., - лица, заведомо для виновного не достигшего шестнадцатилетнего возраста. На основании исследованных доказательств суд пришел к обоснованному выводу о виновности К. в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 133, 135 УК РФ¹⁴³. Вместе с тем сведений о том, что развратные действия явились результатом понуждения, здесь не имеется.

Следует подчеркнуть, что результативное понуждение к действиям сексуального характера, совершенное в отношении лица, не достигшего 12 лет, образует состав изнасилования (ст. 131 УК РФ) или насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ). В силу примечания к ст. 131 УК РФ «к преступлениям, предусмотренным пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, а также пунктом «б» части четвертой статьи 132 настоящего Кодекса, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями третьей – пятой статьи 134 и частями второй – четвертой статьи 135 настоящего Кодекса, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий».

Необходимо уделить внимание разграничению понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) и вовлечения в занятие проституцией или принуждения к продолжению занятия проституцией (ст. 240 УК РФ). Потребность в разграничении этих преступлений предопределяется

¹⁴³ Кассационное определение от 23 мая 2007 г. по делу № 22-4759/2007 // URL : http://www.ekbobsud.ru/show_doc.php?id=21697 (дата обращения: 23.09.2021)

определенным сходством их объективных признаков. Дело в том, что для вовлечения в занятие проституцией, равно как и для принуждения к продолжению занятия проституцией могут использоваться те же способы, которые указаны в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ, например, шантаж. В подобных случаях и возникает необходимость разграничения рассматриваемых преступлений.

Разграничивая преступления, предусмотренные ст. 133 и 240 УК РФ, необходимо учитывать различия в характере действий, к совершению которых принуждается потерпевший. Проституция предполагает вступление в половую связь с другими лицами за плату. Что же касается действий сексуального характера, к которым понуждается потерпевший при совершении предусмотренного ст. 133 УК РФ преступления, то они не предполагают оплаты. Кроме того, лицо, совершающее преступление, предусмотренного ст. 133 УК РФ, в большинстве случаев понуждает потерпевшего вступить в сексуальные отношения с самим виновным (по крайней мере, в ходе анализа правоприменительной практики факты понуждения к сексуальным действиям с другими лицами не выявлены), тогда как преступление, предусмотренное ст. 240 УК РФ, вынуждает потерпевшего «обслуживать» третьих лиц.

Трудно согласиться с квалификационной рекомендацией, предложенной И. Алихаджиевой: «Понуждение как менее опасная разновидность психического воздействия поглощается принуждением к продолжению занятия проституцией при условии совершения понудительных действий по завершении принудительных без существенного разрыва во времени между ними на условиях платности сексуальной услуги»¹⁴⁴. Подобное преступное поведение подлежит оценке по совокупности преступлений, поскольку принуждение к продолжению занятия проституцией в описанном случае не охватывает понуждение к действиям сексуального характера.

¹⁴⁴ Алихаджиева И. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и вовлечение в занятие проституцией: возможна ли квалификация по совокупности? // Уголовное право. 2014. № 5. С. 8.

При уголовно-правовой оценке понуждения к действиям сексуального характера нередко возникает сложность разграничения совокупности преступлений и продолжаемого преступления, ведь, как показывает практика, виновный довольно часто не останавливается после совершения первого понуждения, повторяя свои преступные деяния. Здесь требуется правильное понимание того, когда содеянное образует совокупность преступлений в виде понуждения, а когда – единое продолжаемое преступление.

Прежде всего, множественность преступлений не должна ставиться в зависимость от количества половых актов или иных действий сексуального характера (как до, так и после выражения требования для получения вынужденного согласия на совершение действий сексуального характера). Эта позиция основана на особенностях конструкции состава понуждения. В отличие от других половых преступлений, осуществление действий сексуального характера (половое сношение, мужеложство, лесбиянство и др.) находится за рамками состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ. В составах преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, момент юридического окончания посягательства связан с моментом начала выполнения сексуального действия, например, полового сношения или других действий сексуального характера. Что же касается понуждения к действиям сексуального характера, то это преступление признается оконченным уже с момента высказывания требования с конкретным способом для совершения действий сексуального характера. Последние могут быть даже не начаты, но деяние будет признано состоявшимся, преступление – совершенным. В этой связи количество действий сексуального характера, совершенных в результате понуждения, на квалификацию не влияет.

Такой подход позволит исключить возможную аналогию в построениях конструкции продолжаемого понуждения по образцу продолжаемого изнасилования, признаваемого единым преступлением, среди прочего и тогда, когда виновный применяет насилие единожды, но после этого в течение

некоторого времени совершает два и более половых сношения¹⁴⁵.

При этом, как правильно указывают в специальной литературе, при совершении преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, виновный ограничивается единичным половым сношением, мужеложством, лесбиянством или иным действием сексуального характера¹⁴⁶. Последующие сексуальные действия совершаются либо добровольно, либо в результате очередного понуждения. Как следствие, будет иметь место совокупность понуждений к действиям сексуального характера.

Единое продолжаемое преступление возможно при совершении ряда тождественных действий (способов понуждения), объединенных единым умыслом и направленных на общую цель – получение согласия на конкретные сексуальные действия.

Отражает приведенный подход следующий пример из правоприменительной практики.

«М. дважды совершил понуждение лица к совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, при следующих обстоятельствах:

...Видя, что там кроме Л. нет других лиц, М. сначала предложил ей заняться с ним сексом в обычной форме, а когда та заявила, что она девственница, та предложил совершить иные действия сексуального характера – орального секса.

Когда Л. отказалась, М., с целью реализации своего прямого преступного умысла, направленного на удовлетворение своей половой потребности, путем понуждения к совершению действий сексуального характера – орального секса, путем шантажа, то есть с угрозами, что данная квартира у них на учете, как притон, где собираются женщины легкого поведения, что он сфотографировал её и разместит в сети Интернет всю информацию, и о ней узнает весь город, тем самым воздействуя на волю Л. путем шантажа добился её согласия на совершение с ним иных действий

¹⁴⁵ Краев Д. Ю. Основные признаки продолжаемого преступления // Законность. 2021. № 4. С. 49.

¹⁴⁶ Алихаджиева И. Указ. соч. С. 9.

сексуального характера – орального секса.

Он же, М. ДД.ММ.ГГГГ, примерно в 15 часов, вместе с ожидавшим его на улице Г., на автомобиле марки ВАЗ 2107 с государственным регистрационным знаком "Н №" под управлением последнего, обманным путем, под видом того, что отвезет Л. до гастронома «Простор», расположенного по <адрес>, куда просила отвезти сама Л., вывезли последнюю в местность "Аркабаш".

Примерно в 15 часов 20 минут ДД.ММ.ГГГГ, М., находясь в лесу, в местности «Аркабаш», <адрес>, путем шантажа, демонстрируя на своем телефоне видеозапись, где Л. занималась с ним оральным сексом, произведенную им накануне, в <адрес>, угрожая, что в случае отказа он распространит данную запись среди знакомых и разместит в сети Интернет, тем самым воздействуя на её волю с целью добиться её согласия, путем шантажа, понудил Л. к совершению иных действий сексуального характера – орального секса»¹⁴⁷.

Таким образом, виновный совершил юридически тождественные преступные действия (результативное понуждение к иным действиям сексуального характера), в отношении одной и той же потерпевшей, в один и тот же день, аналогичным способом (шантаж – угроза распространения порочащих сведений). Тем не менее следствие и суд не признали содеянное продолжаемым преступлением, поскольку виновный совершил повторное понуждение к действиям сексуального характера с новым умыслом. У него изначально не было намерения совершить несколько понуждений к иным действиям сексуального характера, в связи с чем его действия обосновано квалифицированы как совокупность двух преступлений.

В отсутствие единого умысла на неоднократное понуждение к действиям сексуального характера содеянное не может расцениваться как продолжаемое преступление, даже несмотря на небольшие временные

¹⁴⁷ Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 28 янв. 2019 г. по делу № 1-33/2019 // Судакт. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/oKppGOtj4Eos> (дата обращения: 16.04.2022)

промежутки между преступными деяниями. Например, виновный высказал угрозу уничтожением имущества (скажем, поджечь дом), из-за чего смог получить вынужденное согласие на половое сношение, после чего вновь понудил потерпевшего, но уже к иным действиям сексуального характера, применяя ту же угрозу поджогом дома. Здесь имеет место совокупность преступлений, несмотря на идентичность способа и отсутствие временного разрыва, поскольку первое и второе понуждение не объединены единым умыслом и общей целью¹⁴⁸.

Кроме этого, исключает продолжаемое преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ, и факт результативности понуждения, потому что цель в таком случае является достигнутой. Последующие даже тождественные действия по понуждению не могут быть направлены на достижение уже состоявшейся цели, поэтому будут образовывать очередной состав понуждения. Правоприменители демонстрируют приверженность именно такому подходу. Так, приговором Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга был осужден брат потерпевшей, который осуществлял ряд понуждений своей несовершеннолетней сестры к действиям сексуального характера, будучи при этом ее опекуном. Несколько понуждений совершены в небольшой промежуток времени (некоторые совершены в один день), причем каждое признано результативным. Способом понуждения было использование материальной и иной зависимости. Все 7 актов понуждения квалифицированы как самостоятельные составы, то есть по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 133 УК РФ¹⁴⁹.

Говоря о непродолжительном времени между тождественными действиями для признания их единым преступлением, напомним обоснованное замечание А.Ф. Залова о том, что признак непродолжительности (час, сутки, неделя или др.), на который ссылается и

¹⁴⁸ Проблемы квалификации преступлений : монография / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М. : Проспект, 2017. С. 284.

¹⁴⁹ Приговор Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28.11.2013 по делу № 1-822/2013 // Судакт. URL : <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2022)

Пленум Верховного Суда РФ при даче разъяснений о квалификации продолжаемого изнасилования, нужно воспринимать в качестве дополнительного признака для вывода об единстве умысла и общности цели. «Ведь чем менее продолжителен промежуток времени между тождественными противоправными деяниями, тем больше оснований полагать, что в их основе лежит единый умысел. И наоборот: чем длительнее указанные временные отрезки, тем меньше вероятность того, что содеянное осознается индивидом как единое преступление»¹⁵⁰.

Есть достаточные правовые основания для оценки в качестве единого продолжаемого преступления тех случаев, когда у виновного заранее был сформирован умысел на совершение двух и более понуждений к конкретным действиям сексуального характера, направленных на получение вынужденного согласия. Тогда как внезапно возникающий перед каждым очередным понуждением умысел или обращение к другому потерпевшему исключает единое продолжаемое понуждение к действиям сексуального характера. В этой связи нам видится безосновательным довод отдельных ученых и практических работников о возможности значительно более широкого применения института продолжаемого преступления к деяниям, запрещенным ст. 133 УК РФ (на чем настаивают, например, И. Михайленко и С. Силаев)¹⁵¹.

Продолжаемое понуждение к действиям сексуального характера можно констатировать при наличии совокупности следующих обстоятельств (критерии тщательно разработаны в доктрине уголовного права¹⁵²):

– юридическая тождественность действий по понуждению (альтернативные способы объективной стороны);

¹⁵⁰ Залов А. Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2017. С. 195.

¹⁵¹ См. подробнее: Михайленко И., Силаев С. О продолжаемых преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы // Уголовное право. 2014. № 5. С. 72-75.

¹⁵² Пряхина Н. И., Щепельков В. Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // КриминалистЪ. 2011. №1(8). С. 8; Кулагин А. Н. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 187. Кулагин А. Н., Ображиев К. В. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы нормативной регламентации и квалификации : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 129.

- единый умысел на совершение нескольких действий (высказывания угроз или использования зависимости) для понуждения к конкретным действиям сексуального характера;
- общая цель в виде получения вынужденного согласия;
- небольшой временной промежуток между актами понуждения, подкрепленными соответствующей угрозой;
- единство потерпевшего (одно и то же лицо).

Опрошенные нами правоприменители показали, что, прежде всего, о наличии единого продолжаемого понуждения к действиям сексуального характера свидетельствует единство умысла и идентичность мотива (такой ответ выбрали 68,9 %), небольшой промежуток времени (ответили 62,9 %), единство потерпевшего (указали 43,2 %) (см.: приложение 1).

Отсутствие же даже одного из перечисленных критериев, на наш взгляд, исключает правомерность признания содеянного единым продолжаемым преступлением. Обоснованием этому служит как формальный характер состава понуждения (момент окончания, увязанный с выраженным требованием), так и сущность этого посягательства на половую свободу. Последнее мы понимаем в том, что понуждение направлено исключительно на получение вынужденного согласия на совершение определенных действий сексуального характера в отношении конкретного потерпевшего.

В качестве продолжаемого понуждения, отвечающего названной выше сумме обстоятельств, можно признать следующую ситуацию: виновный сначала высказывает требование совершить половое сношение, подкрепляя его угрозой уничтожить мобильный телефон, однако, осознавая реальность угрозы и пренебрегая отношениями собственности, потерпевший не соглашается. Затем, в течение этого же дня виновный подкрепляет ранее высказанное требование иной угрозой – поджогом дома или распространением порочащих личность сведений.

С признаком «единство потерпевшего»¹⁵³ как критерием разграничения продолжаемых и совокупности половых преступлений связан вопрос о том, как квалифицировать ситуации при понуждении разных лиц к совершению полового сношения, мужеложства, лесбиянства и иных действий сексуального характера.

Целесообразным для правильной оценки продолжаемого понуждения к действиям сексуального характера как насильственного полового преступления видится применение подхода, разработанного для уголовно-правовой оценки продолжаемого преступления, предусмотренного ст. 131 и ст. 132 УК РФ. Так, Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что единое продолжаемое (половое насильственное) преступление совершается «в отношении одного и того же потерпевшего лица».

Что же касается ненасильственных половых преступлений, то их совершение в отношении нескольких потерпевших не образует совокупности преступных деяний, поскольку в ст. 134 и 135 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак «в отношении двух или более лиц». По этому поводу высшая судебная инстанция разъясняет, что «половое сношение, мужеложство, лесбиянство или развратные действия, совершённые без применения насилия или угрозы его применения и без использования беспомощного состояния потерпевшего лица одновременно или в разное время в отношении двух или более лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, в соответствии с положениями части 1 статьи 17 УК РФ не образуют совокупности преступлений и подлежат квалификации по части 4 статьи 134 или части 3 статьи 135 УК РФ при условии, что ни за одно из этих деяний виновный ранее не был осуждён» (п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»). Поскольку дифференциация ответственности за понуждение не

¹⁵³ Залов А. Ф. Проблемы квалификации продолжаемых изнасилований // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27). С. 37.

имеет отягчающего ответственность обстоятельства в виде понуждения нескольких лиц, процитированное выше разъяснение не применимо.

Представляют интерес и данные опроса правоприменителей по этому поводу, которые на вопрос «Как квалифицировать совершение понуждения к действиям сексуального характера в отношении сразу нескольких лиц (двух и более)?», ответили следующим образом: «Единое преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ» – 44,7 % (от 132 респондентов); «Совокупность преступлений, предусмотренных ст. 133 УК РФ» – 55,3 % (от 132 респондентов). С небольшим преимуществом ответы практиков поддержали позицию о необходимости более строгой оценки содеянного, усмотрев в поставленном вопросе множественность преступлений при одновременном понуждении сразу нескольких лиц (см.: приложение 1).

Понуждение разных лиц даже к одним и тем же действиям сексуального характера идентичным или единым способом, на наш взгляд, также не образует единого преступления, тем более что применение психического насилия угрожает нескольким объектам уголовно-правовой охраны: половой свободе каждого потерпевшего (потерпевшей). Содеянное необходимо квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 133 УК РФ.

Итак, нами выявлены проблемы квалификации понуждения к действиям сексуального характера, предложено их следующее научно обоснованное разрешение:

1. Способы, описанные в ч. 1 ст. 133 УК РФ, могут быть обращены как к самому лицу, понуждаемому к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера, так и к третьим лицам, при условии, что шантаж, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества способны понудить к действиям сексуального характера. Например, понуждение несовершеннолетней девушки к половому сношению путем угрозы повреждения или изъятия автомобиля, принадлежащего ее родителям.

2. Фактическая реализация угроз (распространения порочащих сведений, изъятия, повреждения, уничтожения имущества), примененных для понуждения потерпевшего (потерпевшей), требует дополнительной квалификации, потому что не включается в содержание объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ. В некоторых случаях, использование зависимости также требует дополнительной квалификации, когда содержит признаки, подпадающие под преступления против другого объекта уголовно-правовой охраны, в том числе использование иной зависимости от представителя власти подлежит дополнительной квалификации в качестве должностного преступления.

3. Потребность в дифференциации уголовной ответственности за совершение результативного понуждения к действиям сексуального характера не может быть компенсирована дополнительной квалификацией содеянного по ст. 134 или ст. 135 УК РФ. Во-первых, применение этих норм возможно только при совершении преступления в отношении лица, не достигшего шестнадцати лет, тогда как потерпевшими от результативного понуждения могут быть лица старшего возраста. Во-вторых, ст. 134 и 135 УК РФ не предназначены для противодействия насильственным посягательствам, к числу которых относится понуждение к действиям сексуального характера.

4. Единое продолжаемое преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ, имеет место в тех случаях, когда действия, направленные на понуждение к действиям сексуального характера, охватываются единым умыслом виновного, являются юридически тождественными (альтернативными способами), обладают общностью цели в виде получения согласия на совершение определенных действий сексуального характера, совершены в непродолжительный промежуток времени в отношении одного и того же лица. К обстоятельствам, исключающим продолжаемое преступление, следует относить выполнение ряда тождественных результативных понуждений к действиям сексуального характера, изменение содержания требования о совершении действий сексуального характера (сначала полового сношения,

затем иных действий сексуального характера).

3.2. Пределы уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера

Анализ сложившейся ситуации в области охраны половых отношений уголовно-правовыми средствами в России и в мире позволяет с уверенностью утверждать, что имеет место общая тенденция по усилению правовой защиты неприкосновенности личности, которая достаточно ярко проявляется в контексте современных гарантий по охране половой свободы личности от каких-либо внешних воздействий, оцениваемых в качестве вида негативной девиации. Вместе с тем в рамках настоящего исследования мы неоднократно замечали несоответствие отечественного уголовно-правового регулирования степени реализации прав человека и потребности в большей защищенности личности.

Остается неразрешенной проблема рассмотрения содержания преступного понуждения за рамками его законодательной конструкции, то есть *de lege ferenda*. В контексте полноценного обеспечения безопасности личности от сексуальных домогательств поднятая тематика только актуализируется.

Отдельного внимания требует оценка фактического понуждения к совершению действий сексуального характера путем обмана. Пленум Верховного Суда РФ еще в 2004 году дал следующие разъяснения о злоупотреблении доверием и обманом как путями понуждения потерпевшей (потерпевшего): «Действия лица, добившегося согласия женщины на вступление в половое сношение или совершение действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления доверием (например, заведомо ложного обещания вступить с ней в брак), не могут рассматриваться как преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (абз. 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня

2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹⁵⁴). Это положение было воспроизведено спустя десять лет в абз. 3 п. 15 действующего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16.

Как следствие, высший судебный орган подтвердил тот факт, что из сферы применения уголовного закона исключены факты понуждения к действиям сексуального характера названными способами. Это обычно одобрительно воспринимается специалистами в области уголовного права (например, позицию высказывали О. Н. Дядькин и М. Н. Ахмедов¹⁵⁵).

Это явление получило достаточно яркое криминологическое наименование – «сексуальное мошенничество»¹⁵⁶. Вместе с тем исключать общественную опасность понуждения путем любого обмана в современных условиях противодействия сексуальному харассменту¹⁵⁷ мы бы не стали. Тем более в свете правовой позиции Конституционного Суда РФ о накопительном характере общественной опасности (кумулятивный эффект) противоправного посягательства с учетом обязательных и факультативных признаков состава конкретного преступления¹⁵⁸.

В сферу применения состава понуждения к действиям сексуального характера следует включить деяния, связанные с обманом, в той части, в какой они обладают достаточной для криминализации степенью общественной опасности. И вот по каким причинам. Основным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, единогласно признается половая свобода. Как верно замечено в уголовно-правовой

¹⁵⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 8.

¹⁵⁵ Дядькин О. Н., Ахмедов М. Н. Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3. (48). С. 76.

¹⁵⁶ Исаев Н. А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб., 2007. С. 12.

¹⁵⁷ Кокорева В. Харассмент на работе. Анализ споров // Трудовое право. 2020. № 2. С. 49.

¹⁵⁸ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

доктрине (Е. А. Котельникова¹⁵⁹, И. С. Алихаджиева¹⁶⁰), понуждение к действиям сексуального характера преступно потому, что наличествует ограничение воли на вступление в половой контакт; при таком ограничении воли потерпевший не способен полноценно действовать в соответствии со своими намерениями, в результате – нарушается половая свобода. Вместе с тем не любой обман может рассматриваться в качестве способа сексуального посягательства. Если согласие другого человека на вступление в сексуальные отношения получено путем обмана в намерениях (например, заведомо ложное обещание жениться, подарить смартфон, оплатить туристическую поездку и т.п.), то совершение сексуальных действий с обманутым человеком не обладает необходимой для криминализации общественной опасностью.

Советское уголовное законодательство в объективную сторону состава понуждения включало лишь служебную и материальную зависимость, тогда как уже на тот период Я.М. Яковлев обоснованно настаивал на целесообразности расширения состава посредством дополнения диспозиции признаком «и иные случаи зависимости». Ученый справедливо исходил из того, что основная цель, стоящая перед государством в данном случае, выражается именно в более полной охране объекта посягательства – половой свободы¹⁶¹. Этого концептуального направления, по нашему мнению, стоит придерживаться и сегодня. Однако ученые, исследующие данный состав преступления, ограничиваются законодательными рамками, постулируя лишь упомянутую правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ, по-видимому, как единственно верный вариант правовой оценки ситуации с обманом. Игнорируется тот факт, что, используя обманный способ, виновный получает непосредственный доступ к потерпевшей для совершения заведомо не желаемых ею сексуальных действий.

Напомним, что именно признак общественной опасности в силу положений ч. 1 ст. 14 УК РФ выступает основанием криминализации того или

¹⁵⁹ Котельникова Е. А. Указ. соч. С. 13.

¹⁶⁰ Алихаджиева И. С. Указ. соч. С. 8.

¹⁶¹ Яковлев Я. М. Половые преступления : монография. Душанбе : ИРФОН, 1969. С. 225.

иного деяния. Как правило, для признания акта поведения преступным, вопрос встает о том, посягает ли он на объект уголовно-правовой охраны? Подчеркнем, что основным непосредственным объектом анализируемого преступления обоснованно признается именно половая свобода. Для мотивированного ответа следует определиться, в чем же состоит сущность состава понуждения к действиям сексуального характера и обмана как его способа.

Криминализованные способы, перечисленные в ст. 133 УК РФ, например, шантаж, формируют порок воли потерпевшего (потерпевшей), отсюда констатируется нарушение свободы человека по ведению половой жизни в любом из ее аспектов. В уголовно-правовой доктрине обоснованно отмечается, что «разбираемый состав преступления также хорошо иллюстрирует тезис о том, что при принуждении как преступлении в деянии виновного интересует не человек сам по себе, а его поведение: в данном случае лицо ставит своей задачей добиться вынужденного согласия жертвы и совершения ею внешне добровольных действий»¹⁶².

В теории уголовного права ложные сведения характеризуются как одна из форм активного обмана, под которым понимается осознанное сокрытие или искажение истины, совершенные в устной или письменной форме либо посредством умолчания, путем действия или бездействия, при наличии вытекающей из закона или договора обязанности представить истинную информацию¹⁶³.

Заметим, что упречное формирование воли субъекта общественных отношений оценивается уголовным законом в зависимости от конкретного случая: с одной стороны, в качестве обстоятельства, вовсе исключающего преступность деяния (ст. 40 УК РФ); с другой стороны – в роли конститутивного признака ряда составов преступлений, где обман или

¹⁶² Шевелева С.В. Принуждение как общественно опасное деяние // *Lex russica*. 2017. № 12. С. 72.

¹⁶³ Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. М. : ЮрИнфоР, 1998. С. 99.

злоупотребление доверием образуют способ преступления (ст. 110.1, 141, 150, 151.2, 159, 159.5, 165, 183, 283.1, 339 УК РФ).

При этом Пленум Верховного Суда РФ понимает преступный обман достаточно широко. Например, применительно к хищениям высшая судебная инстанция разъясняет его содержание через потенциальную возможность выражения: в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»).

При охране отношений собственности (ст. 159, 165 УК РФ) уголовный закон, в том числе в его понимании высшей судебной инстанцией, признает обман как способ преступления достаточно общественно опасным, а при охране половой свободы – нет. Между тем в системе уголовного закона, где интересы личности, очевидно, стоят выше, чем права собственности, такой подход представляется, как минимум, непоследовательным.

Аналогичная трудность существует и в зарубежных правовых порядках. Так, А. Хардиф называет это главным нормативным диссонансом в охране половой свободы личности — «notwithstanding its clear violation of sexual autonomy, sex obtained by fraud is usually not considered rape» (несмотря на явное нарушение сексуальной автономии, секс, полученный обманным путем, обычно не считается изнасилованием)¹⁶⁴.

Зарубежное уголовное право в данном случае не менее противоречиво и имеет сходные дефекты, ибо основанием криминализации того же

¹⁶⁴ Harduf A. Criminal Law's Normative Schizophrenia: Personal Autonomy, Fraudulent Sex, and Intimate Abuse (August 17, 2020). URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3675340> (дата обращения: 21.02.2022)

изнасилования в странах общего права признается так называемая сексуальная автономия («sexual autonomy»), которая фактически тождественна половой свободе. В связи с чем Рубенфельд полагает необходимым изменить подход к пониманию основания криминализации изнасилования, чем можно будет избежать выявленное противоречие¹⁶⁵.

Фальк вовсе указывает, что секс по обману действительно должен считаться изнасилованием¹⁶⁶. Переводя последнюю мысль на наш социально-культурный контекст и особенности уголовного-правовой регламентации, речь идет, очевидно, именно о необходимости криминализации такого поведения.

В свете предписаний Пленума Верховного Суда РФ о непреступном свойстве обмана в посягательствах на половую свободу, следует рассмотреть правовую характеристику обмана как такового.

Анализируя правовое значение обмана, В.В. Долинская и И.В. Шишко отмечают, что «если бы сторона, действовавшая под влиянием обмана, знала истинное положение дела, то она не дала бы согласия на заключение сделки. Сделка, заключенная под влиянием обмана, не соответствует истинным намерениям обманутой стороны. В силу этого и римское право, и современные законодательства не признают действительности сделки, заключенной под влиянием обмана»¹⁶⁷. В этом мы усматриваем главный смысл, присущий обману, причем не только в гражданском праве, но и в уголовном.

Разное понимание обмана в двух ведущих отраслях российского права свидетельствовало бы об упрекаемой Конституционным Судом РФ правовой неопределенности в регламентации общественных отношений и объективной невозможности предвидеть юридические последствия собственных действий. Коль скоро обман при совершении сделки влияет на порочное формирование

¹⁶⁵Rubinfeld J. The Riddle of Rape-by-Deception and the Myth of Sexual Autonomy // 123 YALE L.J. 1372-1379, 1402-03. 2013.

¹⁶⁶Falk P. J. Not Logic, but Experience: Drawing on Lessons from the Real World in Thinking About the Riddle of Rape-by-Fraud // 123 YALE L.J. 353, 365. 2013.

¹⁶⁷Долинская В.В., Шишко И.В. Обманные действия по ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 127-142.

воли лица, и сделка объявляется недействительной, то и неправомерно сформированная воля лица при вступлении в сексуальные отношения не должна быть безразлична для государства.

Р.А. Сабитов при анализе уголовного закона демонстрирует, что обман может играть различные роли, но при этом создает соответствующие условия для посягательства или его маскировки. Ученый развивает свою мысль и заключает, что «обман, выступающий в роли способа уголовно-правового действия, с необходимостью порождает заблуждение обманутого относительно определенных обстоятельств. Под влиянием заблуждения обманутый ведет себя таким образом, что неизбежно наступают общественно опасные последствия, предусмотренные уголовным законом»¹⁶⁸.

Можно сказать о реальной угрозе объекту уголовного-правовой охраны в виде возможности совершения действий сексуального характера с лицом, неправильно воспринимающим реальность по вине обманщика. Зная истинное положение дела, обманутое лицо не дало бы согласие на совершение действий сексуального характера с обманщиком.

Указанное обостряется возможностью воздействия на волю лица (более простой вариант реализации обмана) посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Как замечают Р.И. Дремлюга и А.В. Крипакова, «одним из принципов киберпространства является анонимность, что, в первую очередь, обеспечивает преимущества для всех форм преступных мошенничества и обмана»¹⁶⁹.

Преступность, связанная с насилием, действительно подвергается качественной трансформации, потому что становится не только более сложной по исполнению, технически оснащенной, но и более интеллектуальной. По этому поводу О.В. Артюшина справедливо отмечает, что в настоящее время «наблюдается тенденция снижения проявлений грубой физической силы и распространения более «тонкого» - информационного -

¹⁶⁸ Сабитов Р.А. Криминальные обманы и фальсификации: монография. М., 2019. С. 125.

¹⁶⁹ Дремлюга Р.И., Крипакова А.В. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 161-169.

воздействия на потерпевшего. Физическое насилие уступает место психическому»¹⁷⁰. Психическое (интеллектуальное) насилие и есть единственно противоправный признак состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ.

На наш взгляд, ложь и обман в интимном контексте могут быть оскорбительными, противоправными и общественно опасными, вопреки позиции высшей судебной инстанции и мнению многих современных ученых. Не вызывает сколько-нибудь обоснованных сомнений, что обман воздействует на человека так, что вмешивается в независимый процесс формирования воли на совершение тех или иных действий, в данном случае – сексуального характера. Игнорирование со стороны законодателя и правоприменителей обозначенного противоречия видится необоснованным. Такой подход идет вразрез с современной политико-правовой ситуацией по предоставлению достаточно высоких гарантий охраны, в том числе уголовно-правовой, неприкосновенности личности, её половой свободе. Исходя из указанного, сферу криминализации деяний, посягающих на половую свободу, следует расширить, включив в нее деяния, связанные с обманом.

Вместе с тем не любой обман может рассматриваться в качестве способа сексуального посягательства. Если согласие другого человека на вступление в сексуальные отношения получено путем обмана в намерениях (например, заведомо ложное обещание жениться, подарить смартфон, оплатить туристическую поездку и т.п.), то совершение сексуальных действий с обманутым человеком не обладает необходимой для криминализации общественной опасностью. Иной оценки заслуживают действия сексуального характера, совершенные путем обмана в личности партнера (обманная замена партнера) или в характере сексуальных действий (совершение полового акта в естественной форме, вместо анального). Если женщина вступает в половую связь с мужчиной, который путем обмана выдает себя за ее сексуального партнера, используя внешнее сходство с ним (брат-близнец) или обстановку

¹⁷⁰ Артюшина О.В. Насильственная преступность и IT-технологии // Lex russica. 2019. № 9. С. 77-84.

(полная темнота), то ее половая свобода грубо нарушается. Причем по степени общественной опасности содеянное примыкает к изнасилованию, хотя действующая редакция ст. 131 УК РФ эти действия не охватывает (за исключением случаев, когда обманная замена партнера сопряжена с использованием беспомощного состояния потерпевшей, например, обусловленным ее сильным опьянением).

Криминальной общественной опасностью обладают и сексуальные посягательства, осуществленные путем обмана в характере совершаемых действий, в частности, совершение сексуальных действий вместо несексуальных или сексуальных, но другого характера.

К первым можно отнести те случаи, когда под предлогом поиграть в угадывание фруктов на вкус с закрытыми глазами, преступник подставляет половой орган, совершая тем самым оральное проникновение. Используя обман в таком случае, виновный получает доступ к потерпевшей для совершения желаемых сексуальных действий, а также отсутствие какого-либо препятствия на пути к реализации своего преступного умысла.

Ко вторым – случаи, когда при наличии согласия девушки на совершение полового акта в естественной форме, виновный, обманывая, совершает анальное проникновение. Возможна и обратная ситуация – мужчина, получив добровольное согласие девушки на анальный половой акт, заведомо желая совершить половой акт в естественной форме, осуществляет задуманное, то есть обманывает потерпевшую в характере совершаемых сексуальных действий. Подобный случай обладает общественной опасностью не только в силу того, что противоречит согласованным сторонами условиям их взаимоотношений, нарушая тем самым половую свободу личности, но и потому, что совершение полового акта в естественной форме с конкретным человеком может оцениваться жертвой в качестве недопустимого ни при каких обстоятельствах (например, когда она является девственной или по иным причинам). Криминальным содержанием в таком случае выступает способ обмана, применяемый преступником, в связи с чем нарушается один из

основных объектов уголовно-правовой охраны личности – её половая свобода. Объект страдает в связи с тем, что свобода личности ограничивается в половых отношениях, противоречит её желаниям и согласованным договоренностям с другой стороной.

Признавая высокую общественную опасность подобных действий и необходимость их криминализации, необходимо отметить, что их нельзя рассматривать в качестве разновидности понуждения к действиям сексуального характера.

Во-первых, понуждение предполагает выдвижение требования совершить сексуальные действия, сопровождаемое психическим насилием (угрозой), тогда как при уголовно-значимом сексуальном обмане используется иной механизм воздействия на потерпевшего.

А во-вторых, действия сексуального характера, совершенные путем обмана, могут быть криминализованы лишь при условии их результативности, тогда как основной состав понуждения имеет формальную конструкцию.

Поэтому включение обманного способа в диспозицию ч. 1 ст. 133 УК РФ не будет отвечать признакам этого состава преступления, поскольку отличается и в конструкции состава (имеющееся понуждение – это формальный, предлагаемое обманное понуждение – материальный), и в содержательной стороне понуждения (действующая редакция понимает понуждение в качестве выдвижения требования о вступлении в половую связь, подкрепленное психическим насилием, предлагаемое обманное посягательство не предполагает выдвижения требований потерпевшему).

Несомненный интерес представляют результаты социологического исследования, в рамках которого мы задали практикующим юристам три смежных вопроса: о преступном характере понуждения к действиям сексуального характера путем обмана, а также два вопроса с примерами об обманном совершении действий сексуального характера (обман в личности и обман в характере действий). На первый вопрос большинство респондентов ответили отрицательно (71,2 %), тогда как второй и третий вопрос получили

абсолютную поддержку в пользу криминализации подобных случаев обмана при совершении действий сексуального характера: 90,1 % и 88,6 % положительных ответов соответственно (см.: приложение 1).

Исходя из этого предлагается установить уголовную ответственность в самостоятельной норме – в ст. 133¹ УК РФ «Совершение сексуальных действий путем обмана». Диспозиция ч. 1 ст. 133¹ УК РФ может быть смоделирована в следующем виде: «Совершение сексуальных действий путем обмана в личности партнера или в характере совершаемых действий без применения насилия или угрозы им». В качестве квалифицирующего признака I степени целесообразно предусмотреть совершение данного деяния в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а квалифицирующего признака II степени – в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

Важно обратить внимание на восприятие описанного подхода в законодательстве зарубежных стран, где имеет место более широкая уголовно-правовая охрана личности, в том числе от сексуального обмана и от сексуальных домогательств.

Так, например, английское уголовное право обоснованно ограничивает применение обмана только тремя случаями:

- обман в цели сексуальных действий;
- обман в характере сексуальных действий,
- обман в личности партнера сексуальных действий.

Это позволяет не давать государственную защиту в виде неопровержимой презумпции «несогласия при обмане» в случаях обмана, например, в стоимости сексуальных услуг.

Например, известное дело *Regina v. Linekar*, 1995, где обвиняемый пообещал заплатить проститутке 25 фунтов стерлингов, если она вступит с ним в половую связь, что он не собирался выполнять. Обвинительный приговор был отменен, потому что согласие, данное потерпевшей, было настоящим согласием.

Палата Лордов отметила, что Линекар, несомненно, солгал потерпевшей, однако она не была обманута ни относительно характера, ни относительно цели действия, то есть полового акта¹⁷¹. Это всецело отвечает тем рекомендациям, которые сегодня воспроизводит Пленум Верховного Суда РФ по недопустимости оценки в качестве преступления, совершение его путем обмана.

Как справедливо и точно подчеркнул доктор Джозеф Рохман, «личные сексуальные отношения не всегда характеризуются однозначностью и ясностью, и поэтому согласие простирается вдоль биполярного континуума, с полным согласием на одном полюсе, принуждением к сексу на другом, и широким спектром между ними»¹⁷².

Для применения нормы требуется установление одного из двух указанных в законе обстоятельств:

– первое обстоятельство – обвиняемый умышленно обманул о характере или цели соответствующего действия сексуального характера (the defendant intentionally deceived the complainant as to the nature or purpose of the relevant act). Здесь имеет место обман в характере совершаемых сексуальных действий;

– второе обстоятельство – обвиняемый умышленно склонил к согласию на соответствующее действие потерпевшего, выдавая себя за лично известное ему лицо (the defendant intentionally induced the complainant to consent to the relevant act by impersonating a person known personally to the complainant). Иными словами, в этом случае наблюдается обман в личности сексуального партнера.

Примечательно, что подобное деяние криминализовано в качестве самостоятельного состава преступления в § 221 Уголовного кодекса Дании, где преступным объявлено вступление в половую связь с любым другим

¹⁷¹ Regina v. Gareth Linekar [1995] 2 CAR 49 // England and Wales Court of Appeal (Criminal Division) Decisions [Электронный ресурс]. URL : <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/1994/2.html> (дата обращения: 20.12.2021)

¹⁷² Rohmann J. A. Das neue Sexualstrafrecht – Eine aussagepsychologische Perspektive // Praxis der Rechtspsychologie. 2017. № 27 (1). S. 27–45.

лицом, которое ошибочно из-за обмана виновного считает себя женатым на нем, или принимает преступника за другое лицо¹⁷³.

Датский уголовный закон в этой части действительно отличается от других, так как далеко не всегда законодатели полагают достаточно общественно опасным совершение полового сношения при получении согласия посредством обмана для установления уголовно-правового запрета на такое поведение.

В качестве примера последнего можно обратиться к английскому делу «Корона против Девональда» 2008 года. Фабула проста: Стивен Девональд выдавал себя в Интернете за 20-летнюю женщину по имени Касси. Он специально пошел на встречу с 16-летним подростком, который был бывшим другом его дочери. Выдавая себя за Касси, он убедил ее мастурбировать на веб-камеру. План Девональда, судя по всему, состоял в том, чтобы выложить видеозапись в Интернет, опозорить потерпевшего, и таким образом отомстить за плохое отношение парня к своей дочери.

Девональду было предъявлено обвинение в совершении сексуального действия (мастурбации) без согласия, что криминализовано выше проанализированной ст. 4 Закона о половых преступлениях Англии.

Именно здесь ключевым вопросом было установление наличия или отсутствия согласия потерпевшего. Сославшись на неопровержимую презумпцию, сторона обвинения обосновала: потерпевшая была обманута относительно характера или цели действия, следовательно, согласно ст. 76 Закона о половых преступлениях Англии, согласия не было¹⁷⁴.

Любопытно также то, что судья в упомянутом деле обосновал применение нормы несмотря на отсутствие действий сексуального характера – полового контакта, приведя следующие аргументы: «Although the experiment

¹⁷³ Уголовный кодекс Дании от 27 сентября 2005 г. [Электронный ресурс]. URL : https://www.legislationline.org/download/id/6372/file/Denmark_Criminal_Code_am2005_en.pdf (дата обращения: 18.12.2021)

¹⁷⁴ Regina v. Devonald [2008] EWCA Crim 527 // England and Wales Court of Appeal (Criminal Division) Decisions [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2008/527.html> (дата обращения: 18.12.2021)

did not involve any form of intercourse, it illustrates the practice of a deception as to the "purpose" of the physical act» («Хотя в рамках этого эпизода не было никакой формы полового акта, он иллюстрирует практику обмана относительно «цели» физического акта»)¹⁷⁵.

Наличие любого из указанных обстоятельств (circumstances) функционально преобразуется в правовое и достаточное основание для применения неопровержимой (conclusive) презумпции несогласия на действия сексуального характера, что при установлении прочих признаков состава обосновывает стандарт доказывания по данной категории дел. Подобная норма имеет место и в Уголовном кодексе Канады от 1985 г., которая определяет для раздела о половых преступлениях (Sexual Offences) предположение о том, что согласие не получено, если обвиняемый советует или подстрекает к действиям сексуального характера, злоупотребляя доверием, применяя силу или власть¹⁷⁶.

Вопросы уголовно-правовой оценки различных проявлений, посягающих на половую свободу и неприкосновенность личности, вызывают острые научные дискуссии и общественные обсуждения. В центре внимания социума оказалась проблема харассмента, которая наиболее часто проявляется в рамках трудовых и образовательных отношений, как правило, при наличии подчиненности или иной зависимости между преступником и потерпевшим. Не редкость и случаи вольных действий, нарушающих интимную сферу человеческой жизни, в том числе, осуществляемых на публике или распространяемых в социальных сетях.

Сексуальные домогательства можно условно подразделить на два вида: физические (насильственные поцелуи, прикосновения к женской груди, шлепки по ягодицам и др.), психические (грубые или унижительные сексуальные предложения). Так, известный случай был растиражирован

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Уголовный кодекс Канады от 1985 г. (с изменениями и дополнениями от 27.08.2021) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/download/id/9922/file/CAN_CC_1985_as%20of%202021.pdf (дата обращения: 18.12.2021)

средствами массовой информации ввиду особой знаменитости его фигуранта: «По информации Business Insider, в 2018 году SpaceX заплатила экстрасюардессе \$250 тыс. по делу о досудебном урегулировании жалобы на сексуальные домогательства против Илона Маска». По информации, распространившейся в СМИ, основатель компании во время полета в 2016 году разделся перед ней (стюардессой) и предложил купить ей лошадь в обмен на эротический массаж¹⁷⁷. Хотя Илон Маск опроверг эту информацию в социальных сетях, обратное также не было установлено судом.

Любопытно и то, что в 2018 году в Великобритании была создана независимая система подачи жалоб, посредством которой около 50 депутатов парламента были обвинены в сексуальных домогательствах. Например, Нил Пэриш (консерватор) вынужденно ушел в отставку в результате своего признания о просмотрах порнографии в Палате Общин. Другого члена британского парламента Дэвида Уорбертона выгнали из политической партии в связи с обвинениями в сексуальных домогательствах¹⁷⁸.

Другой и подробнее отражающий суть сексуальных домогательств случай описан в печати, и связан он с непристойным поведением болельщиков на одном из крупных футбольных матчей в Париже. Так, Гийом Пуан сообщает, что люди жаловались на различного рода приставания и обнимания молодых девушек взрослыми мужчинами: «Я видел, как женщин хватили за грудь, у них вырывали сумки», – свидетельствовал после происшествия один из полицейских¹⁷⁹.

Кроме этого, сексуальные домогательства имеют место и в профессиональных сообществах, например, Всемирная ассоциация издателей новостей (WAN-IFRA) даже имеет собственное понимание данного термина и определяет его в качестве нежелательного и оскорбительного поведения

¹⁷⁷ SpaceX заплатила \$250 тыс., чтобы скрыть сексуальные домогательства Илона Маска к бывшей стюардессе // Inc. URL: <https://incussia.ru/news/musk-sexual-misconduct/> (дата обращения: 30.05.2022)

¹⁷⁸ В Великобритании за сексуальные домогательства арестован член парламента страны // Новый день. URL: <https://newdaynews.ru/incidents/759239.html> (дата обращения: 30.05.2022)

¹⁷⁹ «Я видел, как женщин просто лапали»: очевидцы осуждают сексуальные домогательства на «Стад де Франс» // Иносми. URL: <https://inosmi.ru/20220603/khuliganstvo-254404041.html> (дата обращения: 05.06.2022)

сексуального характера, нарушающего достоинство человека и унижающего его. Статистические данные их исследования показывают, что 26 % женщин сталкивались с вербальным или физическим домогательством на рабочем месте, а 12 % опрошенных мужчин заявили, что подвергались вербальному сексуальному домогательству. В среднем только 25,5 % случаев сексуального харассмента были доведены до руководства, которое реагировала только в 62 % случаев. Как правило, респонденты показывают, что обидчикам выносят лишь предупреждение (31,8 %), тогда как серьезные дисциплинарные меры в виде увольнения предпринимаются редко (13,5 % случаев). Примечательно, что треть журналистской среды показывает на источник домогательств в лице непосредственного или высшего руководства и треть – на источник домогательств в лице коллег¹⁸⁰.

Наиболее масштабное общественное движение по обеспечению защищенности от проявлений сексуальных посягательств путем их огласки сформировалось в 2017 году в США (известно как «#metoo»). Его возникновение и активное распространение прямо связано с тем социальным моментом, когда «женщины по всему миру оказались готовы говорить, а общество – слушать»¹⁸¹.

Россия не является исключением. В частности, по данным издания «Ведомости», каждая шестая женщина и каждый тринадцатый мужчина в российском обществе пострадали от харассмента. При этом почти половина респондентов (47,2 %) не предприняла ничего, а 16,8 % пробовали решить ситуацию самостоятельно, например, сообщили мужу, дали пощечину, ответили избегать и т.д. По мнению директора Института гендерных исследований Елены Гаповой, «домогательства на работе, прежде всего,

¹⁸⁰ Тема насилия встречается только в новостях // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/12/04> (дата обращения: 05.06.2022)

¹⁸¹ Домогательства в Сети: почему закон бездействует? // Комсомольская правда. URL: <https://www.vrn.kp.ru/daily/28332/4477824/> (дата обращения: 05.06.2022)

следствие безграничной власти начальника над подчиненным, и в России эта проблема сейчас стоит довольно остро»¹⁸².

Многие специалисты предпринимают попытки к выработке дефиниции сексуальных домогательств, в том числе для целей уголовно-правовой защиты личности. Зачастую это осуществляется перечневым способом, то есть путем перечисления тех деяний, которые должны считаться таковыми¹⁸³. Например, физические (нежелательные похлопывания по любой части тела, пощипывание, поглаживание, объятия и поцелуи, ласки); вербальные (нежелательные просьбы и требования сексуального характера, словесные оскорбления или шутки сексуального характера, пошлые высказывания), намеки; невербальные (многозначительные взгляды, оскорбительные или неприличные звуки, присвистывание, непристойные жесты); психологическое насилие (создание враждебной обстановки путем нежелательных разговоров, предложений, просьб, требований, физических контактов или проявлений внимания, сексуального или иного неподобающего содержания); а также нежелательный или публичный показ порнографических материалов¹⁸⁴.

Помимо исследованного нами ранее зарубежного опыта в обеспечении уголовно-правовой охраны от преступного понуждения к действиям сексуального, важен и передовой опыт отдельных государств в установлении уголовной ответственности за сексуальные домогательства.

Определенным ориентиром в этом отношении может служить ст. 218 УК Австрии. Здесь сексуальное домогательство охватывает такие формы поведения, как связанные с сексом прикосновения к частям тела жертвы или преступника (интенсивное прикосновение к женской груди или захват между ногами – также поверх одежды), что нарушает неприкосновенность и

¹⁸² Сексуальные домогательства на работе: российская специфика // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2020/01/22/821257-rabotodateli-pomogayut> (дата обращения: 05.06.2022)

¹⁸³ Ведерникова О. Особенности харассмента в России — слово есть, а явления нет? // Кадровик.ру: электрон. журн. 2014. № 8.

¹⁸⁴ Сексуальные домогательства в Казахстане и мире – 11 вопросов и ответов // Factcheck.kz. URL: <https://factcheck.kz> (дата обращения: 05.06.2022)

достоинство личности. Тогда как различного рода словесные и невербальные домогательства с сексуальным оттенком в отсутствие какого-либо физического контакта (непристойные замечания и взгляды, а также сексистские шутки), не подпадают под действие ст. 218 УК Австрии¹⁸⁵.

В июне 1998 года Верховный Суд США рассматривал беспрецедентное количество дел о сексуальных домогательствах. Зарубежные ученые описывают эту ситуацию так, что внимание высшего судебного органа к общественной опасности сексуальных домогательств стало появляться уже после того, как в заголовках газет стали появляться соответствующие реакции общественности и профессиональных сообществ. Известно, что даже президент США Клинтон столкнулся с обвинениями в сексуальных домогательствах со стороны Паулы Джонс и критикой со стороны широкой общественности за неуместные сексуальные отношения с Моникой Левински. Вместе с тем ситуация не является столь однозначной и обладает некоторыми рисками, в том числе следующего характера. Сочувствие к лицам, заявляющим о домогательствах, с каждым годом падает, поскольку людей всё меньше волнует явление сексуальных домогательств, которая перекрывается некоторой долей необоснованности по причине распространившихся ложных обвинений, как следствие, имеет место излишняя виктимизация¹⁸⁶.

В России правовая основа для надлежащего реагирования на общественно опасные проявления сексуальных домогательств отсутствует. Как справедливо отмечается, «к сожалению, в нашей стране совершенно не развито правовое регулирование в сфере харассмента»¹⁸⁷. Действительно, все подобные ситуации представляют собой, с точки зрения уголовного права, разновидности развратных действий. Последние криминализованы исключительно при их совершении в отношении лиц, не достигших

¹⁸⁵ Rechtsinformationen zu Sexuelle Belästigung – Dein Körper. Dein Recht. URL : <https://www.wien.gv.at/menschen/frauen/stichwort/gesundheit/dein-koerper-dein-recht/rechtsinformationen-sexuelle-belaestigung.html> (дата обращения: 12.01.2022)

¹⁸⁶ Zalesne D. Sexual Harassment Law: Has it Gone Too Far, or Has the Media? // Temple Political & Civil Rights Law Review. Vol. 8. 1999. p. 351.

¹⁸⁷ Кокорева В. Харассмент на работе. Анализ споров // Трудовое право. 2020. № 2. С. 43-50.

шестнадцатилетнего возраста (ст. 135 УК РФ). Вместе с тем представляется необоснованным игнорирование общественной опасности развратных действий в отношении взрослых, совершаемых в условиях отсутствия согласия потерпевшего, вопреки его воли.

Для охраны половой свободы личности от умышленных посягательств вопреки воли и без применения физического насилия (или угрозы им) российский уголовный закон содержит лишь один запрет, выраженный в составе понуждения к действиям сексуального характера. Однако его крайне недостаточно для достижения общественно значимых целей по обеспечению защищенности личной неприкосновенности каждого. Так, развратные действия отличаются от действий сексуального характера в традиции нормотворчества, правоприменения и доктрины именно отсутствием сексуального проникновения в тело потерпевшего и, нередко, отсутствием физического контакта.

Ограниченность ст. 133 УК РФ проявляется в узости объективной стороны¹⁸⁸ по причине и обязательных способов понуждения, и обязательного выдвижения требования о совершении действий сексуального характера для наличия основания уголовной ответственности.

В этой связи видится обоснованным предложение криминализовать сексуальные домогательства. Для этого существуют все необходимые предпосылки – как социальные, так и правовые.

При этом имеющиеся варианты новой нормы в доктринальных исследованиях сложно признать удачными. Как правило, харассмент и сексуальные домогательства понимаются учеными очень узко.

Так, И. М. Клейменов доказывает целесообразность включения ст. 133.1 УК РФ «Сексуальное домогательство». Диспозицию нормы ученый видит так: «Предложение об оказании сексуальных услуг при приеме на работу или на рабочем месте со стороны работодателя, его представителя или иного лица,

¹⁸⁸ Движение #MeToo год спустя // ВВС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-45247219/> (дата обращения: 18.12.21).

обладающего властными полномочиями»¹⁸⁹. Такой узкий подход едва ли можно назвать обоснованным, ведь он нацелен лишь на обеспечение уголовно-правовой охраны половой свободы лиц, участвующих в трудовых отношениях (причем только работников и претендентов на занятие должности), оставляя без надлежащей охраны половую свободу иных лиц¹⁹⁰.

На наш взгляд, перечисленные выше в социологическом ключе фактические обстоятельства, с учетом зарубежного опыта, могут быть сведены к потребности в криминализации тех сексуальных домогательств, которые выражены в совершении развратных действий вопреки воле и согласию потерпевшего, в том числе с применением психического насилия.

Под данный уголовно-правовой запрет подпадут наиболее общественно опасные формы сексуальных домогательств (харассмента). В частности, действия, выраженные в виде физических прикосновений сексуального характера, например, принудительные поцелуи, шлепки по ягодицам, намеренные прикосновения к женской груди, а также к половым органам, независимо от пола потерпевшего. Принимая во внимание, с одной стороны, распространенность такого поведения, с другой стороны, его очевидную недопустимость, криминализация сексуальных домогательств может двояким образом отразиться на реальных общественных отношениях: повлиять на нормы поведения в сторону действительного обеспечения неприкосновенности личности или стать средством очернения неугодных людей. Во всяком случае, на наш взгляд, результат будет в прямой

¹⁸⁹ Клейменов И. М. Сексуальное домогательство: криминологический и уголовно-правовой аспекты // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 42-54. С. 50.

¹⁹⁰ Для противодействия указанным проявлениям сексуальных домогательств в трудовом законодательстве предусмотрены соответствующие запреты. Например, ст. 16 «Гарантии на запрет сексуального домогательства и преследования лиц разного пола со стороны работодателя» Модельного закона о государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин, принятого в г. Санкт-Петербурге 18 нояб. 2005 г. предусматривает следующее правило: «Работодатель не имеет права подвергать работающих лиц независимо от пола сексуальному домогательству, а также давлению или преследованию в связи с отказом в его (ее) сексуальных домогательствах и в случае жалобы на работодателя в связи с половой дискриминацией на рабочем месте» (Модельный закон о государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин : Принят в г. Санкт-Петербурге 18 нояб. 2005 г. Постановлением 26-11 на 26-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2006. № 37. С. 328-341).

зависимости от эффективной и профессиональной работы правоохранительных органов. В этой связи любопытно заметить, что 70,5 % опрошенных нами практических работников усматривают криминальную общественную опасность в харассменте, тогда как 29,5 % – выразили сомнение в общественной опасности сексуальных домогательств (см.: приложение 1). Приведенные результаты отражают общий тренд на потребность в большей безопасности личности, в более полном обеспечении личной неприкосновенности, что, безусловно, следует поддержать и с позиций уголовно-правовой науки.

Наиболее оправданным и согласованным в имеющейся системе половых преступлений гл. 18 УК РФ будет включение приведенного запрета в содержание ч. 1 ст. 133 УК РФ, диспозицию которой нужно дополнить словами: *«...а равно сексуальные домогательства, то есть совершение развратных действий вопреки воле и согласию потерпевшего, в том числе с применением психического насилия»*. Это, безусловно, потребует корректирования наименования ст. 133 УК РФ, которое нужно представить как: *«Понуждение к действиям сексуального характера и сексуальные домогательства»*. Приведенный альтернативный признак состава позволит заполнить пробел в правовом регулировании в части признания преступными развратных действий без согласия потерпевшего, совершаемых в отношении лиц, старше шестнадцати лет.

Помимо этого, введение сексуальных домогательств в диспозицию ч. 1 ст. 133 УК РФ даст возможность более детальной оценки и учета различных фактических обстоятельств. Так, предлагаемая норма позволит обеспечить специальную регламентацию уголовной ответственности для случаев совершения развратных действий в отношении лиц, не достигших шестнадцати лет, в отсутствие согласия ребенка, вопреки его воли либо с применением психического насилия (например, демонстрация или прикосновения к половым органам лица под угрозой хищения смартфона). Последнее не должно охватываться половым преступлением,

предусмотренным ст. 135 УК РФ, так как ст. 135 УК РФ предусматривает ненасильственное половое посягательство.

Закрепление этого деяния именно в качестве альтернативного в рамках преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, подчеркнет отличительный признак запрета в сравнении с другими половыми преступлениями – нарушение половой свободы или неприкосновенности вопреки воле и согласию потерпевшего в отсутствие применения физического насилия или угрозы им. Указанное снимает квалификационные вопросы по разграничению сексуальных домогательств с изнасилованием, насильственными действиями сексуального характера (где имеет место физическое насилие или угроза им), развратными действиями (добровольными действиями и только в отношении лиц младше шестнадцати лет). В целом же предложение направлено на расширение уголовно-правовой охраны половой свободы и неприкосновенности личности от посягательств, имеющих и распространенных в действительности, но не охватываемых действующей редакцией запрета на понуждение к действиям сексуального характера и другими составами преступлений гл. 18 УК РФ.

В завершение параграфа подчеркнем его основные выводы.

1. Конструкция ст. 133 УК РФ существенно ограничивает пределы уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера. В сферу применения ст. 133 УК РФ не попадает понуждение к действиям сексуального характера, совершаемое иными, помимо указанных в ч. 1 ст. 133 УК РФ способами (например, под угрозой уничтожения информации), что можно расценивать как пробел в уголовном законе, требующий устранения. Остаются ненаказуемыми и общественно опасные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность, связанные с сексуальными домогательствами или обманом в личности партнера либо в характере совершаемых действий.

2. При решении вопроса о возможной криминализации действий сексуального характера, совершенных с использованием обмана, необходимо

учитывать, что обман деформирует волю человека на совершение действий сексуального характера. Вместе с тем не любой обман может рассматриваться в качестве способа сексуального посягательства. Если согласие другого человека на вступление в сексуальные отношения получено путем обмана в намерениях (например, заведомо ложное обещание жениться, подарить смартфон, оплатить туристическую поездку и т.п.), то совершение сексуальных действий с обманутым человеком не обладает необходимой для криминализации общественной опасностью. Иной оценки заслуживают действия сексуального характера, совершенные путем обмана в личности партнера (обманная замена партнера). Если женщина вступает в половую связь с мужчиной, который путем обмана выдает себя за ее сексуального партнера, используя внешнее сходство с ним (брат-близнец) или обстановку (полная темнота), то ее половая свобода грубо нарушается. Причем по степени общественной опасности содеянное примыкает к изнасилованию, хотя действующая редакция ст. 131 УК РФ эти действия не охватывает (за исключением случаев, когда обманная замена партнера сопряжена с использованием беспомощного состояния потерпевшей, например, обусловленным ее сильным опьянением).

3. Криминальной общественной опасностью обладают и сексуальные посягательства, осуществленные путем обмана в характере совершаемых действий, в частности, совершение сексуальных действий вместо несексуальных или сексуальных, но другого характера. К первым можно отнести те случаи, когда под предлогом поиграть в угадывание фруктов на вкус с закрытыми глазами, преступник подставляет жертве половой орган, совершая тем самым оральное проникновение. Ко вторым – случаи, когда при наличии согласия девушки на совершение полового акта в естественной форме, виновный, обманывая, совершает анальное проникновение.

4. Признавая высокую общественную опасность подобных действий и необходимость их криминализации, следует отметить, что их нельзя рассматривать в качестве разновидности понуждения к действиям

сексуального характера. Во-первых, понуждение предполагает выдвижение требования совершить сексуальные действия, сопровождаемое психическим насилием (угрозой), тогда как при уголовно-значимом сексуальном обмане используется иной механизм воздействия на потерпевшего. А во-вторых, действия сексуального характера, совершенные путем обмана, могут быть криминализованы лишь при условии их результативности, тогда как основной состав понуждения имеет формальную конструкцию. Исходя из этого, предлагается установить уголовную ответственность в самостоятельной норме – в ст. 133¹ УК РФ «Совершение сексуальных действий путем обмана». Диспозиция ч. 1 ст. 133¹ УК РФ смоделирована в следующем виде: «Совершение сексуальных действий путем обмана в личности партнера или в характере совершаемых действий без применения насилия или угрозы им». В качестве квалифицирующего признака I степени целесообразно предусмотреть совершение данного деяния в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а квалифицирующего признака II степени – в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

5. Общественный запрос на государственную реакцию в ответ на распространившиеся сексуальные домогательства, особенно в информационную эпоху, требует действенных мер для уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности. Современная редакция гл. 18 УК РФ не предоставляет полной и всесторонней защиты от сексуальных домогательств (харассмента), то есть уголовный закон «запаздывает» за стремительно трансформирующимися общественными отношениями. Со стороны социума и профессиональных сообществ сексуальные домогательства, то есть различные развратные действия, совершаемые вопреки воли партнера оцениваются крайне негативно. Однако со стороны государства соответствующая реакция отсутствует по причине пробельности нормативного регулирования.

Следовательно, наличествуют достаточные основания для расширения сферы применения состава понуждения к действиям сексуального характера.

6. Существует потребность в расширении уголовно-правового потенциала ст. 133 УК РФ за счет включения в нее сексуальных домогательств в качестве альтернативного деяния. При этом к сексуальным домогательствам, требующим уголовно-правового реагирования, предложено относить действия, выраженные в виде физических прикосновений сексуального характера (например, принудительные поцелуи, шлепки по ягодицам, намеренные прикосновения к женской груди, а также к половым органам не зависимо от пола потерпевшего). Исходя из этого, соответствующие действия предлагается криминализовать в рамках ч. 1 ст. 133 УК РФ, диспозицию которой нужно дополнить следующим образом: «...а равно сексуальные домогательства, то есть совершение развратных действий вопреки воле и согласию потерпевшего, в том числе с применением психического насилия». Это, безусловно, потребует корректирования наименования ст. 133 УК РФ, которое нужно представить так: «Понуждение к действиям сексуального характера и сексуальные домогательства».

7. Криминализация сексуальных домогательств позволит не только заполнить пробел в правовом регулировании в части признания преступными развратных действий без согласия потерпевшего, совершаемых в отношении лиц, старше шестнадцати лет (например, прикосновения к груди женщины в возрасте 17 или 30 лет вопреки её воли), но и обеспечить специальную регламентацию уголовной ответственности для случаев совершения развратных действий в отношении лиц, не достигших шестнадцати лет, но без согласия ребенка либо с применением психического насилия (например, демонстрация или прикосновения к половым органам лица под угрозой хищения смартфона).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами диссертационное исследование позволило сформулировать немало положений и выводов, представляющих теоретическую и прикладную ценность, которые в обобщенном виде сводятся к следующему.

1. Развитие отечественного уголовного законодательства демонстрирует прямую зависимость между уровнем более широкого признания, фактического соблюдения прав человека и более полной уголовно-правовой охраной половой свободы и неприкосновенности личности. В этой связи регламентация уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в дореволюционный и советский период была крайне бедной, неполной, односторонней. Формирование действующего уголовно-правового запрета на понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) имеет важные исторические предпосылки, а также обусловливается общественным развитием. Надо признать, что процесс развития этой нормы не сводится к периоду (1926-1996 гг.) с момента появления прежнего запрета на понуждение женщины к половым отношениям (УК РСФСР 1926 г.), поскольку важное влияние на достигнутый результат оказала вся эволюция уголовного законодательства о защите личности от половых преступлений. Вместе с тем выявленная тенденция обладает и негативным эффектом «запаздывания», что отражается в очевидном несоответствии уголовных норм общественному развитию – социальной эпохе. Крайне неполным и фрагментарным на сегодняшний день остается уголовно-правовой запрет, предусмотренный в ст. 133 УК РФ, которая по ряду параметров не отвечает сложившемуся уровню развития прав личности в сфере сексуальных отношений, не обеспечивает в полной мере конституционное право на неприкосновенность личности.

2. Зарубежный опыт криминализации понуждения к действиям сексуального характера показывает, что одни государства устанавливают

уголовную ответственность за принуждение как общий по отношению ко всем насильственным половым преступлениям запрет (например, уголовные законы Австрии, США, Швейцарии и др.). В отдельных случаях обнаруживаются самостоятельные составы полового преступления, связанного с отсутствием или дефектностью воли потерпевшего на совершение действий сексуального характера (Закон о половых преступлениях Англии, УУ Германии, УК Дании, УК Франции). Отмечается очевидная тенденция к обособленной криминализации сексуальных домогательств, не связанных с насилием и проникновением (Стамбульская конвенция, Закон о половых преступлениях Англии, УУ Германии, УК Франции).

3. Государствам постсоветского пространства, наоборот, присуще регулирование охраны половой свободы на недостаточном уровне по своему охвату преступных посягательств на неприкосновенность личности. Остается без уголовно-правового внимания, например, совершение действий сексуального характера без согласия, а также сексуальные домогательства (совершение развратных действий не образует преступного деяния, когда потерпевшим выступает лицо, достигшее 16-летнего возраста). Состав понуждения к действиям сексуального характера принято выделять в самостоятельную норму только с признаками шантажа, угрозы уничтожения или повреждения имущества, а также использования служебной или материальной (реже – иной) зависимости (иногда в их разных комбинациях).

4. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, следует признавать исключительно половую свободу личности. Тогда как половая неприкосновенность (наряду с половой свободой) подлежит охране квалифицированным и особо квалифицированным составами понуждения (ч. 2 и ч. 3 ст. 133 УК РФ). Дополнительным непосредственным объектом обоснованно признавать только те общественные отношения, которые страдают от выбранного виновным способа понуждения, в том числе честь и достоинство личности,

отношения собственности. Факультативным – которые не обязательно ставятся под угрозу, но могут быть «повреждены». В частности, речь может идти о здоровье личности – психическом здоровье, как это часто бывает в действительности.

5. Понуждение к действиям сексуального характера большинством ученых и практиков признается насильственным половым преступлением, в связи с внешним воздействием виновного посредством психического насилия на формирование вынужденного согласия потерпевшего для вступления в половой контакт. При этом представляется последовательной и та логика, в рамках которой отдельные исследователи относят данное преступление к группе ненасильственных половых преступлений, понимая под признаком насилия сугубо физическое насилие либо угрозу им, то есть такое содержание признака насилия, которое имеет место в преступлениях, предусмотренных ст. 131 и ст. 132 УК РФ в смысле, придаваемом высшей судебной инстанцией.

6. Понуждение обоснованно рассматривать как требование о совершении конкретных действий сексуального характера, подкрепленное шантажом, угрозами посягательства на собственность или использованием зависимости потерпевшего лица. Концом данного преступления в уголовно-правовом понимании, а следовательно, и содержанием понуждения является момент выражения собственно требования о совершении конкретных действий сексуального характера при наличии одного из способа – шантаж, угроза посягательства на собственность, использование зависимости.

7. В качестве обязательного признака субъективной стороны следует признать не только вину в форме прямого умысла, но и цель использования вынужденного согласия потерпевшего на совершение действий сексуального характера. Вопреки наиболее распространённому и сложившемуся в уголовно-правовой доктрине мнению, обязательный характер цели данного преступления позволит не только более точно применять данную норму, но и обеспечит разумный предел ее действия. Последнее послужит своеобразной подстраховкой от произвольного толкования, а также ограничит ее

применение в случаях отсутствия цели использовать согласие потерпевшего на вступление в половые отношения: например, для издевательства, запугивания, буллинга. О наличии специальной цели в составе понуждения говорит и Пленум Верховного Суда РФ в п. 15 Постановления от 04 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» в той части, в которой указывает на способы совершения этого преступления.

8. Для обеспечения уголовно-правовой охраны от принуждения к каким-либо действиям и от понуждения без цели использовать вынужденное согласие на вступление в половые отношения считаем целесообразным и назревшим установление общего уголовно-правового запрета. В связи с чем, принуждение как преступление, посягающее на свободу личности, ее неприкосновенность логично закрепить в гл. 17 УК РФ. На основании доктринальных и нормативных разработок, мы предлагаем следующую редакцию нормы – *de lege ferenda* ст. 128² УК РФ «Принуждение»: «Принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей)». Дифференциация ответственности за данное преступление требует серьезной проработки, учета квалифицирующих признаков потерпевшего, применения насилия, использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет и других.

9. Дифференциация уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера ограничивается несовершеннолетним возрастом потерпевшего (ч. 2 ст. 133 УК РФ), что представляет собой квалифицирующий признак I степени, так как и все квалифицирующие признаки II степени, закрепленные в ч. 3 ст. 133 УК РФ, распространяются только на случаи понуждения несовершеннолетнего (несовершеннолетних). Как следствие, игнорируется дифференциация уголовной ответственности для случаев понуждения лица восемнадцатилетнего возраста при наличии тех или

иных отягчающих ответственность обстоятельств. Кроме этого, законодатель не объясняет в пояснительных записках и осуществляемой уголовной политике необходимость включения одних признаков наряду с нецелесообразностью отражения других в структуре рассматриваемой статьи.

10. Определение дифференциации уголовной ответственности по признаку несовершеннолетнего потерпевшего в уголовно-правовом смысле оказывает недооцененное влияние на характеристику субъекта квалифицированного и особо квалифицированного состава понуждения к действиям сексуального характера. В уголовном законе не учтено и судебной практикой не скорректировано понимание субъекта в тех случаях, когда обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность, признается несовершеннолетний возраст потерпевшего (потерпевшей). Требуют нормативного разрешения также и те случаи, когда понуждение несовершеннолетнего (несовершеннолетней) совершается лицом, не достигшим возраста восемнадцати лет. В частности, когда несовершеннолетним в возрасте 16 лет совершается понуждение несовершеннолетнего в возрасте 17 лет (или 16 лет), что, очевидно, должно подлежать иной уголовно-правовой оценке, чем понуждение им же несовершеннолетнего в возрасте 12 лет. Для справедливого разрешения указанных ситуаций следует внести коррективы в текст уголовного закона, где при дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 133 УК РФ предусмотреть отягчающий ответственность признак потерпевшего с учетом системного понимания возможных фактических обстоятельств и нормативной системы уголовного законодательства.

11. Составы преступления, предусмотренные ст. 133 УК РФ (ч. 1 – ч. 3), хотя и посягают на половую свободу и половую неприкосновенность личности, напрямую же не причиняют ей вреда, но ставят это правоохраняемое благо (общественные отношения в области половой жизни личности) под угрозу. Свидетельством чему служит их формальный характер конструкции. Законодателем игнорируются те случаи, где такие действия всё

же приводят к фактическому выполнению воли виновного в полном объеме, то есть преступник не только получает вынужденное согласие на вступление в половые отношения, но и реально воплощает задуманное. Именно в последнем случае, половой свободе, поставленной под угрозу понуждением, причиняется реальный вред – она нарушается, страдает объект уголовно-правовой охраны. В связи с этим более последовательным видится установление в качестве отягчающего уголовную ответственность за данное преступление обстоятельства признать результативное понуждение. Тем самым будет восполнен пробел уголовного закона, который безосновательно всё ещё не видит общественной опасности вынужденного фактического совершения действий сексуального характера.

12. Таким образом, новая редакция ст. 133 УК РФ с учетом доктринальных изысканий и системного анализа уголовного закона в части дифференциации уголовной ответственности может выглядеть следующим образом:

«2. То же деяние:

а) совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) совершенное в отношении двух или более лиц;

в) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", – ...

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, если оно:

а) повлекло совершение действий сексуального характера при вынужденном согласии потерпевшего (потерпевшей);

б) совершено в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, –

наказывается лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до восьми лет или без такового.

4. Деяние, предусмотренное пунктом «а» части третьей настоящей статьи, если оно совершено в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, –

наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового.

5. Деяние, предусмотренное частями первой - четвертой настоящей статьи, совершенное в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста, –

наказывается лишением свободы на срок от четырех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового.

6. Деяние, предусмотренное пунктом «б» части третьей, а также четвертой и пятой частью настоящей статьи, совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (несовершеннолетней), –

наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового.

13. Для целей верной уголовно-правовой квалификации понуждения следует определить, что способы, описанные в ч. 1 ст. 133 УК РФ, могут быть обращены как к самому лицу, понуждаемому к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального

характера, так и к третьим лицам, при условии, что шантаж, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества способны понудить к действиям сексуального характера. Например, понуждение несовершеннолетней девушки к половому сношению путем угрозы повреждения или изъятия автомобиля, принадлежащего ее родителям.

14. Фактическая реализация угроз (распространения порочащих сведений, изъятия, повреждения, уничтожения имущества), примененных для понуждения потерпевшего (потерпевшей), требует дополнительной квалификации, потому что не включается в содержание объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ. В некоторых случаях, использование зависимости также требует дополнительной квалификации, когда содержит признаки, подпадающие под преступления против другого объекта уголовно-правовой охраны, в том числе использование иной зависимости от представителя власти подлежит дополнительной квалификации в качестве должностного преступления.

15. Потребность в дифференциации уголовной ответственности за совершение результативного понуждения к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера не может быть компенсирована дополнительным вменением преступлений, предусмотренных ст. 134 или ст. 135 УК РФ. Во-первых, применение названных норм возможно только при совершении преступления в отношении лица, не достигшего шестнадцати лет, тогда как половая свобода других лиц остается без дифференциации в случаях результативного понуждения. Во-вторых, приведенные нормы предназначены для уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, в случаях добровольного совершения полового сношения, мужеложства, лесбиянства, развратных действий, а понуждение к действиям сексуального характера является проявлением с психическим насилием для получения вынужденного согласия.

16. Единое продолжаемое преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ, имеет место в тех случаях, когда действия, направленные на понуждение к действиям сексуального характера, охватываются единым умыслом виновного, являются юридически тождественными (альтернативными способами), обладают общностью цели в виде получения согласия на совершение определенных действий сексуального характера, совершены в непродолжительный промежуток времени в отношении одного и того же лица. К обстоятельствам, исключаящим продолжаемое преступление, следует относить выполнение ряда тождественных результативных понуждений к действиям сексуального характера, изменение содержания требования о совершении действий сексуального характера (сначала полового сношения, затем иных действий сексуального характера).

17. Историко-правовая традиция и зарубежный опыт, а также социальный запрос общества, – все это требует расширения пределов применения состава понуждения для случаев уголовно-правового противодействия общественно опасным действиям в половой сфере, выраженным в харассменте. Действующая редакция ст. 133 УК РФ (и в целом – гл. 18 УК РФ) не предусматривает уголовную ответственность за развратные действия в отношении взрослых лиц, а также оставляет без внимания, то есть вне действия уголовного закона, криминальные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность, связанные с обманом в личности партнера либо с обманом в характере совершаемых действий.

18. Действия сексуального характера, совершенные в связи с применением виновным обмана в личности партнера (обманная замена партнера) или обмана в характере совершаемых действий (совершение анального полового акта вместо вагинального либо совершение сексуальных действий вместо оговоренных несексуальных) подлежат криминализации в самостоятельной норме ст. 133¹ УК РФ «Совершение сексуальных действий путем обмана». При этом обман в намерениях (заведомо ложное обещание жениться, сделать подарок и т.п.) не может рассматриваться в качестве

способа преступного сексуального посягательства (это отражается в предлагаемой редакции новой статьи о половом преступлении).

19. Общественный запрос на государственную реакцию в ответ на распространившиеся сексуальные домогательства, особенно в информационную эпоху, требует действенных мер для уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности. Со стороны социума и профессиональных сообществ сексуальные домогательства, то есть различные развратные действия, совершаемые вопреки воли партнера, оцениваются крайне негативно. Однако со стороны государства соответствующая реакция отсутствует по причине пробельности нормативного регулирования. Следовательно, наличествуют достаточные основания для расширения сферы применения состава понуждения к действиям сексуального характера.

20. На основании близкой уголовно-правовой сущности понуждения к действиям сексуального характера как преступления, направленного на охрану половых отношений, в том числе путем признания преступным принуждения к половым контактам без использования физического насилия или угрозы им, но и при отсутствии воли и согласия потерпевшего на это, предлагается криминализовать сексуальные домогательства в рамках запрета на понуждение к действиям сексуального характера, то есть в ст. 133 УК РФ. Норму следует дополнить словами: «...а равно сексуальные домогательства, то есть совершение развратных действий вопреки воле и согласию потерпевшего, в том числе с применением психического насилия». Это, безусловно, потребует корректирования наименования ст. 133 УК РФ, которое нужно представить так: «Понуждение к действиям сексуального характера и сексуальные домогательства».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ**Нормативные правовые акты:**

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 окт. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 25.03.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : федер. закон от 29 фев. 2012 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 10. – Ст. 1162.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 06 марта 2022 г. № 38-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 10. – Ст. 1395.
5. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств : принята 20.10.2007. – URL : <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=201> (дата обращения: 30.01.2022)
6. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием : принята в Стамбуле, 11.05.2011. – URL : <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 30.01.2022)

7. Закон о половых преступлениях Англии от 20.11.2003) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 12.01.2022)
8. Кодекс США [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2242> (дата обращения: 24.01.2022)
9. Уголовный кодекс Австрии (с изменениями и дополнениями от 01.08.2013) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jusline.at/gesetz/stgb/paragraf/202> (дата обращения: 24.01.2022)
10. Уголовный кодекс Азербайджана от 30 дек. 1999 г. (с изменениями и дополнениями от 27.12.2021) [Электронный ресурс]. – URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=1755;-49 (дата обращения: 14.01.2022)
11. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. № 2287-вс (с изменениями и дополнениями от 30.12.2021) [Электронный ресурс]. – URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf> (дата обращения: 16.01.2022)
12. Уголовный кодекс Дании от 27 сентября 2005 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legislationline.org> (дата обращения: 18.12.2021)
13. Уголовный кодекс Канады от 1985 г. (с изменениями и дополнениями от 27.08.2021) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legislationline.org/download/id/9922/file/CAN_CC_1985_as%20of%202021.pdf (дата обращения: 18.12.2021)
14. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 года (с изменениями и дополнениями от 01.11.2016) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 16.01.2022)
15. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (с изменениями и дополнениями от 05.01.2022) [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 14.01.2022)

16. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями от 10.01.2022) [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 16.01.2022)

17. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // Национальной базы данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/docs/111457> (дата обращения: 15.03.2022)

18. Уголовный кодекс Украины от 2001 года (с изменениями и дополнениями от 15.12.2021) [Электронный ресурс]. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2341-14#Text> (дата обращения: 16.01.2022)

19. Уголовный кодекс Франции (с изменениями и дополнениями от 06.08.2018) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000043409030/ (дата обращения: 24.01.2022)

20. Уголовный кодекс Швейцарии от 21 декабря 1937 года (с изменениями и дополнениями от 01.01.2022) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/de (дата обращения: 26.01.2022)

21. Уголовное уложение Германии от 13.11.1998 (с изменениями и дополнениями от 22.11.2021) [Электронный ресурс]. – URL: <https://dejure.org/gesetze/StGB/177.html> (дата обращения: 24.01.2021).

22. Модельный закон о государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин : принят в г. Санкт-Петербурге 18 нояб. 2005 г. Постановлением 26-11 на 26-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2006. – № 37. – С. 328-341.

23. Модельный уголовный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств : Рекомендательный законодательный акт : принят в г. Санкт-Петербурге 17 фев. 1996 г. Постановлением 7-5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // СПС «КонсультантПлюс».

Материалы судебной практики:

24. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 2.

25. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февр. 2011 г. № 1 : в ред. от 29 нояб. 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 4.

26. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 дек. 2014 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 2.

27. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 8. (Утратил силу)

28. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 06.05.1998 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 9.

29. Кассационное определение Свердловского областного суда от 23 мая 2007 г. по делу № 22-4759/2007 // Официальный сайт суда. – URL: http://www.ekboblsud.ru/show_doc.php?id=21697 (дата обращения: 23.09.2021)

30. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 09 сент. 2019 г. по делу № 22К-6292/2019 // Официальный сайт суда. – URL: <https://kraevoi--krd.sudrf.ru> (дата обращения: 12.02.2022)

31. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-6160/2020 от 03 дек. 2020 г. по делу № 1-16/2020 // Судакт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6hkR7eVOrAYC> (дата обращения: 02.03.2022)

32. Постановление 35-ого гарнизонного военного суда г. П-Камчатский Камчатского края от 27 июня 2019 г. по делу № 1-29/2019 // Судакт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2022)

33. Постановление мирового судьи судебного участка № 35 г. Хасавюрта Республики Дагестан от 23 июня 2011 г. // Судакт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2022)

34. Приговор мирового судьи судебного участка № 50 Ванинского района Хабаровского края от 24 мая 2011 г. по делу № 1- 7/2011 // Судакт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2022)

35. Приговор мирового судьи судебного участка № 25 г. Избербаша Республики Дагестан от 25 мая 2011 г. // Судакт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2022)

36. Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Кировского района г. Махачкалы Республики Дагестан от 18 апр. 2012 г. // Судакт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2022)

37. Приговор Боровского районного суда Калужской области от 25 фев. 2013 г. по делу № 1-29/2013 // Судакт. – URL : <https://sudact.ru> (дата обращения: 29.03.2022)

38. Приговор Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28 нояб. 2013 г. по делу № 1-822/2013 // Судакт. – URL : <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2022)

39. Приговор мирового судьи судебного участка № 105 г. Кизляра Республики Дагестан от 7 фев. 2013 г. по делу № 1-10/2013 // Судакт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2022)

40. Приговор мирового судьи судебного участка № 108 г. Хасавюрта Республики Дагестан от 24 окт. 2013 г. по делу № 1-9/2013 // Судакт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2022)

41. Приговор Дербентского районного суда Республики Дагестан от 31 окт. 2014 г. по делу № 1-104/2014. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 28.03.2022)

42. Приговор мирового судьи судебного участка № 7 Ленинского района г. Махачкалы от 11 сент. 2014 г. по делу № 1-21/2014 // Судакт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2022)

43. Приговор мирового судьи судебного участка № 8 г. Старый Оскол Белгородской области от 27 янв. 2014 г. // Судакт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2022)

44. Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 28 янв. 2019 г. по делу № 1-33/2019 // Судакт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oKppG0tj4Eos> (дата обращения: 16.04.2022)

45. Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 27 янв. 2022 г. // Хасавюртовский городской суд : официальный сайт. – URL: <https://hasavjurt-gs--dag.sudrf.ru/> (дата обращения: 28.03.2022)

46. Приговор Центрального районного суда г. Тулы от 21 мая 2014 г. по делу № 1-95/2014 // Судакт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.02.2022).

Научная и учебная литература:

47. Алихаджиева, И. С. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и вовлечение в занятие проституцией: возможна ли квалификация по совокупности? / И. С. Алихаджиева // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 7-10.

48. Артюшина, О. В. Насильственная преступность и IT-технологии / О. В. Артюшина // Lex russica. – 2019. – № 9. – С. 77-84.

49. Байбарин, А. А. Половые преступления : учебное пособие / А. А. Байбарин, А. А. Гребеньков. – Курс : Юго-Зап. гос. ун-т, 2013. – 110 с.
50. Безверхов, А. Г. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности / А. Г. Безверхов // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 8–24.
51. Бимбинов, А. А. Ненасильственные половые преступления : монография / А. А. Бимбинов. – М. : Проспект, 2017. – 160 с.
52. Бимбинов А. А. Трансформация уголовного законодательства германии об ответственности за сексуальные преступления / А. А. Бимбинов // Вестник Костромского государственного университета. – 2021. – Т. 27. – № 4. – С. 181-185.
53. Бобнева, М. И. Социальные нормы и регуляция поведения / М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. – М. : Наука, 1978. – 312 с.
54. Борисова, О. В. Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера / О. В. Борисова // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 27-29.
55. Борков, В. Н. Актуальные проблемы квалификации превышения должностных полномочий / В. Н. Борков // Уголовное право. – 2016. – № 4. – С. 4-8.
56. Ведерникова О. Особенности харассмента в России – слово есть, а явления нет? / О. Ведерникова // Кадровик.ру: электрон. журн. – 2014. – № 8. – С. 1-10.
57. Галиакбаров, Р. Р. Уголовное право. Общая часть : учебник / Р. Р. Гилакбаров. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. аграрн. ун-та, 1999. – 280 с.
58. Гаухман, Л. Д., Максимов, С. В. Преступления в сфере экономической деятельности / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. – М. : ЮрИнфоР, 1998. – 296 с.
59. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 448 с.

60. Геннадиев, В. Д. Защита по делам о половых преступлениях / В. Д. Геннадиев. – Л., 1977. – 77 с.
61. Гертель, Е. В. Виды психического насилия / Е. В. Гертель // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 3 (46). – С 16–20.
62. Гишинский, Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. И. Гишинский. – СПб. : Алетейя, 2021. – 600 с.
63. Гладких, В. И. Некоторые проблемы уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних / В. И. Гладких // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 2. – С. 69–76.
64. Гнилицкая, Д. А. Становление ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в уголовном законодательстве России / Д. А. Гнилицкая // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 1 (73). – С. 135–139.
65. Гусарова, М. В. Анализ наказаний за преступления сексуального характера и пути их оптимизации / М. В. Гусарова // Российский судья. – 2022. – № 1. – С. 19–22.
66. Долинская, В. В., Шишко, И. В. Обманные действия по ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации / В. В. Долинская, И. В. Шишко // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 3. – С. 127–142.
67. Дремлюга, Р. И., Крипакова, А. В. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? / Р. И. Дремлюга, А. В. Крипакова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 3. – С. 161–169.
68. Дубницкая, А. В. Криминологическая оценка психического насилия: понятие и типология / А. В. Дубницкая // Общество и право. – 2020. – № 4 (74). – С. 24–28.

69. Дубницкая, А. В. Проблема профилактики виктимного и преступного поведения несовершеннолетних, ставших жертвами сексуального насилия / А. В. Дубницкая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 7. – С. 95–100.

70. Дьяченко, А. П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений / А. П. Дьяченко. – М., 1995. – 68 с.

71. Дядькин, О. Н., Ахмедов М. Н. Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера / О. Н. Дядькин, М. Н. Ахмедов // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 3. (48). – С. 73–78.

72. Есаков, Г. А., Рарог, А. И., Чучаев, А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. – М. : Велби, Проспект, 2007. – 576 с.

73. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право / А. Э. Жалинский. – М. : Велби; Проспект, 2006. – 560 с.

74. Залов, А Ф. Проблемы квалификации продолжаемых изнасилований / А. Ф. Залов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. – № 1 (27). – С. 27–38.

75. Захарова Н. М., Милехина А. В. Особенности психических расстройств у пострадавших от преступлений против половой неприкосновенности личности / Н. М. Захарова, А. В. Милехина // Психология и право. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 89–98.

76. Изотова, М., Островецкая, Ю. Проблемы применения законодательства об ответственности за ненасильственные сексуальные посягательства на несовершеннолетних / М. Изотова, Ю. Островецкая // Уголовное право. – 2013. – № 4. – С. 15-21.

77. Исаев, Н. А. Сексуальные преступления как объект криминологии / Н. А. Исаев. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 486 с.

78. Исакова, Ю. И., Миллеров, Е. В. О некоторых вопросах квалификации и расследования понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) / Ю. И. Исакова, Е. В. Миллеров // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 10 (137). – С. 97–98.

79. Каменсков, М. Ю., Ткаченко, А. А. Психические расстройства у несовершеннолетних жертв сексуального насилия / М. Ю. Каменсков, А. А. Ткаченко // Психическое здоровье. – 2014. – № 11. – С. 33-38.

80. Квалификация преступлений: учеб, пособие / под ред. д-ра юрид. наук, доц. К. В. Ображиева, д-ра юрид. наук, проф. Н. И. Пикурова. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 352 с.

81. Кибальник, А. Г. Судебные подходы к квалификации сексуальных преступлений / А. Г. Кибальник // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 58–60.

82. Кибальник, А. Г. Квалификация преступлений против личной свободы в новом постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. – 2020. – № 2. – С. 39-43.

83. Кибальник, А. Г. Уголовный проступок и его правовые последствия / А. Г. Кибальник // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 65-68.

84. Клейменов, И. М. Сексуальное домогательство: криминологический и уголовно-правовой аспекты / И. М. Клейменов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 32. – С. 42–54.

85. Климкин, В. Н. Насильственные действия сексуального характера в уголовном законодательстве России (актуальные проблемы квалификации) / В. Н. Климкин // Вестник Академии права и управления. – 2021. – № 1 (62). – С. 36-39.

86. Кокорева, В. Харассмент на работе. Анализ споров / В. Кокорева // Трудовое право. – 2020. – № 2. – С. 43–50.

87. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. – М. : Проспект, 2010. – 1392 с.

88. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков и др.; отв. ред. А. И. Рарог. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2011. – 824 с.

89. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Р. О. Долотов и др.; под ред. Г. А. Есакова. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2021. – 816 с.

90. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. – М. : Юрайт, 2017. – Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII. 371 с.

91. Коновалов, Н. Н. Понимание зависимости как способа совершения понуждения к действиям сексуального характера / Н. Н. Коновалов // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 19-22.

92. Коновалов, Н. Н. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера / Н. Н. Коновалов // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 216–218.

93. Коновалов, Н. Н. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера / Н. Н. Коновалов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 216-218.

94. Коняхин В., Оберемченко А. Квалификация развратных действий в условиях применения к потерпевшему насилия или использования его беспомощного состояния / В. Коняхин, А. Оберемченко // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 37-41.

95. Коняхин, В. П. Развратные действия / В. П. Коняхин // Законность. – 2008. – № 12. – С. 16-17.

96. Котельникова О. А., Загорьян С. Г., Стешич Е. С. Некоторые проблемные вопросы квалификации развратных действий (ст. 135 УК РФ) // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 4 (99). – С. 68-71.

97. Корецкий Д. А., Стешич Е. С. Уголовно-правовые аспекты профилактической деятельности в условиях «новой нормальности» // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2022. – № 476. – С. 248-256.

98. Коргутлова, Т. А. Половые преступления: теоретические и практические аспекты / Т. А. Коргутлова // Современное право. – 2009. – № 10. – С. 138-144.

99. Коробеев, А. И. Советская уголовная политика, проблемы криминализации и пенализации / А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 268 с.

100. Краев, Д. Ю. Основные признаки продолжаемого преступления / Д. Ю. Краев // Законность. – 2021. – № 4. – С. 44-52.

101. Красиков, А. Н. Преступления против личности / А. Н. Красиков. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 232 с.

102. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / И. С. Власов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина и др.; отв. ред. В. П. Кашепов. – М. : ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2018. – 280 с.

103. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления : монография / В. Н. Кудрявцев. – М. : Госюриздат, 1960. – 244 с.

104. Кулагин, А. Н., Ображиев К. В. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы нормативной регламентации и квалификации : монография / А. Н. Кулагин, К. В. Ображиев. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 152 с.

105. Куликов, А. В. Многообъектные конструкции в уголовном праве / А. В. Куликов // Российский юридический журнал. – 2020. – № 1. – С. 82–87.

106. Леонова, Т. В. Проблемы ограничения действий, связанных с половым посягательством на несовершеннолетних / Т. В. Леонова // Современное право. – 2009. – № 1. – С. 88–91.

107. Михайленко, И., Силаев, С. О продолжаемых преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы / И. Михайленко, С. Силаев // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 72–75.

108. Мотин, А. В. Квалификация половых преступлений : монография / А. В. Мотин. – М. : Изд-во Триумф, Лучшие книги, 2019. – 231 с.

109. Несвит, Е. А. Уголовный проступок: от идеи к комплексной реформе деликтного законодательства Российской Федерации / Е. А. Несвит // Мировой судья. – 2018. – № 8. – С. 28–37.

110. Ображиев К. В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления / К. В. Ображиев // Законность. – 2016. – № 8 (982). – С. 29-30.

111. Полковников, Р. М. Эволюция законодательства об ответственности за изнасилование в дореволюционный период / Р. М. Полковников // European Research. – 2015. – № 2. – С. 43–52.

112. Полубинская С. В. Учет социально-психологических обстоятельств при объявлении деяний преступными / С. В. Полубинская // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М., 1981. – С. 62–69.

113. Попов А. Н. О новеллах в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности" / А. Н. Попов // Уголовное право. – 2016. – № 2. – С. 72–78.

114. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних» : паспорт проекта федерального закона № 388776-7 //

Система обеспечения законодательной деятельности. – URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7> (дата обращения: 12.04.2022)

115. Преступления против личности : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / А. Г. Кибальник [и др.] ; отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 118 с.

116. Проблемы квалификации преступлений : монография / под ред. К. В. Образиева, Н. И. Пикурова. – М. : Проспект, 2018. – 464 с.

117. Пряхина, Н. И., Щепельков, В. Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений / Н. И. Пряхина, В. Ф. Щепельков // КриминалистЪ. – 2011. – № 1 (8). – С. 6-11.

118. Пудовочкин, Ю. Е. Ненасильственные половые посягательства на лиц, не достигших 14 лет / Ю. Е. Пудовочкин // Законность. – 2002. – № 4. – С. 46-47.

119. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 248 с.

120. Пудовочкин, Ю. Е., Дорогин, Д. А. Учение о преступлении и о составе преступления : учебное пособие / Ю. Е. Пудовочкин, Д. А. Дорогин. – М. : РГУП, 2017. – 224 с.

121. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2003. – 279 с.

122. Российское законодательство X–XX вв. в 9 томах / Под общей ред. О. И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1984. – Т. 3. – 430 с.

123. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. – М. : КОНТРАКТ, 2014. – 560 с.

124. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. – М. : КОНТРАКТ, 2015. – 928 с.

125. Сабитов, Р. А. Криминальные обманы и фальсификации: монография / Р. А. Сабитов. – М., 2019. – 472 с.

126. Соколова, О. В. Уголовно-правовой запрет инцеста: теоретические подходы российской и немецкой науки / О. В. Соколова // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 2 (35). – С. 96–99.

127. Степанова, О. Ю. Спорные моменты дифференциации уголовной ответственности за сексуальные преступления в отношении детей и подростков / О. Ю. Степанова // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 2. – С 178–182.

128. Стетюха, М. П. Эволюция понятия половых (сексуальных) преступлений в уголовно-правовой науке России / М. П. Стетюха // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 9 (99). – С. 118-122.

129. Стешич, Е. С. Криминология гомицида: монография / Е. С. Стешич – М.: Юрлитинформ, 2019. – 496 с.

130. Стешич, Е. С. Защита жизни как высшей конституционной ценности: идеальное и реальное / Е. С. Стешич // Российская юстиция. – 2022. – № 6. – С. 5-9.

131. Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Н. С. Таганцев. – СПб., 1892. – 922 с.

132. Ткаченко, В. И. Квалификация преступлений против жизни и здоровья по советскому уголовному праву / Под ред.: Б. В. Здравомыслова. – М. : РИО ВЮЗИ, 1977. – 100 с.

133. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников, А. В. Бриллиантов, О. А. Вагин и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2015. – 1184 с.

134. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности : учебник для вузов / под общ. ред. В. И. Гладких, А. К. Есяяна. – М. : Юрайт, 2020. – 207 с.

135. Хлынцов, М. Н. Расследование половых преступлений / М. Н. Хлынцов. – Саратов : Саратов. юрид. ин-т им. Д. И. Курского, 1965. – 170 с.

136. Шарапов, Р. Д. Теоретические основы квалификации насильственных преступлений : монография / Р. Д. Шарапов. – Тюмень, 2013. – 236 с.

137. Шевелева, С. В. Принуждение как общественно опасное деяние / С. В. Шевелева // Lex russica. – 2017. – № 12. – С. 68-83

138. Яковлев, А. М. Преступность и социальная психология / А. М. Яковлев. – М. : Юрид. лит, 1971. – 248 с.

139. Яковлев, Я. М. Половые преступления : монография / Я. М. Яковлев. – Душанбе : ИРФОН, 1969. – 453 с.

Диссертации и авторефераты:

140. Антонов Д. А. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук / Д. А. Антонов. М., 2001. – 182 с.

141. Арямов А. А. Уголовно-правовая категория «зависимость» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Арямов. – Свердловск, 1991. – 17 с.

142. Гнилицкая, Д. А. Уголовно-правовые и социокриминологические аспекты ответственности за понуждение женщины к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук / Д. А. Гнилицкая. – Ростов н/Д, 2011. – 210 с.

143. Залов, А. Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ф. Залов. – Тюмень, 2017. – 223 с.

144. Игнатова А. А. Уголовная ответственность за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. А. Игнатова. – М., 2015. – 207 с.

145. Котельникова Е. А. Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Котельникова. – Нижний Новгород, 2007. – 31 с.

146. Кочетов, Р. М. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: систематизация и законодательное регулирование : дис. ... канд. юрид. наук / Р. М. Кочетов. – Казань, 2019. – 204 с.

147. Кулагин А. Н. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Кулагин. – М., 2018. – 208 с.

148. Скрипова, И. И. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: компаративное исследование : дис. ... канд. юрид. наук / И. И. Скрипова. – М., 2021. – 181 с.

149. Степанова О. Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: совершенствование законодательной регламентации и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук / О. Ю. Степанова. – СПб., 2018. – 286 с.

150. Цэнгэл, С. Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук / С. Д. Цэнгэл. – СПб., 2005. – 220 с.

Электронные ресурсы:

151. «Я видел, как женщин просто лапали»: очевидцы осуждают сексуальные домогательства на «Стад де Франс» // Иносми [Электронный ресурс]. – URL: <https://inosmi.ru/20220603/khuliganstvo-254404041.html> (дата обращения: 05.06.2022)

152. В Великобритании за сексуальные домогательства арестован член парламента страны // Новый день [Электронный ресурс]. – URL: <https://newdaynews.ru/incidents/759239.html> (дата обращения: 30.05.2022)

153. Движение #MeToo год спустя // BBC. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45247219/> (дата обращения: 18.12.21).

154. Домогательства в Сети: почему закон бездействует? // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vrn.kp.ru/daily/28332/4477824/> (дата обращения: 05.06.2022)

155. История российской проституции: «Тревоги за половую жизнь страны нет» // МК.ру [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/social/2019/01/02/istoriya-rossiyskoj-prostituticii-trevogi-za-polovuyu-zhizn-strany-net.html> (дата обращения: 12.03.2022)

156. Новое масштабное исследование ООН рисует страшную картину насилия против женщин // ООН [Электронный ресурс]. – URL : <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1398312> (дата обращения: 30.01.2022).

157. Сексуальные домогательства в Казахстане и мире – 11 вопросов и ответов // Factcheck.kz : официальный сайт СМИ [Электронный ресурс]. – URL: <https://factcheck.kz> (дата обращения: 05.06.2022)

158. Сексуальные домогательства на работе: российская специфика // Ведомости [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 05.06.2022)

159. Тема насилия встречается только в новостях // Новая газета [Электронный ресурс]. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/12/04> (дата обращения: 05.06.2022)

160. SpaceX заплатила \$250 тыс., чтобы скрыть сексуальные домогательства Илона Маска к бывшей стюардессе // Inc [Электронный ресурс]. – URL: <https://incrussia.ru/news/musk-sexual-misconduct/> (дата обращения: 30.05.2022)

Источники на иностранном языке:

161. Biedermann J, Volbert R. Empirische Erkenntnisse zur Reform des Sexualstrafrechts in Bezug auf die §§ 177 und 184 i StGB und daraus resultierende Schlussfolgerungen für die Vernehmungsgestaltung // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. – 2020. – № 103 (4). – S. 250-268.

162. Eisele J. Das neue Sexualstrafrecht // RPsych Rechtspsychologie. 2017. Vol. 3. №. 1. С. 7-30.
163. Falk P. J. Not Logic, but Experience: Drawing on Lessons from the Real World in Thinking About the Riddle of Rape-by-Fraud // YALE L.J. 353, 365. 2013.
164. Finkelhor D., Yllö K. License to Rape: Sexual Abuse of Wives. USA : Free Press, 1987. 258 p.
165. Harduf A., Saif-Alden Wattad M. The Law of Rights and the Law of Wrongs // Criminalizing Adult Incest. – November 25. – 2019.
166. Harduf A. Criminal Law's Normative Schizophrenia: Personal Autonomy, Fraudulent Sex, and Intimate Abuse (August 17, 2020). – URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3675340> (дата обращения: 21.02.2022)
167. Hörnle T. Das Gesetz zur Verbesserung des Schutzes sexueller Selbstbestimmung // Neue Zeitschrift für Strafrecht. – 2017. – № 1. – S. 13–21.
168. Jean-Richard-dit-Bressel M. Delikte gegen die sexuelle Integrität (Art. 187-200 StGB) // Strafrecht BT I (FS16 Gruppe 3) [Электронный ресурс]. URL : <https://www.ius.uzh.ch/> (дата обращения: 12.01.2022)
169. R v R (Rape: marital exemption) [1991] 4 All ER 481 // Loveland, Ian. Constitutional law, administrative law, and human rights: a critical introduction. Oxford University Press, 2018. – URL: <https://learninglink-oup-com.translate.google/static/5c0e79ef50eddf00160f35ad/casebook> (дата обращения: 12.01.2022)
170. Rabe H. Sexualisierte Gewalt im reformierten Strafrecht. Ein Wertewandel – zumindest im Gesetz // Politik und Zeitgeschichte. – 2017. – Vol. 67 (4). – S. 27–32.
171. Rapport fait au nom de la Commission des lois Constitutionnelles, de la Législation et de L'administration Générale de la République, sur la proposition de loi, adoptée par le Sénat [Электронный ресурс]. – URL : https://www.dalloz-actualite.fr/sites/dallozactualite.fr/files/resources/2021/03/rapport_de_la_commission_des_lois_de_lassemblee.pdf (дата обращения: 18.12.2021)

172. Rechtsinformationen zu Sexuelle Belästigung – Dein Körper. Dein Recht. – URL: <https://www.wien.gv.at/menschen/frauen/stichwort/gesundheit/dein-koerper-dein-recht/rechtsinformationen-sexuelle-belaestigung.html> (дата обращения: 12.01.2022)

173. Regina v. Devonald [2008] EWCA Crim 527 // England and Wales Court of Appeal (Criminal Division) Decisions [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2008/527.html> (дата обращения: 18.12.2021)

174. Regina v. Gareth Linekar [1995] 2 CAR 49 // England and Wales Court of Appeal (Criminal Division) Decisions [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/1994/2.html> (дата обращения: 20.12.2021)

175. Rohmann J. A. Das neue Sexualstrafrecht – Eine aussagepsychologische Perspektive // Praxis der Rechtspsychologie. – 2017. – Vol. 27 (1). – S. 27–45.

176. Rubinfeld J. The Riddle of Rape-by-Deception and the Myth of Sexual Autonomy // 123 YALE L.J. 1372 1379, 1402–03. 2013.

177. Seal L. Sexual Violence // Gender, Crime and Justice. Springer Nature, Switzerland AG. 2022. – P. 61

178. Zalesne D. Sexual Harassment Law: Has it Gone Too Far, or Has the Media? // Temple Political & Civil Rights Law Review. – 1999. – Vol. 8. – P. 351.

Результаты опроса сотрудников правоприменительных органов

№ п/п	Вопрос	Варианты ответов	Распределение ответов	
			Абс. показатели	Отн. показатели
1	Как Вы полагаете, влияет ли признание прав человека высшей ценностью и провозглашение неприкосновенности каждой личности на уровень уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности?	Да Нет	97 35	73,4 % 26,6 %
2	Считаете ли Вы, что понуждение к действиям сексуального характера представляет собой насильственное половое преступление?	Да Нет	119 13	90,2 % 9,8 %
3	Следует ли различать для целей уголовно-правовой квалификации понуждение к действиям сексуального характера и склонение к действиям сексуального характера под обещанием выгоды?	Да Нет	89 43	67,4 % 32,6 %
4	Целесообразно ли распространить действие уголовно-правовой нормы об ответственности за понуждение к действиям сексуального характера на случаи, когда понуждение подкрепляется иной угрозой, например, угроза незаконного собирания информации, постоянного преследования, уничтожения или блокирования информации?	Да Нет	113 19	85,6 % 14,4 %
5	Исчерпывается ли вина при понуждении к действиям сексуального характера только прямым умыслом? (Отрицательный ответ будет свидетельствовать о позиции респондента по возможности оценивать понуждение с косвенным умыслом в качестве преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ)	Да Нет	127 5	96,2 % 3,8 %
6	Представляют ли общественную опасность, в том числе требуемую для криминализации, действия, выраженные в принуждении другого лица к каким-либо действиям?	Да Нет	83 49	62,9 % 37,1 %
7	Следует ли разделять общественную опасность тех случаев, когда понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего	Да Нет	111 21	84,1 % 15,9 %

	осуществляет лицо старше 18 лет или лицо в возрасте от 16 до 17 лет включительно?			
8	Обосновано ли значительное увеличение строгости санкции за половые преступления, в том числе понуждение к действиям сексуального характера, при совершении в отношении детей – несовершеннолетних, малолетних?	Да Нет	129 3	97,7 % 2,3 %
9	Необходимо ли, по Вашему мнению, закрепить квалифицирующие признаки («в группе лиц по предварительному сговору, организованной группе», «с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет») для случаев понуждения к действиям сексуального характера в отношении взрослых лиц, то есть достигших 18-ти лет?	Да Нет	114 18	86,4 % 13,6 %
10	На Ваш взгляд, обладает ли результативное понуждение к действиям сексуального характера, то есть понуждение при последующем фактическом совершении сексуальных действий, самостоятельной (или большей) общественной опасностью в сравнении с общественной опасностью понуждения к действиям сексуального характера?	Да Нет Не является общественно опасным	103 25 4	78 % 19 % 3 %
11	Вы бы могли оценить содеянное в качестве понуждения к действиям сексуального характера, то есть как преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ, если виновный высказывает требование о совершении действий сексуального характера одному лицу, а угрожает при этом другому (например, в отношении девушки, угрожая уничтожить дом её родителей)?	Да Нет	98 34	74,3 % 25,7 %
12	Охватывается ли ст. 133 УК РФ понуждение к действиям сексуального характера, совершенное должностным лицом с использованием должностных полномочий?	Да Нет	43 89	32,5 % 67,5 %
13	Как квалифицировать совершение понуждения к действиям сексуального характера в отношении сразу нескольких лиц (двух и более)?	Единое преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ Совокупность преступлений, предусмотренных ст. 133 УК РФ	59 73	44,7 % 55,3 %

14	Что, по Вашему мнению, прежде всего, свидетельствует о наличии единого продолжаемого понуждения к действиям сексуального характера?	Единство умысла и идентичность мотива	91	68,9 %
		Небольшой промежуток времени	83	62,9 %
		Единство потерпевшего	57	43,2 %
15	Подлежит ли дополнительной квалификации по ст. 134 или по ст. 135 УК РФ результативное понуждение к действиям сексуального характера в отношении лица, не достигшего 16 лет (ч. 2 ст. 133 УК РФ)?	Да	49	37,1 %
		Нет	58	43,9 %
		Затрудняюсь ответить	25	19 %
16	Следует ли признать преступным понуждение к действиям сексуального характера, совершенное путем обмана?	Да	38	28,8 %
		Нет	94	71,2 %
17	Обладает ли общественной опасностью (подлежит ли криминализации) действия виновного в случае, когда женщина вступает в половую связь с мужчиной, который путем обмана выдает себя за ее сексуального партнера, используя внешнее сходство с ним (брат-близнец) или обстановку (полная темнота)?	Да	119	90,1 %
		Нет	13	9,9 %
18	Обладает ли общественной опасностью (подлежит ли криминализации) мужчина, получив добровольное согласие девушки на анальный половой акт, заведомо желая совершить половой акт в естественной форме, осуществляет задуманное, то есть обманывает потерпевшую в характере совершаемых сексуальных действий?	Да	117	88,6 %
		Нет	15	11,4 %
19	Достигают ли сексуальные домогательства, то есть развратные действия вопреки воле и согласию потерпевшего, в том числе с применением психического насилия, криминальной степени общественной опасности (принудительные поцелуи, шлепки по ягодицам, намеренные прикосновения к женской груди, а также к половым органам не зависимо от пола и возраста потерпевшего)?	Да	93	70,5 %
		Нет	39	29,5 %